

Городские исследования и практики

ТОМ 11, № 1, 2026

Исследования малых городов

Urban Studies and Practices

Volume 11, issue 1, 2026

Small Towns Studies

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**ФАКУЛЬТЕТ
ГОРОДСКОГО И
РЕГИОНАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ**

**Учредитель: НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

Позиция редакции может не совпадать
с мнением авторов.
Перепечатка материалов возможна
только по согласованию с редакцией.

Журнал зарегистрирован
21 июля 2016 г. Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС 77-66568

Адрес редакции
фактический: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 13, стр. 4, оф. 416
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20
тел.: +7 495 772-95-90 * 12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

Адрес издателя
и распространителя
фактический: 117418, Москва,
ул. Профсоюзная, д. 33, корп. 4,
Издательский дом ВШЭ
для переписки: 101000, Москва,
ул. Мясницкая, 20, НИУ ВШЭ
тел.: +7 495 772-95-90 * 15298,
e-mail: id@hse.ru

РИНЦ
EBSCO
КиберЛенинка
Google Scholar
ЕГПНИ (Q2)

Формат 60×90/8. 10,5 уч.-изд. л.
Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в ООО «Фотоэксперт»,
109316, г. Москва, Волгоградский
проспект, 42к5

Городские исследования и практики

ТОМ 11, №1, 2026

Исследования малых городов

Редакторы-составители

М. Ю. Тимофеев (ИвГУ, Российская Федерация)
С. А. Познанская (ИвГУ, Российская Федерация)

Главный редактор

Д. Р. Кодзокова (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Научные редакторы

В. Н. Данилов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. А. Смирнов (Издательство Института Гайдара, Российская Федерация)
Р. А. Дохов (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

А. А. Лаврик (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет

К. Э. Аксенов (СПбГУ, Институт наук о Земле, Российская Федерация)
Р. Альтерман (Технион – Израильский технологический институт, Израиль)
Е. В. Асс (МАРШ, Российская Федерация)
Е. А. Ахмедова (СамГТУ, Российская Федерация)
А. А. Белых (РАНХиГС, Российская Федерация)
П. Бишоп (Университетский колледж Лондона, Великобритания)
М. Я. Блинкин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
А. Г. Вайтенс (СПбГАСУ, Российская Федерация)
О. И. Вендина (ИГ РАН, Российская Федерация)
К. В. Григоричев (ИГУ, Российская Федерация)
Д. Н. Замятин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
О. Н. Запорожец (Институт региональной географии имени Лейбница, Германия)
Н. В. Зубаревич (НИУ ВШЭ; МГУ им. М. В. Ломоносова Российская Федерация)
И. Н. Ильина (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. И. Левин (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
И. Лонг (Университет Цинхуа, Китай)
С. Лоу (Городской университет Нью-Йорка, США)
С. Д. Митягин (НИИПГ, Российская Федерация)
Е. К. Михайленко (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
Ю. М. Моисеев (МАРХИ, Российская Федерация)
Т. Г. Нефедова (Институт географии РАН, Российская Федерация)
А. Н. Пилясов (НИУ ВШЭ; МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
А. С. Пузанов (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
М. С. Савоскул (МГУ им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация)
Б. А. Ревич (ИНП РАН, Российская Федерация)
С. Б. Сиваев (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)
П. Тиммс (Университет Лидса, Великобритания)

Корректор Т. В. Редькина

Дизайн С. Д. Зиновьев

Обложка, верстка А. В. Меерсон

Фотография на обложке © Олег Павлов

© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2026

Содержание

- 6 **От редакторов.** Исследования малых городов
- 10 **Варвара Молодцова, Денис Мокренский, Ксения Арцыбашева, Мария Ашуркова**
Критерии определения малых городов в странах БРИКС
- 30 **София Познанская, Варвара Молодцова, Денис Мокренский, Ксения Арцыбашева, Мария Ашуркова**
Подходы к разработке типологии малых городов в контексте актуальных для России практик стран БРИКС
- 45 **Михаил Тимофеев**
Сохранение культурного наследия в малых городах стран БРИКС на примере Бразилии
- 53 **Игорь Задорин, Ксения Николаева**
Приговоренные и выжившие. Смерть и жизнь российских наукоградов
- 67 **Михаил Тимофеев**
Системный анализ возможности локализации наукоградов в малых городах
- 77 **София Познанская, Виктория Боос**
Роль сопутствующих индустрий в обеспечении креативного сектора экономики малых городов
- 85 **Александр Сувалко, Руслан Хестанов, Сергей Селеев**
Креативная экономика по-шуйски: почему мегаполисные стратегии не работают в малых городах

РЕЦЕНЗИИ

- 100 **Константин Бугров**
Большие проблемы малых городов: рецензия на книгу «Малые города: актуализация наследия»

ISSN 2500-1604 (Print)
ISSN 2542-0003 (Online)

**FACULTY OF
URBAN AND
REGIONAL
DEVELOPMENT**

Publisher: HSE University

The editorial position does not necessarily reflect the authors views. The reproduction of materials without permission of the editorial office is prohibited.

The journal is registered July 21, 2016 in the Federal Service for Supervision in the Area of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration of mass media
PI No. FS 77-66568

Address: National Research University
Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow,
101000, Russian Federation
tel: +7 495 772-95-90*12173
e-mail: usp_editorial@hse.ru

EBSCO
CyberLeninka
Google Scholar
White List (Unified State List
of Scientific Journals) (Q2)

Urban Studies and Practices

VOLUME 11, ISSUE 1, 2026

Small Towns Studies

Guest Issue Editors

M.Yu. Timofeev (IvSU, Russian Federation)
S.A. Poznanskaya (IvSU, Russian Federation)

Editor-in-Chief

Diana Kodzokova (HSE University, Russian Federation)

Science Editors

Vyacheslav Danilov (MSU, Russian Federation)
Ruslan Dokhov (MSU, Russian Federation)
Artem Smirnov (Gaidar Institute Press, Russian Federation)

Executive Secretary

Anna Lavrik (HSE University, Russian Federation)

Editorial Council

Elena Akhmedova (Samara Polytech, Russian Federation)
Konstantin Aksenov (Institute of Earth Sciences, St.-Petersburg State University, Russian Federation)
Rachelle Alterman (Technion – Israel Institute of Technology, Israel)
Eugene Asse (March, Russian Federation)
Andrei Belykh (RANEPA, Russian Federation)
Peter Bishop (UCL, UK)
Michail Blinkin (HSE University, Russian Federation)
Konstantin Grigoriev (ISU, Russian Federation)
Irina Ilina (HSE University, Russian Federation)
Dmitry Zamyatin (HSE University, Russian Federation)
Oksana Zaporozhets (IfL, Germany)
Natalya Zubarevich (HSE University; MSU, Russian Federation)
Mark Levin (HSE University, Russian Federation)
Setha Low (CUNY, USA)
Evgeny Mikhaylenko (HSE University, Russian Federation)
Sergey Mityagin (NIIPG, Russian Federation)
Yuriy Moiseev (MARKHI, Russian Federation)
Tatyana Nefedova (IGRAS, Russian Federation)
Alexandr Pilyasov (HSE University; MSU, Russian Federation)
Alexander Puzanov (HSE University, Russian Federation)
Maria Savoskul (MSU, Russian Federation)
Boris Revich (IEF RAS, Russian Federation)
Sergey Sivaev (HSE University, Russian Federation)
Paul Timms (University of Leeds, UK)
Andrey Vaitens (SPbGASU, Russian Federation)
Olga Vendina (IGRAS, Russian Federation)

Proofreader Tatyana Red'kina

Design Sergey Zinoviev

Cover, Layout Anastasia Meyerson

Cover photo © Oleg Pavlov

© HSE University, 2026

Table of Contents

- 6 **Editorial.** Small Towns Studies
- 10 **Varvara Molodtsova, Denis Mokrensky, Kseniya Artsybasheva, Mariia Ashurkova**
Criteria for Defining Small Towns in BRICS Countries
- 30 **Sofiya Poznanskaya, Varvara Molodtsova, Denis Mokrensky, Kseniya Artsybasheva, Mariia Ashurkova**
Small Town Typology in BRICS: Approaches for Russia
- 45 **Mikhail Timofeev**
The Preservation of Cultural Heritage in Small Towns of BRICS Countries: The Case of Brazil
- 53 **Igor Zadorin, Ksenia Nikolaeva**
The Condemned and the Survivors: The Life and Death of Russia's Science Cities
- 67 **Mikhail Timofeev**
Systems Analysis of Science City Localization in Small Town
- 77 **Sofiya Poznanskaya, Victoriya Boos**
The Role of Related Industries in Supporting the Creative Sector of the Economy in Smaller Cities
- 85 **Alexander Suvalko, Ruslan Khestanov, Sergey Selev**
The Creative Economy Shuya-Style: Why Megapolis Strategies Do Not Work in Small Towns

REVIEWS

- 100 **Konstantin Bugrov**
Big Problems in Small Towns: A Review of "Small Towns: Actualizing Heritage"

Исследования малых городов

Рост числа исследований последних лет, посвященных развитию малых городов и сельских территорий, свидетельствует о возрастающем интересе к таким населенным пунктам и о признании важности их развития. При этом соответствующая проблематика рассматривается не только в академических публикациях, но и в исследованиях, подготовленных крупными международными консалтинговыми компаниями. В центре внимания авторов находятся как процессы, происходящие на этих территориях, так и конкретные меры и стратегии развития малых городов и сельских территорий.

В 2016 году международный коллектив исследователей опубликовал работу «Сельская жизнь. Будущее деревень и малых городов в условиях урбанизации» [Carlow, 2016], в которой подчеркивалось, что, несмотря на сокращение численности населения во многих сельских районах и малых городах, возможности для их процветания сохраняются — при условии формирования эффективно функционирующей экономики.

В августе 2025 года в США было опубликовано исследование Института экономической мобильности McKinsey, в котором выделены шесть стратегий, способных стимулировать экономический рост, а также повысить благосостояние и экономическую мобильность жителей малых городов в сельских районах США [McKinsey Institute for Economic Mobility, 2025]. Согласно этому исследованию, на такие районы приходится около 14% населения страны, 71% ее территории и примерно 10% ВВП. Другая публикация института, вышедшая в марте 2025 года, была посвящена вопросу «Кто такая сельская Америка?» [Julien et al., 2025]. В ней показано, что сельские территории отличаются значительным масштабом, внутренним разнообразием, динамичностью и существенным потенциалом развития.

В статье Национальной лиги городов США (National League of Cities, NLC), приуроченной к инициативе «Месячник малых городов 2025», подчеркивается значимая роль малых городов с численностью населения до 50 тыс. человек в обеспечении устойчивого территориального развития и укреплении местных сообществ [Jones, 2025]. В центре внимания авторов находится тезис о том, что влияние малых городов определяется не столько их масштабом, сколько активностью муниципального лидерства, высокой степенью вовлеченности жителей и способностью к локальным инновациям. Межмуниципальное сотрудничество, участие граждан в благоустройстве, сохранении культурного наследия и развитии локальной экономики позволяют малым сообществам эффективно решать как инфраструктурные, так и социальные задачи. Особое значение при этом приобретают горизонтальные связи, партнерство с соседними муниципалитетами и формирование локальной идентичности как факторы устойчивости. Тем самым малые города предстают не как пассивные территории, нуждающиеся исключительно во внешней поддержке, а как активные агенты развития, для которых поддержка местных инициатив и эффективное муниципальное управление выступают важными условиями повышения качества жизни и долгосрочной жизнеспособности территории.

В опубликованном в 2024 году документе Европейской сети наблюдения за территориальным развитием подчеркивается роль малых и средних городов в обеспечении сбалансированного территориального развития, а также социальной и экономической сплоченности Европы [ESPON EGTC, 2024]. К этой категории отнесены населенные пункты с численностью населения от 5000 до 50 000 жителей, а также небольшие города, сталкивающиеся со сходными вызовами. Такие города обеспечивают доступ к ключевым услугам, поддерживают локальное развитие и могут выполнять функции промежуточных центров между сельскими территориями и крупными городами, особенно в малонаселенных и периферийных регионах. Вместе с тем процессы метрополизации, демографические изменения и структурные трудности создают для них серьезные вызовы, особенно в случае удаленности от крупных агломераций, повышая их уязвимость к кризисам и ограничивая возможности реализации их потенциала развития. Для преодоления этих ограничений необходима интегрированная, территориально ориентированная политика, направленная на диверсификацию экономической деятельности, расширение доступа к качественным услугам, укрепление межмуниципального сотрудничества и поддержку инноваций.

В документе также приводятся примеры успешных политик и практик ряда европейских стран – Германии, Италии, Испании и Португалии, – где малые и средние города смогли стать драйверами регионального развития благодаря стратегическим преобразованиям, межмуниципальному сотрудничеству, инвестициям в человеческий капитал и инновации, а также укреплению полицентрических связей между городами и их окружением. Наиболее заметные результаты достигаются при участии всех уровней власти и формировании многоуровневых партнерств, что позволяет малым и средним городам становиться устойчивыми центрами роста и усиливать территориальную справедливость в масштабах региона и государства.

Кроме того, в странах – членах Европейского союза с 1962 года реализуется Единая сельскохозяйственная политика (CAP), одной из целей которой является развитие сельских районов по всей территории ЕС [Головина и др., 2021]. Обновленная программа CAP на 2023–2027 годы вступила в силу 1 января 2023 года.

В Германии малые и средние города рассматриваются как значимый элемент полицентрической системы расселения: они понимаются не как периферийные «карманы» крупных агломераций, а как самостоятельные центры повседневной жизни, занятости и предоставления услуг для существенной части населения страны. В рамках федеральной политики через Федеральный институт по строительству, урбанистике и территориальному планированию реализуются специализированные исследовательские и экспериментальные проекты,

в том числе в рамках программы ExWoSt [Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development, n.d.]), нацеленные на изучение потенциала малых городов как мест проживания, труда и сервисного обеспечения, а также на разработку инновационных планировочных и социальных практик. Эти проекты охватывают как малые города в периферийных районах, так и города, расположенные в центральных регионах, что позволяет выявлять различия в их вызовах и возможностях и, соответственно, разрабатывать адаптированные стратегии развития для населенных пунктов разного типа, включая города с численностью населения до 20 000 человек. В результате внимание сосредотачивается на укреплении функциональной роли малых городов, а также на создании специализированных платформ для обмена опытом, обучения и межмуниципального сетевого взаимодействия – например, в рамках таких инициатив, как Small Town Academy [Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development, 2021], ориентированных на укрепление институционального потенциала и устойчивости малых сообществ.

Глубокие изменения мировой экономики в последние годы сопровождались усилением роли стран БРИКС в глобальной политике и экономике. Сегодня на страны БРИКС приходится около 45% населения мира и 40% мирового ВВП. В странах БРИКС используются различные подходы к определению малого города, однако в большинстве случаев основным критерием выступает численность населения. При этом в ряде стран объединения уже сложились политики и инструменты, направленные на решение типичных проблем малых городов. В частности, в Бразилии, Индии, Китае и ЮАР реализуются меры федерального, регионального и локального уровней. Политики инфраструктурного развития малых городов, ориентированные на строительство коммунальной и транспортной инфраструктуры, а также жилья, проводятся в Бразилии в рамках политики «Мой дом, моя жизнь» и в Индии в рамках «Схемы развития городской инфраструктуры малых и средних городов». Отдельное направление политики, связанное с восстановлением объектов культурного наследия, развитием туризма и инфраструктуры в интересах исторических городов, представлено в Бразилии программой «Программа ускорения роста – исторические города».

Ряд политик в странах БРИКС ориентирован на развитие так называемых региональных городов-посредников, то есть центров деконцентрации экономической активности на региональном уровне. В Бразилии к таким мерам относятся «Программа городов-посредников для регионального развития» и «План регионального развития Амазонии».

В Китае реализуются государственные политики, направленные на развитие ключевых территорий, включая западные районы, старопромышленную базу северо-востока страны, Центральный Китай,

восточные регионы, Столичный регион и другие пространства, имеющие стратегическое значение. В Индии в целях стимулирования экономической активности в сельской местности осуществляется национальная миссия RURBAN.

Отдельную группу составляют политики, связанные с развитием высокотехнологичных и умных промышленных городов. Такие меры реализуются в Китае в рамках проекта «Прекрасная деревня», в ЮАР – в рамках «Государственной программы возрождения малых городов», а в Индии – в рамках «Программы развития национальных промышленных коридоров».

Кроме того, часть политик ориентирована на развитие моногородов в Китае в русле урбанизации нового типа, включая формирование «специализированных городов», а также на развитие умных городов – как в Китае, где проводится политика «формирования умных городов», так и в Бразилии, где реализуется «Проект развития умных городов» [Познанская и др., 2026].

В настоящем номере журнала публикуются статьи, подготовленные по итогам исследований, проведенных под эгидой Центра исследований малых городов (Шуя, Ивановская область).

В разных странах мира понятие малого города трактуется по-разному. Анализу критериев, по которым малые города выделяются в странах БРИКС, посвящена статья Варвары Молодцовой, Дениса Мокренского, Ксении Арцыбашевой и Марии Ашурковой «Критерии определения малых городов в странах БРИКС». Методологическую основу исследования составляет анализ официальных документов и научных публикаций. Полученные результаты показывают, что в странах БРИКС основным критерием отнесения города к категории малых является численность населения. При этом пороговые значения данного критерия существенно различаются: от 10 тыс. человек в Египте до 500 тыс. человек в Китае.

Исследованию и систематизации лучших зарубежных практик социально-экономического развития малых городов в странах БРИКС, а также оценке их применимости к развитию российских малых городов посвящена коллективная статья Софии Познанской, Варвары Молодцовой, Дениса Мокренского, Ксении Арцыбашевой и Марии Ашурковой «Подходы к разработке типологии малых городов в контексте актуальных для России практик стран БРИКС». В работе представлена типология малых городов стран БРИКС, при этом особое внимание уделено четырем странам – Китаю, Бразилии, Индии и ЮАР. Авторы также анализируют типологии малых городов, разработанные в Российской Федерации. На этой основе предлагается вариант типологии малых городов России, учитывающий как опыт рассмотренных стран БРИКС, так и уже существующие подходы. Для России, где малые города играют значимую роль в организации сельских районов и пригородных зон, опыт стран БРИКС может

оказаться полезным при разработке собственных инструментов их поддержки.

Практики сохранения объектов культурного наследия, расположенных в малых исторических городах, рассматриваются в статье Михаила Тимофеева «Сохранение культурного наследия в малых городах стран БРИКС на примере Бразилии и Индии». Особое внимание в статье уделено Бразилии, где с 2013 года ведется масштабная работа по сохранению материального исторического наследия и поддержке местных сообществ через развитие туризма. Для России, где малые города играют важную роль в организации сельских районов и пригородных зон, именно бразильский опыт может оказаться особенно полезным при разработке собственных программ поддержки таких территорий.

В статье Игоря Задорина и Ксении Николаевой «Наукограды и интелполисы: возможен ли ренессанс идеи» отмечается, что в современной России наукограды сохраняют статус уникального феномена территориальной научной специализации и во многом продолжают определять инновационный потенциал страны. Возникнув в разные исторические периоды, сегодня они сталкиваются с новыми вызовами – от необходимости модернизации инфраструктуры до задачи сохранения своей научной специализации. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск такой модели управления наукоградом, которая могла бы обеспечить их устойчивое развитие и одновременно сохранить их ключевую миссию – концентрацию научного потенциала.

Сущностные характеристики наукограда как особого типа населенного пункта, основные факторы формирования городов науки в СССР в 1930–1980-е годы, а также практики первой четверти XXI века, связанные с созданием современных наукоград-технополисов, рассматриваются в статье Михаила Тимофеева «Системный анализ возможности локализации наукоград в малых городах». В этой работе автор анализирует архитектурно-планировочные особенности городов данного типа. Опираясь на отечественные практики, он обосновывает преимущества и недостатки размещения специализированных научных центров в малых городах. Особое внимание при этом уделяется социально-философским, политико-экономическим и социально-географическим факторам создания и развития наукоград.

В статье Софии Познанской и Викторией Боос «Роль сопутствующих индустрий в обеспечении креативного сектора экономики малых городов» использована наиболее современная комплексная методология измерения городской креативной экономики, включающая анализ данных бухгалтерской отчетности организаций, представленных в базе СПАРК-Интерфакс, официальной статистики по крупным и средним организациям города, размещенной в базе данных «Показатели муниципальных образований», а также открытых реестров Рос-

патента. В результате была выявлена основная креативная специализация города Шуя Ивановской области – производство материалов для креативных индустрий. При этом в городе присутствует ряд креативных индустрий, обладающих потенциалом дальнейшего развития.

На материале малого города Шуи в статье «Креативная экономика по-шуйски: почему мегаполисные стратегии не работают в малых городах» Александр Сувалко, Руслан Хестанов и Сергей Селеев переосмысливают универсальные модели развития креативных индустрий, показывая, что их механическое перенесение из контекста мегаполисов нередко оказывается неэффективным и требует учета локального контекста, традиций и специфики развития сообществ. На основе междисциплинарного исследования авторы выявляют ключевые ограничения, препятствующие реализации творческого потенциала малых городов: кризис системы образования, разобщенность сообщества, дефицит инфраструктуры и недостаток институциональной поддержки. Основным выводом работы состоит в том, что в условиях малого города креативные индустрии выполняют не столько экономическую, сколько значимую социокультурную функцию: они укрепляют локальную идентичность, формируют городскую среду и выступают одним из драйверов развития туризма.

София Познанская
Михаил Тимофеев
Варвара Молодцова
Денис Мокренский

Источники

- Головина, С. Г., Ручкин, А. В., Миколайчик, И. Н., и Смирнова, Л. Н. (2021). Участие местных сообществ в развитии сельских территорий: опыт Европейского союза. *Аграрный вестник Урала*, 9(212), 80–92. <https://doi.org/10.32417/1997-4868-2021-212-09-80-92>.
- Carlow, V. M. (Ред.). (2016). *Ruralism: The future of villages and small towns in an urbanizing world*. JOVIS. https://www.hcu-hamburg.de/fileadmin/documents/Studium/Studienangebote/Architektur/Landschaftsarchitektur/Ruralism_-_The_Future_of_Villages_and_Small_Towns_in_an_Urbanizing_World.pdf.
- ESPON EGTC. (2024, февраль). *Role of small and medium-sized towns and cities in territorial development and cohesion Policy brief*. https://www.espon.eu/sites/default/files/2024-05/ros1_role-of-small-and-medium-towns_screen.pdf.
- Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development. (6. д.). *Experimental housing and urban development*. https://www.bbsr.bund.de/BBSR/EN/research/programs/ExWoSt/exwost_node.html
- Federal Institute for Research on Building, Urban Affairs and Spatial Development. (2021, январь). *German small town academy – Pilot phase: Empowerment of small towns through collaboration, consulting and networking PDF*. <https://www.bbsr.bund.de/BBSR/EN/publications/SpecialPublication/2021/german-small-town-academy-pilot-phase-d1.pdf>.
- Jones, C. (2025, 3 июня). *Small cities month: Big impact in small communities*. National League of Cities. <https://www.nlc.org/article/2025/06/03/small-cities-month-big-impact-in-small-communities/>.
- Julien, J. P., Gardner, N., Tucker-Ray, S., & Stewart III, S. (2025, 20 марта). *Who is rural America? McKinsey Institute for Economic Mobility*. <https://www.mckinsey.com/institute-for-economic-mobility/our-insights/who-is-rural-america>.
- McKinsey Institute for Economic Mobility. (2025, 4 августа). *Small towns, massive opportunity: Unlocking rural America's potential*. <https://www.mckinsey.com/institute-for-economic-mobility/our-insights/small-towns-massive-opportunity-unlocking-rural-americas-potential>.

Критерии определения малых городов в странах БРИКС

Варвара Молодцова,
Денис Мокренский,
Ксения Арцыбашева,
Мария Ашуркова

Малые города играют серьезную роль в процессе урбанизации. Они не только обеспечивают экономический рост на региональном уровне, но и являются важными точками для обеспечения стратегической безопасности стран и устойчивого развития территорий. В то же время глобальная трансформация мировой экономики в последние годы [Злотников и др., 2024; Дынкин, 2024] привела к росту влияния на мировой арене стран, которые входят в международное объединение БРИКС (далее – БРИКС). На объединение экономик стран БРИКС сегодня приходится значительная часть мирового населения (более 3,6 млрд человек, или около 45% населения стран мира в 2024 г.) и валового внутреннего продукта (почти 40% в 2023 г., что на 10% больше удельного веса экономик стран «Большой семерки») [BRICS Joint Statistical Publication, 2024; The World Bank, 2025].

В настоящее время в список стран-членов БРИКС входят 10 государств: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика (ЮАР), Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) [BRICS, 2025]. В каждой из перечисленных стран существуют свои подходы к определению малого города, что необходимо учитывать в сравнительных исследованиях. И важно понимать, как различаются подходы к определению и классификации малых городов в странах БРИКС и какие из них могут быть релевантны для применения в других странах с сопоставимой структурой расселения.

Россия

В России понятие малого города закреплено в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года. Согласно отечественной специфике, «малый

Молодцова Варвара Александровна, старший преподаватель, младший научный сотрудник, факультет городского и регионального развития, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.

E-mail: vmolodtsova@hse.ru

Мокренский Денис Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, факультет городского и регионального развития, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.

E-mail: dmokrenskii@hse.ru

Арцыбашева Ксения Владимировна, магистр программы «Городское планирование», факультет городского и регионального развития, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.

E-mail: kvartsybasheva@edu.hse.ru

Ашуркова Мария Олеговна, бакалавр программы «Городское планирование», факультет городского и регионального развития, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.

E-mail: moashurkova@edu.hse.ru

В современных условиях глобального тренда роста урбанизированности территорий малые города играют ключевую роль в обеспечении сбалансированного пространственного развития, являясь связующим звеном между сельскими районами и городскими агломерациями. Страны БРИКС, объединяющие почти половину мирового населения и значительную долю мирового ВВП, активно работают над городским развитием. Во многих из них отдельное внимание уделяется развитию малых городов. Статья посвящена определению критериев малых городов, выделяемых в странах БРИКС. Основой методологии исследования является анализ официальных документов (планов, стратегий развития, статистических отчетов, нормативных и правовых актов) и научных публикаций. Результаты показывают, что основным критерием для отнесения города к малому в странах БРИКС является численность его населения. При этом пороговые значения этого критерия значительно

город» – это город с численностью населения менее 50 тыс. человек [Распоряжение Правительства РФ № 4146-р, 2024]. По данным переписи населения 2021 года, в России насчитывалось 1118 городов, из которых 72% (около 800) являлись малыми в соответствии с упомянутым критерием. Несмотря на преобладание малых городов, на их долю приходилось менее 15% городского населения России в 2021 году, тогда как большая часть городского населения сконцентрирована в более крупных городах.

Тем не менее малые города являются важнейшей частью опорного каркаса расселения страны. Расположение малых городов России во многом связано с ее историческим развитием, поэтому значительная часть малых городов (около 20%) относится к категории исторических. Наибольшее количество малых городов сосредоточено в Центральном федеральном округе (29%), наименьшее – в Северо-Кавказском федеральном округе (4%).

В постсоветский период для малых городов наиболее ярко выражена тенденция снижения численности населения. Особенно уязвимыми к депопуляции оказались города с численностью населения до 20 тыс. человек, выполняющие в основном функции опорного каркаса в сельской местности, которые испытали влияние миграции населения в более крупные города, а также его естественной убыли. К факторам роста населения в малых городах исследователи относят наличие развивающейся отрасли экономики, этнический состав населения, а также расположение в агломерации крупного города. В региональном разрезе тенденция к снижению численности населения малых городов проявляется в Нечерноземье, тогда как малые города в Сибири и Поволжье, экономическая специализация которых связана с добычей полезных ископаемых, напротив, росли. Также увеличение численности населения характерно для малых городов, расположенных в южных регионах России, где положительную роль играет природно-климатический фактор [Карачурина, 2013; Овчинников, 2023].

Бразилия

В Бразилии отсутствуют официально установленные критерии определения малых городов. Трудности в их классификации также связаны с особенностями разделения городских и сельских территорий. Отнесение того или иного населенного пункта к городу определяется административным критерием, согласно которому городом считается центр муниципалитета и центры районов, входящих в муниципалитет. Это приводит к дискуссии как о самом понятии городов, так и критериев для их классификации. Исследователи предлагают не только опираться на демографический критерий, но и учитывать положение города в системе расселения для комплексного взгляда на малые города [Da Silva et al., 2009; Corrêa, 2011]. Тем не менее численность населения является наиболее распространенным критерием для классификации малых городов и здесь. В разных исследованиях верхняя граница численности населения малого города лежит в пределах широкого диапазона – от 10 тыс. до 100 тыс. человек, однако наиболее распространенным порогом, как и в России, является 50 тыс. человек. Так, именно этой границы придерживается Институт прикладных экономических исследований (IPEA) [Dias, 2020].

Бразилия является высокоурбанизированной страной. По данным переписи населения 2022 года, уровень урбанизации составил 87,4% [IBGE, 2025]. Малые города являлись наиболее распространенным классом городов: если рассматривать их в широком смысле (по верхней границе в 100 тыс. человек), то их доля превысила 90% в общем числе городов (табл. 1). Несмотря на то что более половины городского населения страны проживает в больших и средних городах, малые города имеют ощутимый вес в городской структуре Бразилии.

варьируются в разных странах БРИКС: от 10 тыс. человек в Египте до 500 тыс. в Китае. В Индонезии и ряде других стран в критериальности малых городов акцент смещен с численности населения на определяемую социально-экономическую значимость населенного пункта. Результаты анализа динамики количества малых городов, их пространственного распределения и численности населения демонстрируют, что, несмотря на то что малые города зачастую количественно преобладают в структуре городов стран БРИКС, доля их населения сокращается вследствие миграции в крупные агломерации. При этом для России, где малые города играют важную роль в организации сельских районов и пригородных зон, зарубежный опыт стран БРИКС может быть полезен для разработки собственных инструментов их поддержки.

Ключевые слова: малые города; урбанизация; БРИКС; критерии классификации городов

Цитирование: Молодцова, В. А., Мокренский, Д. Н., Арцыбашева, К. В., и Ашуркова, М. О. (2026). Критерии определения малых городов в странах БРИКС. *Городские исследования и практики*, 11(1), 10–29. <https://doi.org/10.17323/usp111202610-29>

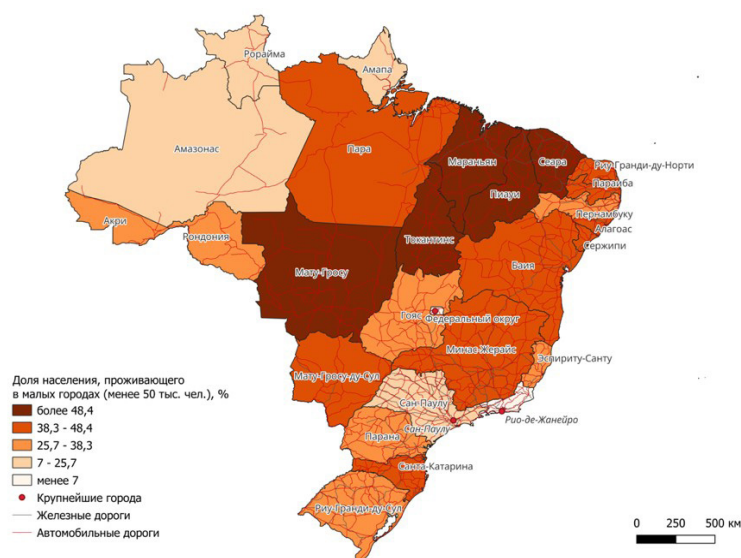
Классы муниципалитетов по численности населения	Численность городского населения, млн чел.	Общая численность населения, млн чел.	Число городов	Доля в городском населении, %	Доля в общей численности населения, %	Доля городов, %
Всего	177,5	203,1	5770	100	87,4	100
Большие и средние города	110,5	115,6	319	62,3	56,9	5,5
Малые города, менее 100 тыс. чел.	67,0	87,4	5451	37,7	43,1	94,5
Малые города, менее 50 тыс. чел.	49,2	64,0	5113	27,7	31,5	88,6

Таблица 1. Малые города Бразилии по переписи населения 2022 г.

Источник: составлено авторами по данным IBGE [IBGE, 2025].

За последние 50 лет в Бразилии появилось около 2000 новых муниципалитетов, что было связано с возникновением новых городов в районах нового освоения, а также в агломерациях крупнейших городов. В абсолютных значениях основную долю новых муниципальных образований составили малые города, однако их доля в общем числе муниципалитетов снижалась (табл. 2 и 3).

населения (Минас-Жерайс, Сан-Паулу), в которых города этого размерного класса выполняют роль локальных центров в плотной городской сети. Более показательны различия в доле населения, проживающего в малых городах (рис. 1). Города с численностью населения менее 50 тыс. человек имеют наибольший вес в структуре городского населения штатов со специализацией в сельском хозяйстве. Так, штат Мату-Гросу, расположенный в центральной части страны, имеет высокий уровень урбанизации (более 80%) за счет размещения более половины городского населения в малых городах, которые выступают центрами переработки продукции агропромышленного комплекса. Меньшее значение малые города имеют в штатах с крупногородским характером урбанизации (Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро), а также в штатах Северного макрорегиона (Амазонас, Рорайма, Амапа) вследствие концентрации населения в административных центрах штатов и низкого уровня освоённости территории. Для штатов Северного и Центрально-Западного макрорегионов (рис. 2) характерно тяготение размещения малых городов вдоль основных транспортных осей: крупнейших автомобильных дорог и по течению крупных рек (например, Амазонки).

Рис. 1. Доля населения, проживающего в малых городах, в штатах Бразилии, 2010 г.

Источник: составлено авторами по данным IBGE [IBGE, 2025].

Основными драйверами урбанизации Бразилии были большие и средние города, население в которых увеличилось за 50 лет почти в 4 раза за счет миграции из сельской местности и городов меньшего размера. Рост численности населения в малых городах в абсолютных значениях был менее интенсивным, а в относительных значениях их доля в общей численности населения неуклонно снижалась (табл. 4 и 5).

В региональном аспекте наибольшее количество малых городов в экономически развитых штатах с высокой плотностью

На фоне роста больших и средних городов малые города во многом остались вне зоны интересов исследователей и государственной политики. В академической литературе, а также в документах пространственного и социально-экономического планирования проблемы развития малых городов изучены достаточно слабо: основное внимание городских исследований в Бразилии традиционно направлено на крупные города и агломерации. Малые города никогда не включались в Планы национального развития, несмотря на зна-

Таблица 2. Динамика количества муниципалитетов Бразилии, 1970–2022 гг.

Источник: составлено авторами по данным IBGE [IBGE, 2025].

Год	Количество муниципалитетов по размерным классам					Всего
	Менее 50 тыс. чел.	Менее 100 тыс. чел.	100–500 тыс. чел.	Более 500 тыс. чел.		
1970	3701	3858	83	11	3952	
1980	3609	3849	124	18	3991	
1990	4020	4304	162	25	4491	
2000	4982	5283	193	31	5507	
2010	4957	5282	245	38	5565	
2022	5113	5451	278	41	5770	

Таблица 3. Динамика доли муниципалитетов по размерным классам в Бразилии, 1970–2022 гг.

Источник: составлено авторами по данным IBGE [IBGE, 2025].

Год	Доля муниципалитетов по размерным классам, %					Всего
	Менее 50 тыс. чел.	Менее 100 тыс. чел.	100–500 тыс. чел.	Более 500 тыс. чел.		
1970	93,6	97,6	2,1	0,3	100	
1980	90,4	96,4	3,1	0,5	100	
1990	89,5	95,8	3,6	0,6	100	
2000	90,5	95,9	3,5	0,6	100	
2010	89,1	94,9	4,4	0,7	100	
2022	88,6	94,5	4,8	0,7	100	

Таблица 4. Динамика численности населения муниципалитетов Бразилии, 1970–2022 гг.

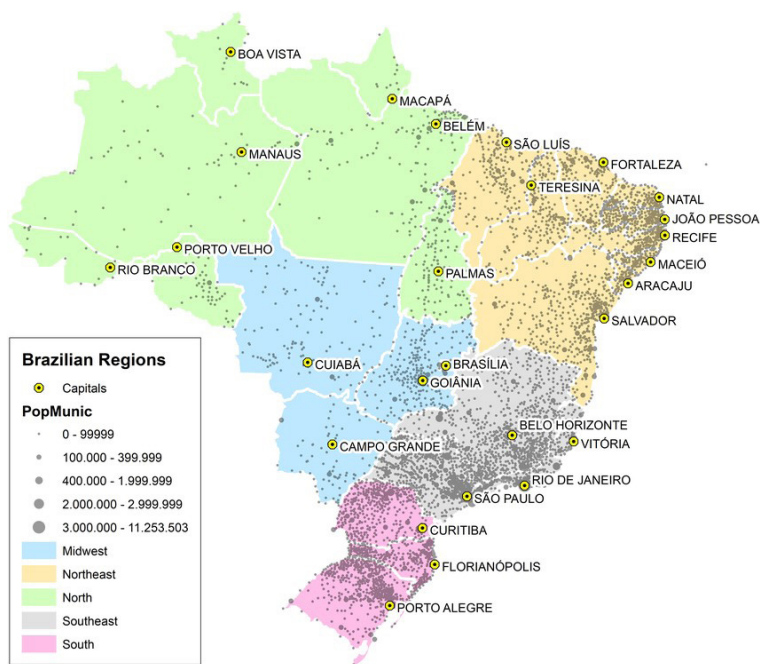
Источник: составлено авторами по данным IBGE [IBGE, 2025].

Год	Численность населения, млн чел.				
	Менее 50 тыс. чел.	Менее 100 тыс. чел.	100–500 тыс. чел.	Более 500 тыс. чел.	
1970	51,5	61,9	14,6	18,0	
1980	52,1	68,0	23,6	29,5	
1990	56,7	76,1	32,1	38,8	
2000	62,2	83,1	39,6	46,9	
2010	64,0	86,3	48,6	55,9	
2022	64,0	87,4	56,8	58,9	

Таблица 5. Динамика доли численности населения муниципалитетов по размерным классам в Бразилии, 1970–2022 гг.

Источник: составлено авторами по данным IBGE [IBGE, 2025].

Год	Доля населения в городах разного размера, %				
	Менее 50 тыс. чел.	Менее 100 тыс. чел.	100–500 тыс. чел.	Более 500 тыс. чел.	
1970	54,5	65,5	15,5	19,0	
1980	43,0	56,1	19,5	24,4	
1990	38,6	51,8	21,8	26,4	
2000	36,7	49,0	23,3	27,6	
2010	33,6	45,3	25,5	29,3	
2022	31,5	43,1	28,0	29,0	

Рис. 2. Распределение городов разной численности населения по регионам Бразилии (малые города с численностью населения менее 100 тыс. чел.)

Источник: [De Castro et al., 2020].

чимось городов малого размера в формировании сбалансированной системы расселения. Малые города сталкиваются с недостаточным уровнем инвестиций, которые направляются в основном в крупные и средние города. Тем не менее в последние годы подчеркивается важность деконцентрации населения в более мелких центрах и развития малых городов как локальных центров экономической активности, в том числе как центров обслуживания населения сельских районов [Leão, 2010].

Египет

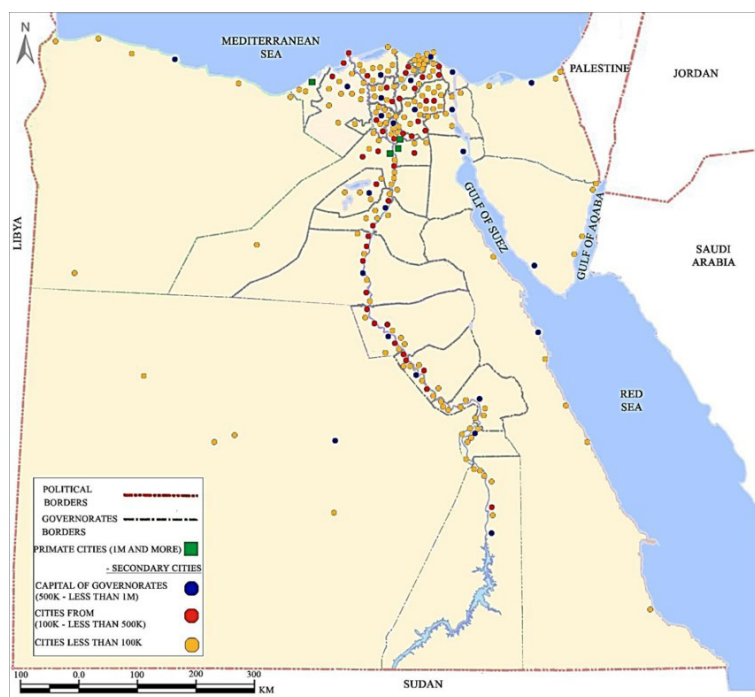
В случае с Египтом, в официальных источниках среди статистических показателей и публикуемых отчетах и программах понятие малого города не упоминается. Египетским Центральным агентством по мобилизации и статистике (Central Agency for Public Mobilization and Statistics – CAPMAS) в отдельных публикуемых наборах данных используются взаимоисключающие переменные: city – город, village – деревня, сельское поселение [CAPMAS, 2025]. При этом, в отличие от многих государственных источников информации в других странах, в основу этого деления на город и деревню заложен не административный статус поселения, а численность населения. В справочном материале наборов данных, где фигурирует переменная city/village, указывается, что для статистики городом является любое поселение, численность которого превышает 10 тыс. человек [Central Data

Catalogue, 2025]. При этом нет дополнительного деления городов на такие подгруппы, как «малые города», «средние», «большие» и т.д. По данным Центрального агентства по мобилизации и статистике городов с населением более 100 тыс. человек в Египте насчитывается 46, суммарно в них проживает порядка 40% населения страны [CAPMAS, 2025].

Пространственно подобные города расположены преимущественно в районе дельты реки Нил, что в целом соответствует существующему в Египте паттерну распределения населения вдоль наиболее полноводной реки, в особенности в ее дельте, где сосредоточена основная инфраструктура, включая порты (рис. 3).

Таким образом, в официальных источниках пороговое значение в 10 тыс. человек используется как прокси размера поселения, который коррелирует с остальными социально-демографическими показателями, включенными в определенный набор данных. Всего CAPMAS предоставляет 8 наборов данных по четырем тематикам, в которых включена переменная *city/village*: данные по авиаперевозкам, объектам инфраструктуры в сфере здравоохранения, здоровью населения в расчете по домохозяйствам, бракам и разводам [Central Data Catalogue, 2025]. Понятие малого города не используют в статистических отчетах.

Академическая литература, посвященная изучению урбанизации в Египте, стремится в том числе к компенсации отсутствия комплексного подхода к городам различного размера (численности населения) на государственном уровне, выделяя собственный критерий отнесения городов к малым. Так, некоторые локальные исследования египетских авторов привлекают классификацию ООН-Хабитат (UN-Habitat) и относят к малым городам Египта города с численностью населения до 100 тыс. человек, не вводя дополнительной категоризации малых городов [Hamid et al., 2023; Riad et al., 2020; Shaalan, 2013]. В рамках этих же исследований следующим шагом становится описание существующих практик устойчивого развития городов, сформулированных ООН-Хабитат, которые могли бы оказаться релевантны для Египта, где вместе с продолжающейся урбанизацией встают вопросы эрозии почв, загрязнения водных источников, деградации растительного покрова и многие другие [Hamid et al., 2023; Riad et al., 2020; Shaalan, 2013]. Такие проблемы оказываются особенно характерны для городов, рас-

Рис. 3. Пространственное распределение городов Египта, 2023 г.

Источник: [Central Data Catalogue, 2025].

положенных в дельте реки Нил, то есть наиболее крупных по численности населения.

В международном академическом пространстве сохраняется экологический подход рассмотрения городов Египта, однако по сути пропадает используемая локальными исследователями классификация городов с опорой на метрики ООН-Хабитат. В этих работах описаны новые, возникшие ближе к концу XX века и позднее, города в Египте (к примеру, Мадинат-эс-Садат), при планировании которых отдельное внимание уделяется зеленым пространствам и устойчивому развитию города [Addanki et al., 2017; Mahmoud et al., 2011; El Ghorab et al., 2016; Hegazy et al., 2017]. Таким образом, размер города и его специфика, возникающая вследствие его компактности, уступают место другим городским характеристикам, таким как экологичность и дата основания города.

Китай

В соответствии с заявлением Государственного совета КНР¹ от 20 ноября 2014 года к малым городам относятся города с численностью населения до 500 тыс. человек (города с численностью населения менее 200 тыс. человек относятся к малым городам категории II, а города с численностью населения от 200 тыс. до 500 тыс. человек – к малым

городам категории I) [The State Council of the People's Republic of China, 2014]. Согласно данному заявлению, города КНР подразделяются на пять категорий, где численность постоянного населения используется в качестве основного статистического критерия (табл. 6).

В том же 2014 году уровень урбанизации Китая достиг 55%. Рост численности городского населения продолжается в Китае в течение последних 40 лет [Chaolin et al., 2015].

Исследования, посвященные городским проблемам в Китае, значительно отличаются друг от друга в выборе подходящих сопоставимых показателей численности городского населения. Разница обусловлена частыми изменениями границ городских районов, а также подходов к статистическому подсчету городского населения в Китае [Hong et al., 2022].

Согласно исследованию «Развитие и трансформация малых городов в сельской местности Китая», выполненному в 2015 году, численность населения малых городов и поселков Китая в 2010 году составила 303,23 млн человек, около 45% от численности городского населения КНР. В 2010 году численность населения малых городов и поселков увеличилась относительно 2000 года почти на 53% (табл. 7).

В 2014 году в КНР насчитывалось более 20 тыс. малых городов и поселков. Средняя численность населения таких населенных пунктов в КНР составляла около 6–9 тыс. чел. [Chaolin et al., 2015].

Что касается пространственного распределения малых городов и поселков, то почти 40% из них расположены в прибрежном регионе, 32% – в центральном и 28% – в западном регионе (рис. 4). Большинство городов тяготеют к прибрежной зоне.

Помимо использования направленной политики по развитию малых городов и сельской местности, власти Китая активно внедряют строительство новых городов. В начале XXI века китайское правительство объявило о своем плане строительства 20 новых городов ежегодно до 2020 года. В общей сложности до 2020 года планировалось спроектировать и построить до 400 новых городов [Fang et al., 2016].

В соответствии с данными планами правительства КНР были спланированы и разработаны различные типы новых городов, включая университетские городки,

1. The State Council of the People's Republic of China.

Таблица 6. Категории городов КНР

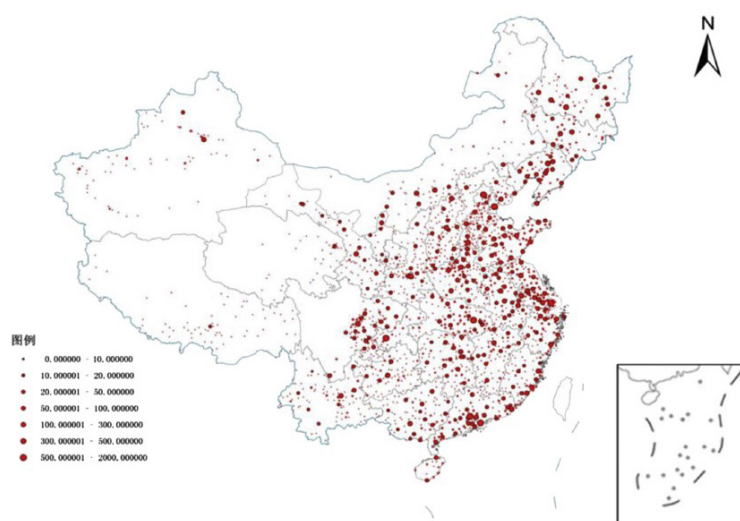
Источник: составлено авторами по данным [The State Council of the People's Republic of China, 2014].

Категория 1	Категория 2	Категория 3	Категория 4	Категория 5
Города с населением до 500 тыс. чел. – малые города	Города с населением от 500 тыс. до 1 млн чел. – средние города	Города с населением от 1 млн до 5 млн чел. – крупные города	Города с населением от 5 млн до 10 млн чел. – очень крупные города	Города с населением от 10 млн чел. – сверхкрупные города
От 200 тыс. до 500 тыс. чел. – малые города I типа		От 3 млн до 5 млн чел. – крупные города I типа		
До 200 тыс. чел. – малые города II типа		От 1 млн до 3 млн чел. – крупные города II типа		

Таблица 7. Численность населения городов КНР 2000–2010 гг.

Источник: составлено по данным официальных переписей населения.

Типы городов	Численность населения в 2000 г., млн чел.	Численность населения в 2010 г., млн чел.	Прирост, 2010 к 2000 г., %
Города с населением от 10 млн чел. – сверхкрупные города	48,68	73,35	50,68
Города с населением от 5 млн до 10 млн чел. – очень крупные города	41,27	59,52	44,20
Города с населением от 1 млн до 5 млн чел. – крупные города	96,33	135,44	40,60
Города с населением от 500 тыс. до 1 млн чел. – средние города	74,37	98,66	32,67
Города и поселки с населением до 500 тыс. чел. – малые города	198,58	303,23	52,70
Всего	459,22	670,20	45,94

Рис. 4. Распределение городов и поселков в Китае в 2011 г.

Источник: [Chaolin et al., 2015].

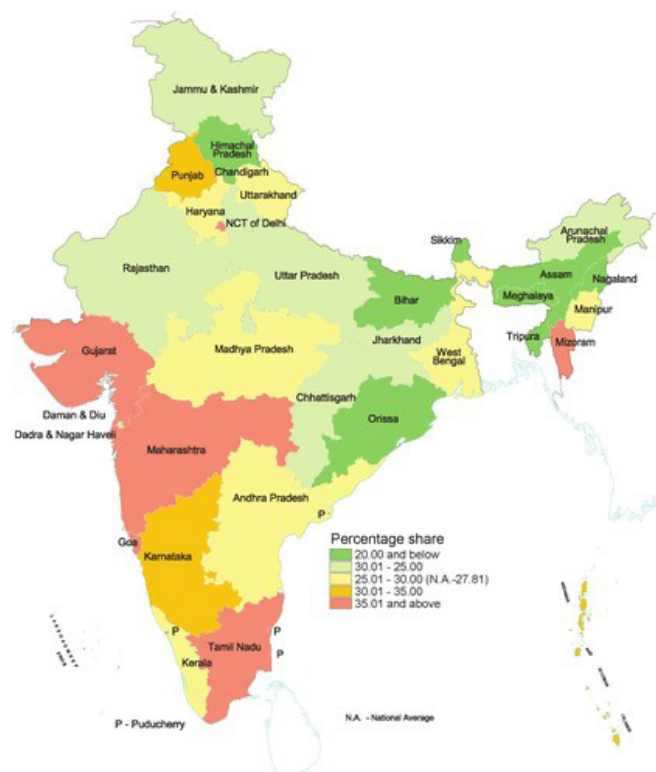
административные новые города, финансовый город, умный город, экогород и город с низким уровнем выбросов углерода. Таким образом, местные органы власти используют подходы, способствующие экономическому росту, посредством «создания мест или продвижения», «гражданского активизма», престижных проектов, чтобы стимулировать местный экономический рост и повысить свою конкурентоспособность [Song et al., 2020].

Большинство китайских политиков и экспертов выступают за параллельное развитие поселков, малых, средних и больших городов. Большие и средние города способны обеспечить наилучшие возможности для развития капиталоемких и техноемких отраслей и сферы услуг. Они способны привлекать значительное число временных и сезонных мигрантов из села. Малые же города и поселки предоставляют возможность для развития трудоемкого производства, гарантируя переселенцам из деревни рабочие места и более дешевое и постоянное место жительства. Именно малые города служат основными поставщиками традиционных товаров на экспорт [Доклад о положении в стране, 2003].

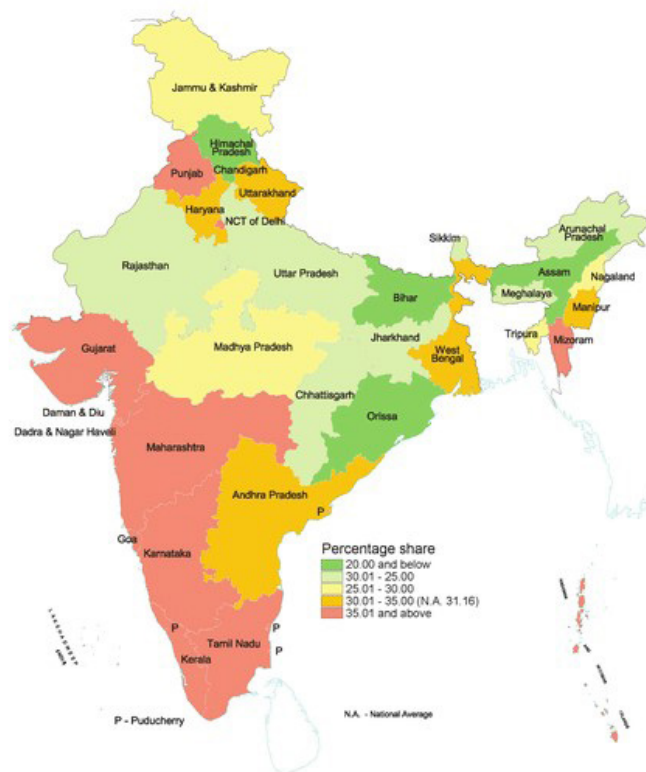
Индия

В Индии отсутствуют официально закрепленные критерии определения малых городов. Часть исследователей опирается на классификацию, принятую в переписи населения Индии, которая разделяет на классы города с численностью населения менее 100 тыс. человек. Таким образом, малыми можно считать города с чис-

Percentage share of total population, 2001 (Urban)

Percentage share of total population, 2011 (Urban)

Рис. 5. Уровень урбанизации в Индии, 2001–2011 гг.
Источники: [Nijman, 2012].

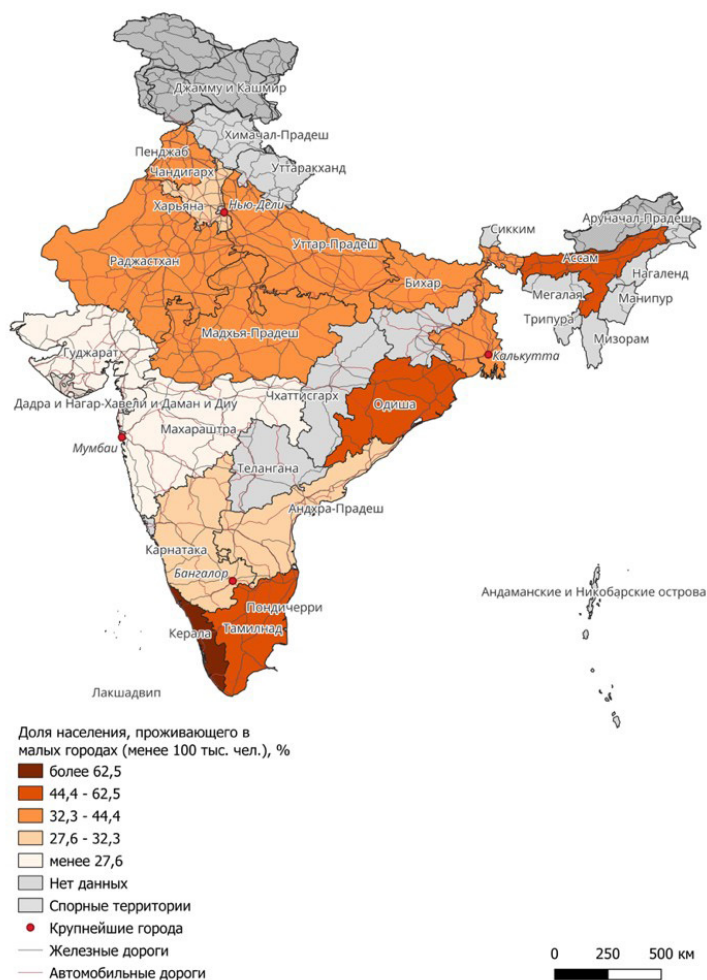
ленностью населения ниже этого порога [Guin, 2019; Tripathi, 2021; Kundu, 2011]. Менее распространенная верхняя граница малого города – 50 тыс. человек [Guin, 2019].

Городские населенные пункты в Индии включают две категории: статутные и переписные города [Census of India, 2025]. В первом случае определение города близко к российским критериям: численность населения не менее 5 тыс. человек, занятость не менее 75% населения в несельскохозяйственной деятельности, плотность населения не менее 400 человек на 1 км². Во втором случае статус города определяется законом штата без дополнительных условий. По данным последней переписи населения, проведенной в 2011 году, в Индии насчитывалось более 6 тыс. городов, включая статутные, переписные, а также городские агломерации. Уровень урбанизации в стране составил около 31%, и основной вклад в эту долю вносят большие и средние города с численностью населения более 100 тыс. человек, где концентрируется около 70% всех горожан. На малые города приходится более 90% всех городских населенных пунктов, из них на малые города с населением менее 20 тыс. человек приходится более половины городов. За период с 1971 по 2011 год общее число городов выросло почти в 2,5 раза, в первую очередь за счет

появления новых переписных малых городов. На фоне роста доли больших и средних городов происходило также увеличение доли малых городов с населением менее 50 тыс. человек. Динамика численности населения городов Индии за рассматриваемый период показывает усиление диспропорций между малыми и более крупными городами. В абсолютных значениях увеличение численности населения в больших и средних городах было намного более значительно, чем в малых (201,2 млн в больших и средних городах против 66,7 млн человек в городах с населением менее 100 тыс.). Доля населения, проживающего в малых городах, постепенно снижалась, что говорит о крупногородском характере урбанизации в стране.

На региональном уровне для Индии характерны значительные различия в уровне урбанизации. Наиболее урбанизированные штаты расположены на юге страны, причем в них за период с 2001 по 2011 годы наблюдался рост доли городского населения. Также уровень урбанизации увеличился в штатах, где расположены крупнейшие города страны или их агломерации: на севере Индии штат Харьяна, окружающий Национальную столичную территорию Дели, Западная Бенгалия (Колката), Карнатака (Бангалор) (рис. 5).

Региональный вклад малых городов в урбанизацию Индии также имеет выра-

Рис. 6. Доля населения, проживающего в малых городах, в основных штатах Индии, 2011 г.

Источник: составлено авторами на основе [Tripathi et al., 2022].

женные различия (табл. 8, рис. 6). По количеству малых городов лидируют южные штаты Тамилнад и Керала, которые имеют высокий уровень урбанизации за счет высокой плотности городов малого размера. В штате Керала мелкогородское расселение концентрируется в приморской зоне. В преимущественно сельских штатах центральной Индии (Уттар-Прадеш, Мадхья-Прадеш, Раджастхан) доля малых городов в общей численности городского населения также имеет высокое значение, что связано с ролью малых городов как локальных центров в густонаселенной сельской местности. В штатах, где в структуре городского населения велико значение крупных агломераций (штат Махараштра – Мумбаи, Пуна, Нагпур, штат Гуджарат – Ахмадабад, Сурат), роль малых городов как центров концентрации населения снижена (рис. 7).

Несмотря на то что количественно малые города преобладают в структуре городов как класс, большие и средние города остаются основными магнитами урбанизации. В городских исследованиях феномен малых городов изучен достаточ-

но слабо, однако изучение городов этой категории людности проводилось с 1960-х годов. В то время малые города рассматривались как центры сдерживания мигрантов из сельской местности в большие города, а также как локальные центры обслуживания сельского населения. С 1980-х годов малые города практически полностью игнорировались исследователями, так как основное внимание было направлено на крупные города и агломерации, которые позиционировались как центры экономического роста на национальном уровне [IndiaSpend, 2019].

В последнее время наблюдается рост научных публикаций и аналитических отчетов, посвященных проблемам развития малых городов. Так, исследователи указывают, что малые города вносят большой вклад в увеличение числа рабочих мест в несельскохозяйственном секторе, а также в сокращение уровня бедности за счет миграции дешевой рабочей силы из сельской местности, ищущей места приложения труда в городах. Это приводит как к росту числа малых городов, так и населения в них [NITI Aayog, 2022].

Индонезия

В Индонезии понятие малого города не определено. В официальной статистике, в частности в Бюро статистики Индонезии (Badan Pusat Statistik – BPS), не используется классификация и типология городов в зависимости от их размера, то есть численности населения [Badan Pusat Statistik, 2025]. Вместо этого в ежемесячном отчете, подготовляемом этим бюро (monthly report of socio-economic data), можно встретить дихотомию *major cities* – крупнейшие 5–6 городов-лидеров по рассматриваемому социально-экономическому показателю и *cities and settlements* – аналог категории «все остальное», для которой значение того же статистического показателя приводится как суммарное для всех поселений [Badan Pusat Statistik, 2025]. Эти *major cities* концентрируют на своей территории десятую часть населения страны, а в целом уровень урбанизации Индонезии стремится к 56%, при том что статусом города (*kota*) обладают 98 населенных пунктов [Badan Pusat Statistik, 2025]. Отметим, что *major cities* рассредоточены по всей территории страны, однако зачастую находятся не в центральной части островов, а на прибрежных территориях, тяготея к портам и крупнейшим транс-

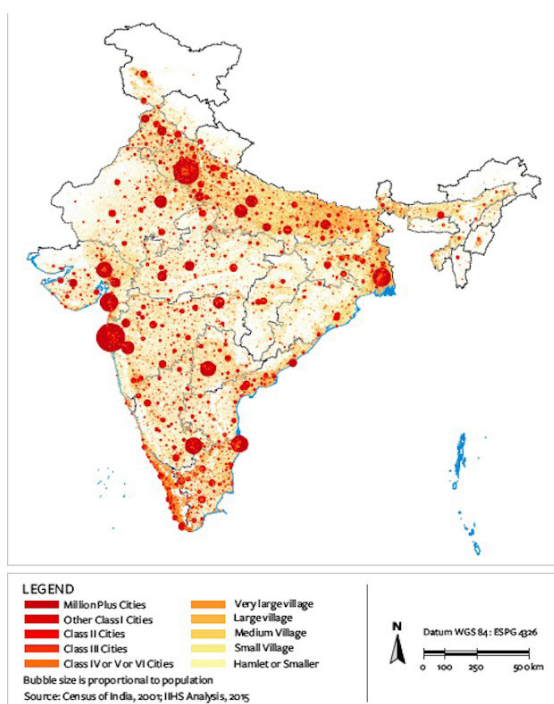
Таблица 8. Число и доля городов в основных штатах Индии по классам численности населения, 2011 г.

Источник: составлено авторами на основе [Tripathi et al., 2022].

Штат	Города – более 100 тыс. чел.	Малые города – менее 100 тыс. чел.	Малые города – менее 50 тыс. чел.	Города – более 100 тыс. чел., %	Малые города – менее 100 тыс. чел., %	Малые города – менее 50 тыс. чел., %
Андхра-Прадеш	46	308	241	13	87	68
Ассам	6	208	200	3	97	93
Бихар	26	173	145	13	87	73
Гуджарат	31	317	284	9	91	82
Харьяна	19	134	123	12	88	80
Керала	10	514	485	2	98	93
Карнатака	26	321	282	7	93	81
Мадхья-Прадеш	32	445	414	7	93	87
Махараштра	45	490	436	8	92	81
Одиша	10	211	195	5	95	88
Пенджаб	17	200	177	8	92	82
Раджастхан	29	268	242	10	90	81
Тамилнад	32	1065	985	3	97	90
Уттар-Прадеш	64	851	789	7	93	86
Западная Бенгалия	62	850	813	7	93	89

Рис. 7. Распределение городов разных классов в Индии, 2001 г.

Источник: составлено авторами на основе [IndiaSpend, 2019].

Как следствие, в различных государственных программах невозможно встретить отдельные практики, направленные на поддержание и развитие малых городов.

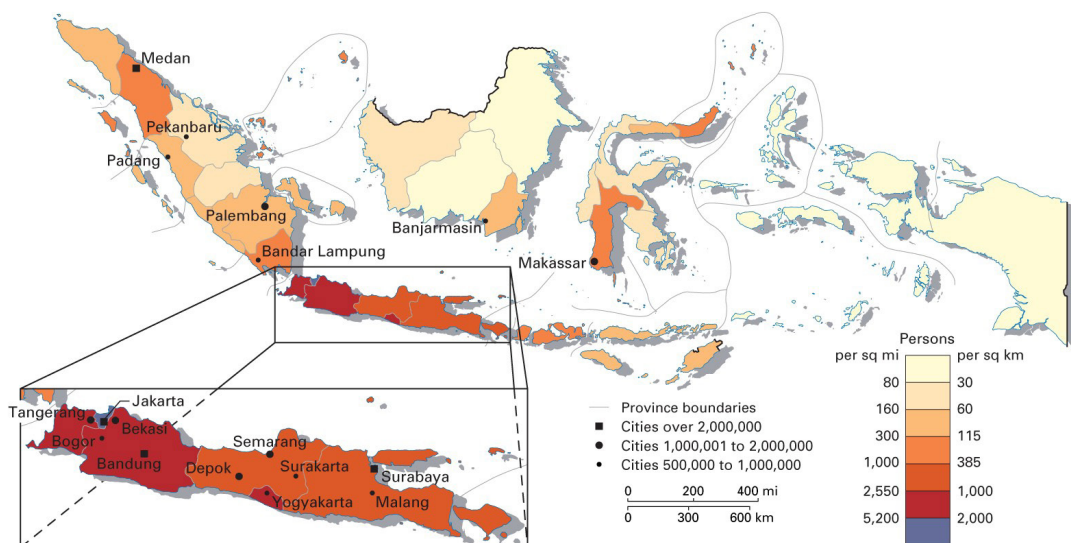
В академическом мире также отсутствует численно определенный подход к отнесению города Индонезии к категории малого. Аналогично с официальным методом рассмотрения урбанизированных территорий, в англоязычной литературе авторы, начинавшие свой академический путь в Индонезии, выделяют в качестве малых городов как поселения, занимающие наиболее низкие позиции в структуре расселения (при этом верхней границы численности населения для этой категории городов не проводится), так и определяемые как экономически мало-значимые в масштабе страны. В отличие от крупных городов, такие поселения находятся в глубине островов, не имея выхода к побережью. Условно определенная социально-экономическая значимость города затем детерминирует дальнейшее рассмотрение городских процессов и самой урбанизации малых городов Индонезии как результат задействованных рыночных механизмов – текущей экономической реструктуризации [Fahmi et al., 2014]. В свою очередь, основная городская те-

портным артериям, обеспечивающим логистическую функцию (рис. 8).

Таким образом, сосредоточение внимания для городов при подсчете и оценке статистических показателей в официальных индонезийских источниках смещается с размера поселений до их функции и оцениваемой значимости в масштабах страны.

Рис. 8. Распределение плотности населения Индонезии по провинциям, 2022 г.

Источник: [Badan Pusat Statistik, 2025].

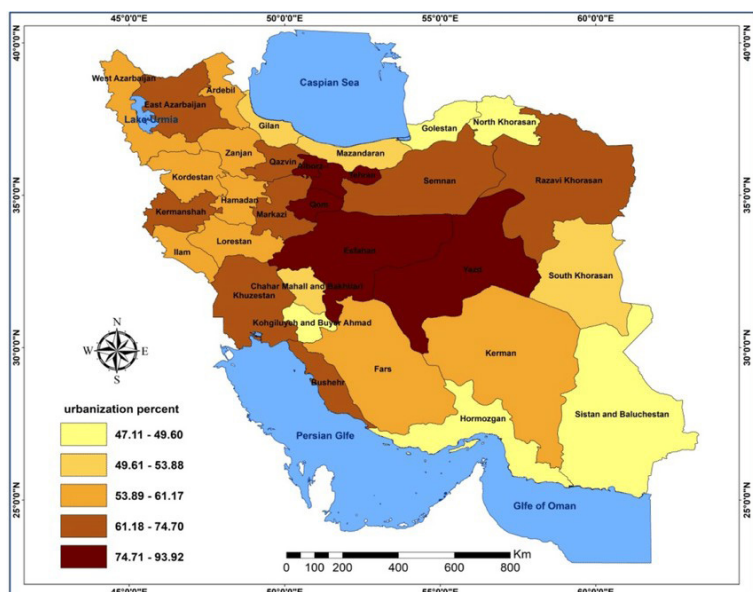
матика, которой посвящено большинство доступных нам работ неместных авторов, – динамика и паттерны (пространственная конфигурация) протекающего сравнительно быстрого процесса урбанизации территорий Индонезии [Firman, 2009; Firman et al., 2007; Mardiansjah et al., 2021]. Такой исследовательский интерес не предполагает введения дополнительных категорий, наподобие малого города, для существующих городов. Исследователи концентрируют свое внимание на больших по площади и численности населения и вместе с тем более абстрактных понятиях: «урбанизированный район», «территории, не имеющие юридического статуса города» (*non-statutory towns*) [Mardiansjah et al., 2021].

Иран

По данным переписи населения 2016 года, уровень урбанизации в Иране составил 74% [Asghar Pilehvar, 2021]. В научной литературе и градостроительном планировании к малым городам в стране относят города, численность населения которых составляет менее 50 тыс. человек [Mehriar et al., 2020]. В некоторых исследованиях внутри городов этой категории выделяются города-деревни, имеющие численность населения менее 25 тыс. человек. Система расселения в стране имеет выраженный дисбаланс: большая доля горожан проживает в нескольких крупных городах, тогда как малые города являются наиболее распространенной категорией городов. Отличительной чертой малых городов Ирана является то, что около 40% из них имеют население менее 5 тыс. человек [Statistical Centre of Iran, 2025].

Высокая доля малых городов, не превышающих численность населения в 5 тыс. человек, обусловлена особенностями национальной политики. На государственном уровне с 1970-х годов активно проводится политика преобразования крупных сельских населенных пунктов в малые города, цель которой состоит в развитии сети локальных экономических центров, сдерживании миграции в крупные города и улучшении качества жизни в сельских районах [Rezvani, Mansourian, 2013]. В конце 1970-х годов малые города позиционировались как центры обслуживания периферийных районов, которые предоставляли населению услуги более высокого уровня [Значение и концепция малого города, 2012]. Фактор изменения характера населенного пункта с сельского на городской стал одним из основных на рубеже XX–XXI веков в процессе урбанизации Ирана, а преобразование сел в города стало одной из главных причин роста общего числа городов в стране. За 10 лет, с 1996 по 2006 год, число малых городов выросло почти в два раза, что позволило увеличить долю городов этой категории в структуре городов Ирана. Тем не менее в абсолютных значениях основной прирост городского населения приходился на большие и средние города [Kazemipour, Mirzaie, 2005].

На региональном уровне процесс урбанизации в Иране характеризуется центр-периферийным градиентом (рис. 9). Наиболее урбанизированными провинциями являются наиболее экономически развитые регионы, в которых расположены крупнейшие города страны (Тегеран, Исфахан, Йезд). В более сельских регионах малые города имеют более высокое рас-

Рис. 9. Уровень урбанизации по провинциям Ирана, 2016 г.
 Источник: [Asghar Pilehvar, 2021].

пространение как локальные центры экономической активности и обеспечения населения городскими услугами.

Анализ научной литературы и статистических источников показывает, что малые города в Иране выделяются по критерию численности населения, однако фактически значительная часть из них являются сельскими населенными пунктами, имеющими статус города. В Национальной программе городской политики, подготовленной UN-Habitat для городов Ирана, подчеркивается необходимость переосмысления новых городов, создаваемых путем преобразования сельских населенных пунктов в городские [Urban Policy Platform, 2015].

ОАЭ

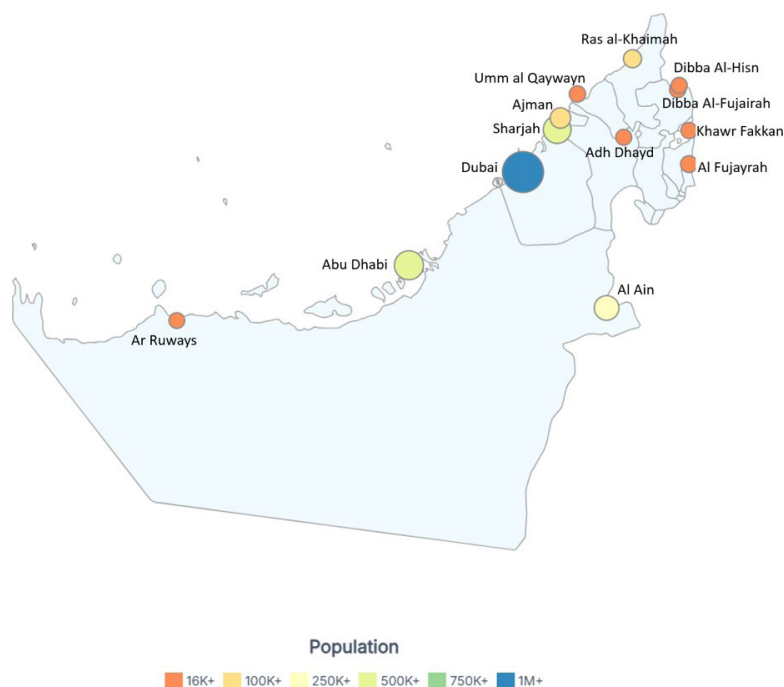
Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) – самая малочисленная страна, входящая в БРИКС. По данным ООН, население ОАЭ в 2024 году составило всего 11 млн человек [World Population Prospects, 2024]. В публикациях не встречается упоминаний об официальных критериях классификации малых городов в ОАЭ, а большинство исследований посвящены крупнейшему городу страны Дубаю, административному центру одноименного эмирата. По оценкам ООН за 2018 год, большая часть населения ОАЭ (87%) проживает в городах, что является одним из самых высоких уровней урбанизации в мире [World Population Prospects, 2024].

Цифры о точном количестве городов в ОАЭ в различных источниках разнятся. Федеральный центр конкурентоспособности и статистики (аналог Росстата) приводит англоязычные отчеты (которые вклю-

чают данные официальных переписей населения), агрегированные только в разрезе отдельных эмиратов ОАЭ, без выделения городов [Elessawy, 2021]. Согласно сайту www.worldpopulationreview.com [World Population Review, 2025], всего в ОАЭ насчитывается 13 городов: 1 город с численностью населения более 1 млн человек, 5 городов с населением от 100 тыс. до 1 млн человек и 7 городов с населением от 10 тыс. до 100 тыс. человек (рис. 10). Большинство городов располагаются в прибрежной зоне, тяготеют к портам. Согласно сайту www.dubaifaqs.com, если рассматривать только главные или крупнейшие города каждого эмирата, то в ОАЭ насчитывается 8 городов. Есть еще много районов или агломераций со словом «сити» в названии, но, как правило, они являются частью одного из 8 указанных городов [Dubai FAQs].

Эфиопия

В Эфиопии в официальной статистике отсутствует деление городских территорий по размеру (на основе их численности населения). Таким образом, официально малые города категорично не выделяются в публикуемых государственных отчетах и показателях. Если говорить о принятом формальном подходе к классификации поселений, эфиопское Центральное статистическое агентство (Central Statistical Agency – CSA) использует только понятия *urban area* (городское, урбанизированное пространство) и *rural area* (сельская местность) [Central Statistical Agency of Ethiopia, 2025], для отнесения к одному из которых достаточно формального административного статуса поселения, присвоенного постановлением Министерства сельского хозяйства и городского развития Эфиопии. Всего Центральное статистическое агентство насчитывает 200 городов в Эфиопии с численностью населения более 10 тыс. человек, а уровень урбанизации оценивает в 22%, что является сравнительно низким показателем и говорит о преобладании сельского образа жизни в стране [Central Statistical Agency of Ethiopia, 2025]. 200 крупных в масштабах страны городов равномерно рассредоточены по территории Эфиопии, локализуясь в относительных низинах, рядом с водными источниками – озерами. Такие города также тяготеют к межрегиональным сравнительно крупным трассам, соединяющим 200 поселений с численностью населения более 10 тыс. человек (рис. 13).

Рис. 10. Расположение и численность населения городов ОАЭ, 2025 г.

Источник: [World Population Review, 2025].

В свою очередь, в академической литературе большинство немногочисленных исследований об урбанизации в Эфиопии, написанных неместными авторами, обычно прибегает к таким описательным характеристикам, как *primate city* – ключевой, крупнейший город – столица государства и *secondary towns* – менее крупные быстрорастущие города, которые, в отличие от столицы, сохраняют тесную связь

Группа	Описание	Количество
B1	Местные муниципалитеты этого класса являются второстепенными городами и имеют самые большие бюджеты среди всех местных муниципалитетов в стране	19
B2	Местные муниципалитеты, центром которых является крупный город	26
B3	Местные муниципалитеты с малыми городами, с относительно небольшим населением и значительной долей городского населения, но в которых нет крупных городов	99
B4	Местные муниципалитеты, преимущественно сельские, имеющие один или два небольших города в своих границах	61

Таблица 9. Группы местных муниципалитетов ЮАР

Источник: составлено авторами по данным [The South African government, 2025].

с окружающей их сельской местностью с точки зрения экономических процессов, протекающих в этих городах [Mohammed et al., 2020]. Такие исследования сосредоточены не на управленческих практиках работы с городами различных размеров и функций, но скорее на взаимодействии урбанизированных и неурбанизированных

пространств, характере складывающихся отношений, в первую очередь экономических, между городом и деревней [Mohammed et al., 2020; Vandercasteelen et al., 2018a; Vandercasteelen et al., 2018b].

ЮАР

За последние три десятилетия в ЮАР наряду с изменениями в политической системе наблюдался устойчивый рост темпов урбанизации. Уровень урбанизации в ЮАР составляет 67% (по данным отдела народонаселения ООН, в 2020 году в среднем в мире уровень урбанизации составил 56,2%) [Plecher, 2020].

Согласно данным Правительства ЮАР, в Южной Африке насчитывается в общей сложности 257 муниципалитетов, в том числе 8 столичных, 44 районных и 205 местных [The South African government, 2025]. Муниципалитеты разделены на категории (А, В, С), внутри которых выделяют отдельные группы (рис. 14), а именно: категория А представляет 8 столичных муниципалитетов, которые разделены на две группы: А1 и А2; категория В представляет местные муниципалитеты, которые разделены на 4 группы (табл. 9); категория С представляет районные муниципалитеты.

В работе 2018 года «Урбанизация, структурные преобразования и связи между сельскими и городскими районами в Южной Африке» выполнено картографирование муниципалитетов ЮАР в соответствии с представленной классификацией (рис. 12) [The South African government, 2025].

Согласно табл. 10, в 2016 году в группе малых городов (В3) проживало 13,5% населения ЮАР.

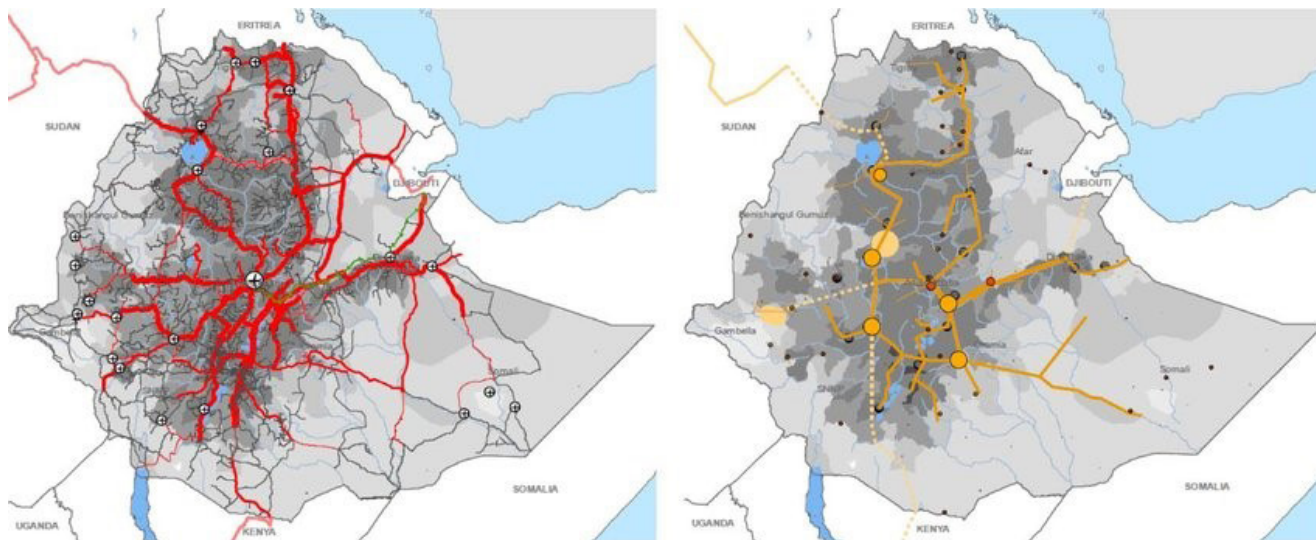
Классификация муниципальных образований тесно связана с общей плотностью населения в муниципалитетах и долей населения муниципалитета, проживающего в городских поселениях. В табл. 10 и на рис. 13 показана средняя плотность населения по стране (42,4 человек на 1 км²) и доля городского населения (62,9%) в 2011 году. Согласно табл. 10, группа малых городов (В3) отличается наиболее низкими показателями плотности населения. В большинстве муниципалитетов группы В3 плотность населения не превышает среднего показателя по стране (рис. 13).

Несмотря на наличие классификации муниципалитетов в ЮАР, закрепленных на государственном уровне критериев определения понятия «малый город» в от-

Таблица 10. Статистические данные о населении муниципалитетов по категориям, 2016 г.

	ЮАР	Группа А1	Группа А2	Группа В1	Группа В2	Группа В3	Группа В4
Численность населения (млн человек)	55,6	16	6,3	7,9	4,5	7,5	13,4
Доля населения, %	100	28,7	11,4	14,2	8,0	13,5	24,2
Доля городского населения, 2011 г. (%)	62,9	98,1	87,6	71,9	65,7	58,5	7,9
Плотность населения (чел./км ²)	42,4	1155	466	137	43	9	52

Источник: составлено авторами по данным [Arndt et al., 2018].

Рис. 11. Расположение основных транспортных артерий относительно урбанизированных районов Эфиопии, 2023 г.

Источник: [Central Statistical Agency of Ethiopia, 2025].

крытых источниках не встречается. Даже в государственной программе возрождения малых городов Small Town Regeneration Programme (STR) в разделе «Ограничения» отмечено, что нет четкого определения того, что такое «малый город» (дословно) [SALGAs Small Towns Regeneration Programme, 2021].

В различных негосударственных источниках встречаются критерии определения понятия малого города. В частности, в соответствии с докладами Центра развития и предпринимательства в Южной Африке (CDE)², к малым городам в ЮАР относятся города с численностью населения от 1 тыс. до 50 тыс. человек. Однако данный критерий определения малого города не следует рассматривать как абсолютный [Hoogendoorn et al., 2016; Hoogendoorn et al., 2018; Centre for Development and Enterprise (CDE), 2020].

Согласно научной литературе, из 257 муниципалитетов, выделенных в ЮАР, 99 относятся к местным муниципалитетам с малыми городами, с относитель-

но небольшим населением и значительной долей городского населения, но в которых нет крупных городов. Большинство из упомянутых 99 муниципалитетов с малыми городами расположены в центре и на западе страны. В 2016 году в таких муниципалитетах проживало 7,5 млн человек (13,5% населения ЮАР).

Страны БРИКС демонстрируют значительное разнообразие подходов к определению и классификации малых городов, что связано как с историческими траекториями урбанизации, так и с различиями в системе территориального управления. Критерии определения малых городов во всех рассматриваемых странах БРИКС приведены в табл. 11.

Страны БРИКС составляют неоднородную группу стран, которая характеризуется различными подходами к выделению городов, и в частности малых городов. В ряде стран (Эфиопия, Объединенные Арабские Эмираты) отсутствуют как официальные, так и академические источники информации

2. Centre for Development and Enterprise (CDE) – независимая организация, занимающаяся политическими исследованиями, один из ведущих аналитических центров ЮАР в области развития.

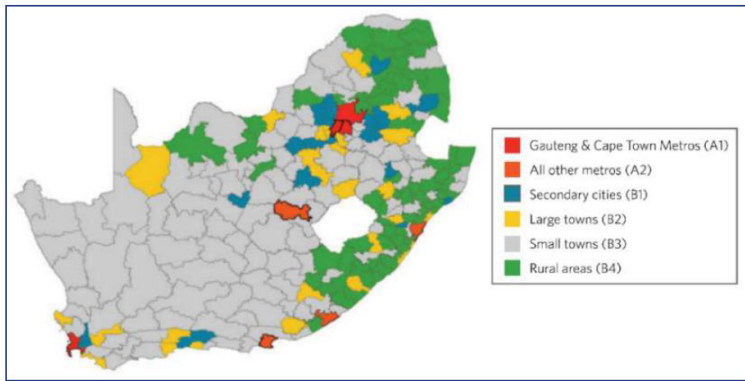

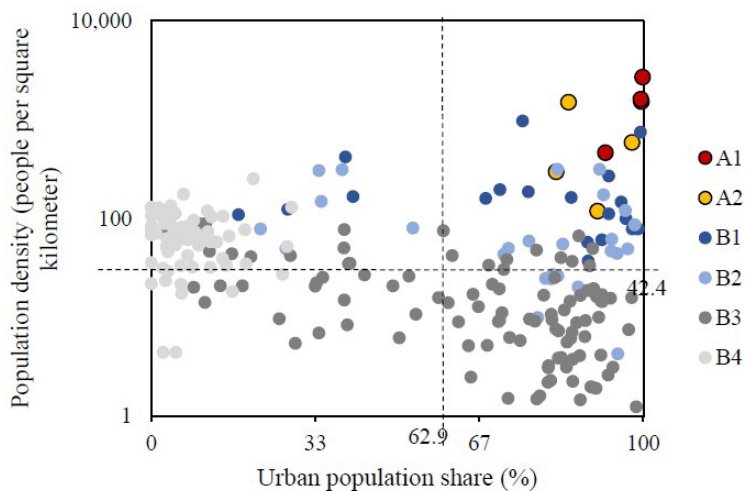
Figure 1.3. Classification of municipalities into urban and rural areas
Source: (Arndt, Davies & Thurlow, 2018:7)

Рис. 12. Классификация муниципалитетов ЮАР в городских и сельских районах

Источник: [The South African government, 2025].

о критериях выделения малых городов. По другим странам (Россия, Китай, Индия, Бразилия, ЮАР, Иран) имеются различные источники информации о критериях выделения малых городов, включающие официальные государственные источники, научные публикации и публикации негосударственных организаций. Такая вариативность отражает специфику национальных моделей урбанизации, исторические траектории развития систем расселения и особенности институционального регулирования.

Обзор критериев определения малых городов в разных странах БРИКС показал, что ключевым остается демографический критерий, несмотря на критику подобного подхода в академических исследованиях. Верхняя граница численности населения

Рис. 13. Доля и плотность городского населения в муниципалитетах, 2011 г.

Источник: [Arndt et al., 2018].

при выделении малого города может значительно варьироваться, что связано с общей численностью населения стран. Так, малые города в Китае имеют численность населения до 500 тыс. человек, в Индии — до 100 тыс. человек. Наиболее распространенным порогом является 50 тыс. человек: такой подход к классификации малых горо-

дов применяют Россия, Бразилия, Иран и ЮАР. В Индонезии основное внимание уделяется социально-экономической значимости поселений. В то же время в академической литературе рассматривают альтернативные варианты классификаций малых городов с учетом их функциональной роли в системах расселения, которые могут быть ниже наиболее распространенных в той или иной стране пороговых значений.

Анализ динамики числа малых городов, их пространственного распределения и численности населения показал, что малые города в странах БРИКС составляют значимый пласт в структуре городов, но теряют свой вес в общей численности городского населения, налицо тенденция к концентрации населения в крупнейших городах. В то же время рост числа городов происходит в основном за счет малых центров (например, в Индии, Иране, Бразилии) при административном выделении новых единиц административно-территориального деления или трансформации сельских поселений в города. Для стран БРИКС характерны пространственные диспропорции распределения малых городов. Наибольшее значение центры малого размера имеют в староосвоенных районах с высокой плотностью населения, на территориях с выраженной сельскохозяйственной специализацией, а также в пригородных зонах крупных городских агломераций. Для России, где малые города играют ключевую роль в организации сельских районов и пригородных зон, межстрановой сравнительный анализ на примере стран БРИКС может стать основой для формирования новых инструментов поддержки и развития малых городов с учетом национальной специфики.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность Центру исследований малых городов (Иваново) за помощь в подготовке материала.

Источники

Злотников, М.С., Волошин, А.В., Александров, Ю.Л., и Фалалеев, А.Н. (2024). Глобальная трансформация мировой экономики: формирование многополярного мира в условиях экономической интеграции и технологического суверенитета. *Экономика: вчера, сегодня, завтра*, 14(10А), 9–17.
Правительство Российской Федерации. (2024). *Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации»*

Страна	Существуют ли критерии выделения малого города	Численность малого города	Источник информации о критерии малого города	Наличие госпрограмм по поддержке малых городов
Россия	Да	Менее 50 тыс. чел.	Официальный источник	Да
Бразилия	Да	Менее 50 тыс. чел.	Научная публикация	Да
Индия	Да	Менее 50/ менее 100 тыс. чел.	Научная публикация	Да
Китай	Да	Менее 500 тыс. чел.	Официальный источник	Да
Иран	Да	Менее 50 тыс. чел.	Официальный источник	Да
Эфиопия	Нет	-	-	-
Индонезия	Да	Используется критерий социально-экономической значимости	Научная публикация	Не выделяются для малых городов
Египет	Да	Менее 100 тыс. чел.	Научная публикация	Не выделяются для малых городов
ЮАР	Да	От 1 тыс. до 50 тыс. чел.	Негосударственная организация (Центр развития и предпринимательства в Южной Африке)	Да
ОАЭ	Нет	-	-	-

Таблица 11. Критерии малого города в странах БРИКС

Источник: составлено авторами на основе анализа официальных источников и научных публикаций.

- на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcuPwoIQA8SYR91B.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
- Addanki, S.C., & Venkataraman, H. (2017). Greening the economy: A review of urban sustainability measures for developing new cities. *Sustainable Cities and Society*, 32, 1–8.
- Arndt, C., Davies, R., & Thurlow, J. (2018). Urbanization, structural transformation, and rural-urban linkages in South Africa. *South African Urbanisation Review, Cities Support Programme (CSP) of the National Treasury*, 35(1), 1–24.
- Asghar Pilehvar, A. (2021). Spatial-geographical analysis of urbanization in Iran. *Humanities and Social Sciences Communications*, 8(1), 1–12.
- Badan Pusat Statistik. (2025). *Monthly report of socio-economic data, February 2025*. Режим доступа: <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/03/26/0928e56dda8054e2f50f85d4/monthly-report-of-socio-economic-data-february-2025.html> (дата обращения: 20.05.2025).
- BRICS. (2024). *BRICS Joint Statistical Publication 2024*. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication2024.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
- Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS). (n.d.). Режим доступа: <https://www.capmas.gov.eg> (дата обращения: 20.05.2025).
- Central Statistical Agency of Ethiopia. (n.d.). Режим доступа: <https://www.statsethiopia.gov.et> (дата обращения: 20.05.2025).
- Centre for Development and Enterprise (CDE). (2020). *Planning for the nation's population expansion*. Режим доступа: <https://cde.org.za/planning-for-the-nations-population-expansion/> (дата обращения: 20.05.2025).
- Chaolin, G., Yan, L., & Sun Sheng, H. (2015). Development and transition of small towns in rural China. *Habitat International*, 50, 110–119.
- Corrêa, R.L. (2011). As pequenas cidades na confluência do urbano e do rural. *GEOUSP Espaço e Tempo (Online)*, 15(3), 5–12.
- Da Silva, P.F. J., & Sposito, E.S. (2009). Discussão geográfica sobre cidades pequenas. *Geografia*, 34(2), 203–217.
- De Castro, C.P., et al. (2020). Socio-economic urban scaling properties: Influence of regional geographic heterogeneities in Brazil. *PLoS One*, 15(12), e0242778.
- Dias, F.M. F. (2020). Pequenas cidades: uma discussão quanto ao aspecto populacional. *Geografia e Pesquisa*, 12(1).
- Dubai FAQs. (n.d.). List of cities in the UAE. Режим доступа: <https://www.dubaifaqs.com/list-of-cities-uae.php> (дата обращения: 20.05.2025).
- Elessawy, F.M. (2021). The abnormal population growth and urban sprawl of an Arabian Gulf City: The case of Abu Dhabi City. *Open Journal of Social Sciences*, 9, 245–269.
- El Ghorab, H.K., & Shalaby, H.A. (2016). Eco and Green cities as new approaches for planning and developing cities in Egypt. *Alexandria Engineering Journal*, 55(1), 495–503.
- Fahmi, F.Z., et al. (2014). Extended urbanization in small and medium-sized cities: The case of Cirebon, Indonesia. *Habitat International*, 42, 1–10.

- Fang, C., & Yu, D. (2016). *China's new urbanization*. Springer.
- Firman, T. (2009). The continuity and change in mega-urbanization in Indonesia: A survey of Jakarta-Bandung Region (JBR) development. *Habitat International*, 33(4), 327–339.
- Firman, T., Kombaitan, B., & Pradono, P. (2007). The dynamics of Indonesia's urbanisation, 1980–2006. *Urban Policy and Research*, 25(4), 433–454.
- Guin, D. (2019). Contemporary perspectives of small towns in India: A review. *Habitat International*, 86, 19–27.
- Hamid, M.S., & Abdel Wahab, S.A. (2023). Rehabilitation approach for small cities in Egypt. *International Design Journal*, 13(1), 221–232.
- Hegazy, I., Seddik, W., & Ibrahim, H. (2017). Towards green cities in developing countries: Egyptian new cities as a case study. *International Journal of Low-Carbon Technologies*, 12(4), 358–368.
- Hoogendoorn, G., & Nel, E. (2018). Small town change in South Africa. В G. Hoogendoorn & E. Nel (Ред.), *The geography of South Africa: Contemporary changes and new directions* (с. 153–158). Springer International Publishing.
- Hoogendoorn, G., & Visser, G. (2016). South Africa's small towns: A review on recent research. *Local Economy*, 31(1–2), 95–108.
- IndiaSpend. (2019). *India's missing middle: 24,000 'villages' with populations greater than towns lose out on policies for urban areas*. Режим доступа: <https://www.indiaspend.com/indias-missing-middle-24000-villages-with-populations-greater-than-towns-lose-out-on-policies-for-urban-areas> (дата обращения: 28.05.2025).
- Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística (IBGE). (n.d.). *Censo Demográfico*. Режим доступа: <https://www.ibge.gov.br/estatisticas/sociais/populacao.html> (дата обращения: 20.05.2025).
- Kazemipour, S., & Mirzaie, M. (2005). *Uneven growth of urbanization in Iran*. Режим доступа: <https://ipc2005.porconf.org/papers/51663> (дата обращения: 20.05.2025).
- Kundu, A. (2011). *Trends and processes of urbanisation in India*. Режим доступа: <https://www.iied.org/sites/default/files/pdfs/migrate/10597IIED.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).
- Leão, C.S. (2010). Reflexões sobre o desenvolvimento e as pequenas cidades: análise das cidades de Dracena e Ouro Verde-SP. *Caderno prudente de geografia*, 32, 135–153.
- Mahmoud, A.H. A., & El-Sayed, M.A. (2011). Development of sustainable urban green areas in Egyptian new cities: The case of El-Sadat City. *Landscape and Urban Planning*, 101(2), 157–170.
- Mardiansjah, F.H., Rahayu, P., & Rukmana, D. (2021). New patterns of urbanization in Indonesia: Emergence of non-statutory towns and new extended urban regions. *Environment and Urbanization ASIA*, 12(1), 11–26.
- Mehriar, M., Masoumi, H., & Mohino, I. (2020). Urban sprawl, socioeconomic features, and travel patterns in middle east countries: A case study in Iran. *Sustainability*, 12(22), 9620.
- Mohammed, I., Kosa, A., & Juhar, N. (2020). Economic linkage between urban development and livelihood of peri-urban farming communities in Ethiopia (policies and practices). *Agricultural and Food Economics*, 8, 1–17.
- National Treasury of the Republic of South Africa. (2018). *Urbanisation, structural transformation and rural-urban linkages in South Africa*. Cities Support Programme.
- Nijman, J. (2012). India's urban challenge. *Eurasian Geography and Economics*, 53(1), 7–20.
- NITI Aayog. (2022). *Cities as engines of growth*. Режим доступа: https://www.niti.gov.in/sites/default/files/202205/Mod_CEOG_Executive_Summary_18052022.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
- Office of the Registrar General & Census Commissioner, India. (n.d.). *Census of India*. Режим доступа: <https://censusindia.gov.in/census.website/> (дата обращения: 20.05.2025).
- Plecher, H. (2020). Urbanization in South Africa 2019. *Statista*. Режим доступа: <https://www.statista.com/statistics/455931/urbanization-in-south-africa/> (дата обращения: 20.05.2025).
- Rezvani, M.R., & Mansourian, H. (2013). Developing small cities by promoting village to town and its effects on quality of life for the local residents. *Social Indicators Research*, 110, 147–170.
- Riad, P., et al. (2020). Landscape transformation processes in two large and two small cities in Egypt and Jordan over the last five decades using remote sensing data. *Landscape and Urban Planning*, 197, 103766.
- Shaalán, I. (2013). Sustainable urban transformation in small cities in Egypt: A UN-habitat perspective. *Journal of Cleaner Production*, 50, 200–204.
- Song, Y., Stead, D., & de Jong, M. (2020). New town development and sustainable transition under urban entrepreneurialism in China. *Sustainability*, 12(12), 5179.
- South African Government. (2025). *Local government*. Режим доступа: <https://www.gov.za/about-government/government-system/local-government> (дата обращения: 20.05.2025).
- South African Local Government Association (SALGA). (2021). *Small towns regeneration programme (STR)*. Режим доступа: https://static.pmg.org.za/210224amSALGA_STR_PRESENTATION_2_00000002.pdf (дата обращения: 20.05.2025).
- Statistical Centre of Iran. (n.d.). Режим доступа: <https://www.amar.org.ir/en/> (дата обращения: 20.05.2025).
- Talebzadeh, M. (2012). *Ma'ni va mafhum shahr-e kuchak* [Meaning and concept of the small city]. Режим доступа: <https://>

- mirheydartalebzadeh.blogfa.com/post/22 (дата обращения: 20.05.2025).
- The State Council of the People's Republic of China. (2014). *Notice of the State Council on adjusting the standards for city size classification*. Режим доступа: https://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2014/11/25/content_281475015213546.html (дата обращения: 20.05.2025).
- The World Bank. (n.d.). GDP (current US\$). Режим доступа: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (дата обращения: 20.05.2025).
- Tripathi, S. (2021). Towards sustainable urban system through the development of small towns in India. *Regional Science Policy & Practice*, 13(3), 777-798.
- Tripathi, S., & Mitra, A. (2022). Shedding light on unnoticed gems in India: A small town's growth perspective. *Land Use Policy*, 120.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2024). *World population prospects 2024*. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/pd/world-population-prospects-2024> (дата обращения: 20.05.2025).
- Urban Policy Platform. (2015). *National urban policy and smart city strategy in I.R. Iran*. Режим доступа: <https://urbanpolicyplatform.org/download/national-urban-policy-and-smart-city-strategy-document-final-version/> (дата обращения: 20.05.2025).
- Vandecasteele, J., et al. (2018a). Big cities, small towns, and poor farmers: Evidence from Ethiopia. *World Development*, 106, 393-406.
- Vandecasteele, J., et al. (2018b). Cities and agricultural transformation in Africa: Evidence from Ethiopia. *World Development*, 105, 383-399.
- World Population Review. (2025). *United Arab Emirates cities*. Режим доступа: <https://worldpopulationreview.com/cities/united-arab-emirates> (дата обращения: 20.05.2025).

CRITERIA FOR DEFINING SMALL TOWNS IN BRICS COUNTRIES

Varvara A. Molodtsova, Senior Lecturer, Junior Researcher, Urban Development and Spatial Planning Program, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia.

E-mail: vmolodtsova@hse.ru

Denis N. Mokrensky, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Urban Development and Spatial Planning Program, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia.

E-mail: dmokrenskii@hse.ru

Kseniya V. Artsybasheva, Research Intern, Centre for Arctic and Northern Urban Studies, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia.

E-mail: kvartsybasheva@edu.hse.ru

Mariia O. Ashurkova, Bachelor's Degree in Urban Planning, Urban Development and Spatial Planning Program, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia.

E-mail: moashurkova@edu.hse.ru

In the global trend towards urbanization, small towns play an essential role in ensuring balanced spatial development, serving as a link between rural and highly urbanized areas. The BRICS countries, comprising almost half of the world's population and a significant portion of global GDP, have demonstrated a variety of approaches to working with small towns. This article defines criteria for classifying small towns in BRICS countries. The research methodology is based on the analysis of official documents, such as development plans and strategies, statistical reports, and scientific publications. The findings indicate that the primary criterion for categorizing a town as "small" is its population size. However, the threshold value of this criterion varies significantly among BRICS countries, ranging from 10,000 people in Egypt to 500,000 in China. Meanwhile in Indonesia and other countries the definition of small towns has shifted from population size to the socio-economic significance of the settlement. In most BRICS countries, small towns are recognized as a distinct category and receive targeted policies for socio-economic development. A comparative analysis of these policies has identified several countries (Brazil, India, China, and South Africa) whose experience with small towns could be relevant for Russia. Further analysis of small-town policies in these countries could form the basis for new tools to support and develop small towns in Russia, taking into account national differences.

An analysis of the dynamics of the number of small towns, their spatial distribution, and population has revealed that despite their quantitative predominance in BRICS' city structure, the proportion of small town residents is decreasing due to migration to larger agglomerations. For Russia, where small towns play a significant role in organizing rural and suburban areas, foreign experience from other BRICS countries could be useful for developing urban policies to support these towns.

Keywords: small towns; urbanization; BRICS; criteria for the city classification

Citation: Molodtsova, V. A., Mokrensky, D. N., Artsybasheva, K. V., & Ashurkova, M. A. (2026). Criteria for defining small towns in the BRICS countries. *Urban Studies and Practices*, 11(1), 10–29. <https://doi.org/10.17323/usp111202610-29>

References

- Addanki, S. C., & Venkataraman, H. (2017). Greening the economy: A review of urban sustainability measures for developing new cities. *Sustainable Cities and Society*, 32, 1–8.
- Arndt, C., Davies, R., & Thurlow, J. (2018). Urbanization, structural transformation, and rural-urban linkages in South Africa. *South African Urbanisation Review, Cities Support Programme (CSP) of the National Treasury*, 35(1), 1–24.
- Asghar Pilehvar, A. (2021). Spatial-geographical analysis of urbanization in Iran. *Humanities and Social Sciences Communications*, 8(1), 1–12.
- Badan Pusat Statistik. (2025). *Monthly report of socio-economic data, February 2025*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.bps.go.id/en/publication/2025/03/26/0928e56d-da8054e2f50f85d4/monthly-report-of-socio-economic-data-february-2025.html>.
- BRICS. (2024). *BRICS joint statistical publication 2024*. Retrieved May 20, 2025, from <https://rossstat.gov.ru/storage/mediabank/BRICS%20Joint%20Statistical%20Publication2024.pdf>.
- Central Agency for Public Mobilization and Statistics (CAPMAS). (n.d.). *CAPMAS*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.capmas.gov.eg>.
- Central Statistical Agency of Ethiopia. (n.d.). Central Statistical Agency of Ethiopia. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.statsethiopia.gov.et>
- Centre for Development and Enterprise (CDE). (2020). *Planning for the nation's population expansion*. Retrieved May 20, 2025, from <https://cde.org.za/planning-for-the-nations-population-expansion/>.
- Chaolin, G., Yan, L., & Sun Sheng, H. (2015). *Development and transition of small towns in rural China*. *Habitat International*, 50, 110–119.
- Corrêa, R. L. (2011). As pequenas cidades na confluência do urbano e do rural. *GEOSP Espaço e Tempo (Online)*, 15(3), 5–12.
- Da Silva, P. F. J., & Sposito, E. S. (2009). Discussão geográfica sobre cidades pequenas. *Geografia*, 34(2), 203–217.
- De Castro, C. P., et al. (2020). Socio-economic urban scaling properties: Influence of regional geographic heterogeneities in Brazil. *PLoS One*, 15(12), e0242778.
- Dias, F. M. F. (2020). Pequenas cidades: uma discussão quanto ao aspecto populacional. *Geografia e Pesquisa*, 12(1).
- Dubai FAQs. (n.d.). *List of cities in the UAE*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.dubaifaqs.com/list-of-cities-uae.php>.
- Elessawy, F. M. (2021). The abnormal population growth and urban sprawl of an Arabian Gulf City: The case of Abu Dhabi City. *Open Journal of Social Sciences*, 9, 245–269.
- El Ghorab, H. K., & Shalaby, H. A. (2016). Eco and Green cities as new approaches for planning and developing cities in Egypt. *Alexandria Engineering Journal*, 55(1), 495–503.
- Fahmi, F. Z., et al. (2014). Extended urbanization in small and medium-sized cities: The case of Cirebon, Indonesia. *Habitat International*, 42, 1–10.
- Fang, C., & Yu, D. (2016). *China's new urbanization*. Springer.
- Firman, T. (2009). The continuity and change in mega-urbanization in Indonesia: A survey of Jakarta-Bandung Region (JBR) development. *Habitat International*, 33(4), 327–339.
- Firman, T., Kombaitan, B., & Pradono, P. (2007). The dynamics of Indonesia's urbanisation, 1980–2006. *Urban Policy and Research*, 25(4), 433–454.
- Guin, D. (2019). Contemporary perspectives of small towns in India: A review. *Habitat International*, 86, 19–27.
- Hamid, M. S., & Abdel Wahab, S. A. (2023). Rehabilitation approach for small cities in Egypt. *International Design Journal*, 13(1), 221–232.
- Hegazy, I., Seddik, W., & Ibrahim, H. (2017). Towards green cities in developing countries: Egyptian new cities as a case study. *International Journal of Low-Carbon Technologies*, 12(4), 358–368.
- Hoogendoorn, G., & Nel, E. (2018). Small town change in South Africa. B. G. Hoogendoorn & E. Nel (Eds.), *The geography of South Africa: Contemporary changes and new directions* (c. 153–158). Springer International Publishing.
- Hoogendoorn, G., & Visser, G. (2016). South Africa's small towns: A review on recent research. *Local Economy*, 31(1–2), 95–108.
- IndiaSpend. (2019). *India's missing middle: 24,000 'villages' with populations greater than towns lose out on policies for urban areas*. Режим доступа: <https://www.indiaspend.com/indias-missing-middle-24000-villages-with-populations-greater-than-towns-lose-out-on-policies-for-urban-areas> (дата обращения: 28.05.2025).
- Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística (IBGE). (n.d.). *Censo demográfico*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.ibge.gov.br/estatisticas/sociais/populacao.html>.
- Kazemipour, S., & Mirzaie, M. (2005). *Uneven growth of urbanization in Iran*. Retrieved May 20, 2025, from <https://ipc2005.popconf.org/papers/51663>.
- Kundu, A. (2011). *Trends and processes of urbanisation in India*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.iied.org/sites/default/files/pdfs/migrate/10597IIED.pdf>.
- Leão, C. S. (2010). Reflexões sobre o desenvolvimento e as pequenas cidades: análise das cidades de Dracena e Ouro Verde-SP. *Caderno prudente de geografia*, 32, 135–153.
- Mahmoud, A. H. A., & El-Sayed, M. A. (2011). Development of sustainable urban green areas in Egyptian new cities: The case of El-Sadat City. *Landscape and Urban Planning*, 101(2), 157–170.
- Mardiansjah, F. H., Rahayu, P., & Rukmana, D. (2021). New patterns of urbanization in Indonesia: Emergence of non-statutory towns and new extended urban regions.

- Environment and Urbanization ASIA*, 12(1), 11-26.
- Mehriar, M., Masoumi, H., & Mohino, I. (2020). Urban sprawl, socioeconomic features, and travel patterns in middle east countries: A case study in Iran. *Sustainability*, 12(22), 9620.
- Mohammed, I., Kosa, A., & Juhar, N. (2020). Economic linkage between urban development and livelihood of peri-urban farming communities in Ethiopia (policies and practices). *Agricultural and Food Economics*, 8, 1-17.
- National Treasury of the Republic of South Africa. (2018). *Urbanisation, structural transformation and rural-urban linkages in South Africa*. Cities Support Programme.
- Nijman, J. (2012). India's urban challenge. *Eurasian Geography and Economics*, 53(1), 7-20.
- NITI Aayog. (2022). Cities as engines of growth. Retrieved May 20, 2025, from https://www.niti.gov.in/sites/default/files/202205/Mod_CEOG_Executive_Summary_18052022.pdf.
- Office of the Registrar General & Census Commissioner, India. (n.d.). Census of India. Retrieved May 20, 2025, from <https://censusindia.gov.in/census.website/>.
- Plecher, H. (2020). Urbanization in South Africa 2019. Statista. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.statista.com/statistics/455931/urbanization-in-south-africa/>.
- Pravitel'stvo Rossiyskoy Federatsii. (2024). *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28.12.2024 № 4146-r "Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda"* [Decree of the Government of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 4146-r "On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036"]. Retrieved May 20, 2025, from <http://static.government.ru/media/files/ttXJCZ4PNa7bmTrRgcUPwoIQA8SYR91B.pdf> (in Russian).
- Rezvani, M.R., & Mansourian, H. (2013). Developing small cities by promoting village to town and its effects on quality of life for the local residents. *Social Indicators Research*, 110, 147-170.
- Riad, P., et al. (2020). Landscape transformation processes in two large and two small cities in Egypt and Jordan over the last five decades using remote sensing data. *Landscape and Urban Planning*, 197, 103766.
- Shaalán, I. (2013). Sustainable urban transformation in small cities in Egypt: A UN-habitat perspective. *Journal of Cleaner Production*, 50, 200-204.
- Song, Y., Stead, D., & de Jong, M. (2020). New town development and sustainable transition under urban entrepreneurialism in China. *Sustainability*, 12(12), 5179.
- South African Government. (2025). *Local government*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.gov.za/about-government/government-system/local-government>.
- South African Local Government Association (SALGA). (2021). *Small towns regeneration programme (STR)*. Retrieved May 20, 2025, from https://static.pmg.org.za/210224amSALGA_STR_PRESENTATION_2_00000002.pdf
- Statistical Centre of Iran. (n.d.). *Statistical Centre of Iran*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.amar.org.ir/en/>.
- Talebzadeh, M. (2012). *Ma'ni va mafhum shahr-e kuchak [Meaning and concept of the small city]*. Retrieved May 20, 2025, from <https://mirheydartalebzadeh.blog-fa.com/post/22>.
- The State Council of the People's Republic of China. (2014). *Notice of the State Council on adjusting the standards for city size classification*. Retrieved May 20, 2025, from https://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2014/11/25/content_281475015213546.html.
- World Bank. (n.d.). *GDP (current US\$)* [Data table]. Retrieved May 20, 2025, from <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD>.
- Tripathi, S. (2021). Towards sustainable urban system through the development of small towns in India. *Regional Science Policy & Practice*, 13(3), 777-798.
- Tripathi, S., & Mitra, A. (2022). Shedding light on unnoticed gems in India: A small town's growth perspective. *Land Use Policy*, 120.
- United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. (2024). *World population prospects 2024*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.un.org/development/desa/pd/world-population-prospects-2024>.
- Urban Policy Platform. (2015). *National urban policy and smart city strategy in I.R. Iran*. Retrieved May 20, 2025, from <https://urbanpolicyplatform.org/download/national-urban-policy-and-smart-city-strategy-document-final-version/>.
- Vandercasteelen, J., et al. (2018a). Big cities, small towns, and poor farmers: Evidence from Ethiopia. *World Development*, 106, 393-406.
- Vandercasteelen, J., et al. (2018b). Cities and agricultural transformation in Africa: Evidence from Ethiopia. *World Development*, 105, 383-399.
- World Population Review. (2025). *United Arab Emirates cities*. Retrieved May 20, 2025, from <https://worldpopulationreview.com/cities/united-arab-emirates>.
- Zlotnikov, M.S., Voloshin, A.V., Aleksandrov, Yu. L., & Falaleev, A.N. (2024). Global'naya transformatsiya mirovoy ekonomiki: formirovanie mnogopolyarnogo mira v usloviyakh ekonomicheskoy integratsii i tekhnologicheskogo suvereniteta [Global transformation of the world economy: Formation of a multipolar world in the context of economic integration and technological sovereignty]. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra [Economics: Yesterday, today and tomorrow]*, 14(10A), 9-17. (in Russian).

Подходы к разработке типологии малых городов в контексте актуальных для России практик стран БРИКС

Центром исследований малых городов совместно с факультетом городского и регионального развития НИУ ВШЭ проведены исследования и систематизация лучших зарубежных практик социально-экономического развития малых городов стран БРИКС и их применимость для российского опыта [Михайленко, 2025b]. В настоящей статье приведены некоторые результаты данных исследований, в том числе описаны политики социально-экономического развития малых городов стран БРИКС, представлена типология малых городов Российской Федерации и стран БРИКС.

В объединение стран БРИКС, кроме Российской Федерации, на момент подготовки статьи входило еще 9 государств: Бразилия, Индия, Китай, ЮАР, ОАЭ, Иран, Египет, Эфиопия, Индонезия. Каждая из этих стран имеет свой подход к работе с малыми городами. При этом наибольший интерес представляют малые города Бразилии, Индии, Китая и ЮАР. Изучение локальных процессов урбанизации позволило сделать вывод о возможности заимствования и применения эффективного опыта, полученного этими странами, к малым городам России.

Государственные программы стран БРИКС носят преимущественно направленный характер, на основании чего можно выделить пять типов малых городов, для которых применяются различные политики развития:

1. Исторические города.
2. Региональные города-посредники.
3. Центры обслуживания сельских территорий.

Познанская София Алексеевна, руководитель, Центр исследований малых городов, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (ИвГУ); советник губернатора Ивановской области; генеральный директор, АНО «Центр территориального развития Ивановской области»; Иваново, Российская Федерация.

E-mail: goroda.malye@yandex.ru

Молодцова Варвара Александровна, младший научный сотрудник, факультет городского и регионального развития, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.

E-mail: vmolodtsova@hse.ru

Мокренский Денис Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, факультет городского и регионального развития, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.

E-mail: dmokrenskii@hse.ru

Арцыбашева Ксения Владимировна, стажер-исследователь, Центр арктической и северной урбанистики, Высшая школа урбанистики имени А.А. Высоковского, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.

E-mail: kvartsybasheva@hse.ru

Ашуркова Мария Олеговна, магистр программы «Urban Analytics», факультет архитектуры, Университет Гонконга (HKU); Гонконг.

E-mail: ashurkova_mo@mail.ru

В статье подводятся итоги исследования и систематизации лучших практик социально-экономического развития малых городов стран БРИКС и их применимость для развития российских малых городов. Приведена типология малых городов стран БРИКС, особое внимание уделено четырем странам: Китаю, Бразилии, Индии и ЮАР. Проанализированы разработанные в Российской Федерации типологии малых городов. Предложен вариант типологии малых городов России с учетом опыта рассмотренных стран БРИКС, а также существующих типологий: возрастающие города, центры обслуживания разного размера (крупные и малые), монофункциональные промышленные города разного размера (крупные и малые), туристические города (курорты), исторические города.

4. Промышленные города с высокотехнологической специализацией.
5. Пригороды [Михайленко, 2025а].

Составленная типология имеет обобщенный характер; не во всех странах БРИКС государственная политика выделяет все эти типы.

Исторические города обладают объектами культурного и исторического наследия, которые выступают ресурсом социально-экономического развития. Бразилия и Индия сосредотачивают внимание на выделении этого типа городов в государственной политике: в Бразилии реализуется федеральная программа PAC – *Cidades Históricas*, цель которой – восстановление исторического и архитектурного наследия, улучшение качества инфраструктуры и повышение уровня жизни, а также развитие туризма [PAC..., n.d.]. В Индии была запущена программа HRIDAY, которая сосредоточена на развитии городской инфраструктуры, сохранении культурного наследия и повышении качества жизни населения [GUIDELINES for HRIDAY..., n.d.]. Сохранение культурного наследия и развитие туризма являются одними из ключевых задач в политике указанных стран.

Региональные города-посредники играют роль локальных центров, стимулирующих экономический рост в регионах с низкой плотностью населения в условиях транспортной удаленности от основных экономических центров. В Бразилии в рамках программы городов-посредников планируется развитие городов этого типа как опорных населенных пунктов, расположенных в разных частях страны, в целях обеспечения равномерного территориального развития [PCI..., n.d.]. В стране также принят План регионального развития Амазонии (северной части страны, характеризующейся низкой урбанизацией), одно из направлений которого заключается в развитии альтернативных полюсов роста в малых городах [DDRM..., n.d.]. В Китае также выделяется несколько государственных программ, направленных на равномерное развитие городов в ключевых регионах страны.

Центры обслуживания сельских территорий выделяются в Индии, Китае, ЮАР и Иране, что делает этот тип наиболее характерным для политик развития малых городов стран БРИКС. Это связано с особенностями процесса урбанизации в странах БРИКС с низким уровнем урбанизации, а также недавно завершенным или продолжающимся урбанистическим переходом, при котором сельская местность теряет население при массовой миграции в большие города. Малые города этого типа выступают проводниками городских услуг и инфраструктуры более высокого качества для сельской местности, а также локальными центрами экономического роста, которые позволяют снизить миграционную нагрузку на крупнейшие города стран. В национальном контексте можно говорить о подобной характеристике для большой доли малых городов для разного масштаба сельских территорий в зависимости от географического положения. Примечательно то, что в большинстве стран БРИКС, в рамках политики, направленной на устойчивое территориальное развитие, такая нагрузка на крупнейшие города определяется как негативный фактор, в связи с чем принимаются меры, обеспечивающие равномерное расселение в отношении менее урбанизированных районов.

Промышленные города с высокотехнологической специализацией выделяются в Индии и Китае как элементы развития технологических кластеров и умных городов, а также в Бразилии в рамках локальных инициатив. Политики развития включают не только стимулирование высокотехнологической экономической деятельности в уже существующих городах, включая малые, но и строительство умных городов с нуля. В Индии в рамках развития Национальных промышленных коридоров запланировано развитие как новых малых городов, так и существующих промышленных центров малого размера с высокотехнологической промышленной специализацией с целью выравнивания

Ключевые слова: малый город; типология; страны БРИКС; Россия; социально-экономическое развитие

Цитирование: Познанская, С. А., Молодцова, В. А., Мокренский Д. Н., Арцыбашева, К. В., & Ашуркова, М. О. (2026). Подходы к разработке типологии малых городов в контексте актуальных для России практик стран БРИКС. *Городские исследования и практики*, 11(1), 30–44. <https://doi.org/10.17323/usp111202630-44>

дисбалансов регионального развития [UIDSSMT..., n.d.]. В Бразилии реализуются локальные проекты развития малых городов, которые имеют промышленную специализацию, с привлечением цифровых технологий умного города [Pilots IoT..., n.d.]. Китай принимает серьезные меры поддержки индустриальных городов, включая развитие моногородов.

Для малых городов, расположенных на территориях, примыкающих к крупным городам, актуальны программы, направленные на улучшение качества городской среды. За счет сосредоточения занятости в городском центре пригороды, как правило, становятся зоной размещения населения, которое необходимо обеспечить жильем и соответствующей инфраструктурой. В Бразилии и Индии действуют программы, направленные на развитие жилищного строительства и развития инфраструктуры в малых и средних городах, в том числе в тех, которые расположены вблизи более крупных центров. Кроме того, в рамках программ государственного развития ключевых территорий Китая развивается инфраструктура малых городов, расположенных в пригородных зонах более крупных городов [Михайленко, 2025a].

С учетом вышеизложенного, а также из-за отсутствия единообразного подхода к выделению малых городов в странах БРИКС, необходимо рассмотрение функциональной специализации и роли в системе расселения для формирования сводной типологии малых городов.

В соответствии со Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р, под малым городом понимается город с численностью населения менее 50 тыс. человек, средний город — город с численностью населения от 50 тыс. до 100 тыс. человек [Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р].

В целях выделения типологии малых городов в России необходимо рассмотреть разработанных ранее типологий.

В 1970-е годы были разработаны первые руководства по выделению типов малых городов в рамках системного подхода. Города рассматривались как территориально-производственные комплексы, выполняющие различную функцию в системе расселения. В основе функционального подхода — комбинация экономической специализации города и его места в иерархии

системы расселения [Руководство, 1979]. Впоследствии появились типологии, основанные на комплексной характеристике социально-экономической ситуации и реакции на кризисы [Секушина, 2019]. Для разработки типологии малых городов продолжает использоваться функциональный подход [Секушина, Ускова, 2020; Типология..., 2024]. В 2024 году Институт экономики роста им. П. А. Столыпина представил типологизацию малых городов России с учетом экономической специализации, географического положения и места в системе связей города с окружающей территорией [Типология..., 2024].

Помимо функций, которые выполняет город как часть системы расселения, в разработке типологий могут учитываться другие основания. Для городов Центральной России выделены типы малых городов в зависимости от конфигурации их морфологической структуры и ее сложности, связанной с наличием барьеров природного и антропогенного происхождения [Смирнов, 2023]. Другой подход связан с оценкой демографической динамики и качества жизни в малых городах [Гуменюк, 2021]. Второй аспект включает в себя комплексную характеристику инфраструктуры, улично-дорожной сети, жилых и зеленых пространств, экологической ситуации и других параметров [Индекс..., n.d.]. Также типологизация малых городов может осуществляться на базе культурно-исторической среды в городе [Балдандоржиев, 2011].

Рассмотренные типологии имеют ограниченный территориальный охват и сосредоточены на малых городах в отдельных регионах или федеральных округах. Большинство типологий также фиксируют состояние города на конкретный год и практически не учитывают динамику или смену траектории развития. Сложность российского пространства диктует необходимость более детального анализа каждого города и использование «плавающих» признаков [Смирнягин, 2012], которые могут быть учтены для выделения специфического типа городов [Типологизация..., 2024].

Рассмотренные выше типологии малых и средних городов выделены на основании подходов, разработанных для городов России в целом. Институт регионального консалтинга в контексте мастер-планирования рекомендует в первую очередь учитывать место города в системе расселения, которое определяет набор и радиус предоставляемых им функций [Замятина, Никитин, 2021]. Это место предлагается определять через прямые и косвенные

Название источника	Основание для типологии	Территориальный охват	Типы городов
Руководство по проектированию малых городов в системах расселения, ЦНИИП Градостроительства, 1979	Функциональный подход: экономическая специализация, географическое положение, иерархия в системе расселения	-	<i>По специализации:</i> 1. Промышленные города. 2. Города научного профиля. 3. Города рекреационного профиля. 4. Города с транспортными функциями. 5. Города – организационно-хозяйственные и производственные центры сельскохозяйственных районов. 6. Города – организационно-хозяйственные и производственные центры лесопромышленных территорий и территорий рассредоточенного размещения объектов добывающей промышленности. 7. Многофункциональные города. <i>По иерархии в системе расселения:</i> хозяйственные, межхозяйственные (подцентры района), районные, межрайонные центры
Типология малых и средних городов по экономическому профилю и положению в системе расселения, Секушина И. А., Ускова Т. В., 2020	Функциональный подход: экономическая специализация и место в системе расселения	Малые и средние города Европейского Севера России	<i>По специализации:</i> 1. Аграрные и лесопромышленные. 2. Добывающие (сырьевые). 3. Индустриальные. 4. Транспортные. 5. Туристические. 6. Социальные. 7. Диверсифицированные. <i>По положению в системе расселения:</i> города, входящие в агломерацию, и города – локальные центры прилегающих территорий (всего 14 типов)
Типологизация малых городов: проблемы и решения, Институт экономики роста им. Столыпина П. А., 2024	Функциональный подход: экономическая специализация, географическое положение и место города в системе связей с другими городами и окружающей сельской территорией	Города с численностью населения до 100 тыс. чел. Северо-Западного и Сибирского федеральных округов	1. Город развитой промышленности/энергетики. 2. Транспортно-логистический центр. 3. Туристический центр. 4. Город общегосударственных функций. 5. Город-спутник. 6. Межмуниципальный центр. 7. Город смешанной специализации. 8. «Спящий» город
Пространственная структура малых городов: подходы к типологии (по материалам Центральной России), Смирнов И. П., 2019	Морфологический подход: тип пространственной структуры на городском масштабе	190 малых городов Центрального Федерального округа (по данным численности населения 2020 г.)	<i>По типу морфологической структуры:</i> 1. Компактный. 2. Рассеченный. 3. Рассредоточенный. <i>По индексу сложности пространства:</i> 1. Очень простое. 2. Простое. 3. Средней сложности. 4. Сложное. 5. Очень сложное (всего 18 типов)
Типология малых городов регионов Западного порубежья России, Гуменюк Л. Г., 2021	Динамика протекания демографических процессов и качество городской среды	Западное порубежье России (Карелия, Санкт-Петербург, Архангельская, Мурманская, Ленинградская, Калининградская, Псковская, Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская, Воронежская, Ростовская области, Краснодарский край, Крым, Севастополь)	1. Благоприятные и растущие. 2. Благоприятные, но убывающие. 3. Растущие, но неблагоприятные для жизни. 4. Неблагоприятные убывающие
Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья), Балдандоржиев Ж. Б., 2011	Культурно-исторический подход: анализ сохранности, историко-культурной преемственности и вовлеченности культурного наследия в жизнедеятельность города	Малые города Восточного Забайкалья	Типы развития малых городов: 1. Эритерный (наследующий культурное наследие и сохраняющий его). 2. Эссорный (быстроразвивающийся центр, с небольшим объемом культурного наследия). Классификация малых городов на основании типологии и социокультурной и экономической ситуации и культурного наследия

Таблица 1. Типологизации малых городов России

Примечание. Таблица составлена на основе данных исследования [Михайленко, 2025b].

критерии. К первым относятся анализ потенциала поля расселения, или выявление зон влияния городов, и анализ географического положения; ко вторым – оценка разнообразия экономической специализации, куда в том числе входит анализ наличия предприятий-маркеров (таких как крупный университет, театр), а также анализ миграционного баланса. Кроме того, в составлении типологии могут учитываться характеристики транспортно-географического положения (например, узловое, транзитное, тупиковое) и количественные показатели, характеризующие его, такие как пассажирооборот.

Авторы предлагают следующие типы, к которым могут относиться малые города:

- локальные центры;
- удаленные узкоспециализированные города;
- центры обслуживания сельского населения;
- пригороды;
- «атипичные» случаи (города с разрывами городского пространства, города с неблагоприятной экологической ситуацией, северные города, города с утраченными функциями).

Также выделяются подтипы городов. Например, для городов-пригородов выделены подтипы ЗАТО, северных пригородов, транспортных узлов.

Феномену северных городов уделяется отдельное внимание ввиду специфики условий, которые отличают эти города от расположенных в основной полосе расселения. В статье Н. Ю. Замятиной и Р. В. Гончарова приводится типология арктических городов мира, в которой также рассматриваются города, входящие в Арктическую зону России. В условиях транспортной удаленности важными факторами развития городов выступает близость к более крупным центрам и наличие портов, обеспечивающих транспортную связанность с более плотно заселенными районами и основными экономическими центрами. Также арктические города часто имеют специфическую и монопрофильную специализацию. Уровень диверсификации экономики города, которая является отражением его жизнестойкости, маркируется наличием вуза или административным статусом [Замятина, Гончаров, 2020].

Кроме типологий, связанных с учетом функций и места города в системе расселения, была разработана методика выделения типов городов по принципу уровня

качества жизни [Типология городов..., 2022]. Отличием этой типологии стало использование большого массива показателей (79), которые были получены из базы данных Индекса качества жизни в городах России ВЭБ.РФ и дополнены показателями развития экономики. Основным методическим приемом проведения типологии выступает кластерный анализ, который часто используется при работе с большими базами данных.

Таким образом, теоретические и методологические подходы, рассмотренные в типологиях, разработанных для городов России в целом или для специфических регионов, например Арктики, можно использовать для составления типологии малых городов России в рамках данного исследования.

Помимо типологий, разработанных научными авторскими коллективами с целью решения конкретных задач, в российской практике выделяются отдельные типы городов, статус которых закреплен на законодательном уровне. В 2014 году был утвержден перечень монопрофильных муниципальных образований (моногородов), подготовленный Минэкономразвития России. В настоящее время статус моногорода имеет 321 муниципальное образование, из них около половины составляют малые города с численностью населения менее 50 тыс. человек. Ожидается, что список моногородов будет сокращен за счет изменения критериев отнесения муниципального образования к монопрофильному. Так, поддержка будет сохраняться только в тех моногородах, где безработица превышает среднероссийский уровень в два и более раза на протяжении последних трех лет, а также в период действия TOP (территории опережающего развития). Тем не менее новая система критериев не окончательная и нуждается в доработке [Моногорода..., n.d.].

Еще один тип городов, выделенный по принципу специализации, – наукограды. К ключевым критериям для присвоения статуса наукограда в Российской Федерации относятся наличие научно-производственного комплекса на территории муниципального образования, доля научно-технической продукции, которая должна составлять более 50% от общего объема продукции хозяйствующих субъектов города, доля работников научно-производственного комплекса и научных сотрудников в общем числе работников не ниже 20%, а также доля исследователей в научно-производственном

Название источника	Основание для типологии	Территориальный охват	Типы городов
Разработка типологии городов России для мастер-планирования: Институт регионального консалтинга, Замятина Н. Ю., Никитин Б. В., 2021	Место в системе расселения	Все города	<ol style="list-style-type: none"> 1. Национальные центры. 2. Межрегиональные центры. 3. Региональные центры. 4. Локальные центры. 5. Центры обслуживания сельского населения. 6. Удаленные узкоспециализированные города. 7. Города-спутники. <p>«Атипичные» особенности и уникальные случаи:</p> <ul style="list-style-type: none"> - Центры полицентрических агломераций. - Города с неблагоприятной экологической ситуацией. - Северные города. - Города с утраченными функциями
Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ, Замятина Н. Ю., Гончаров Р. В., 2020	Место в системе расселения	Арктика	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ключевые многофункциональные (университетские) центры. 2. Периферийные административные центры. 3. Города-пригороды разной специализации. 4. Удаленные промышленные центры
Типология городов России по показателям индексов качества жизни и качества среды, Фонд «Институт экономики города», 2022	Качество жизни	Все города	<ol style="list-style-type: none"> 1. Промежуточные. 2. Лидеры. 3. Отстающие

Таблица 2. Типология городов России

Примечание.

Таблица составлена на основе данных исследования [Михайленко, 2025b].

комплексе не менее 20% [Федеральный закон..., 1999]. В России насчитывается 13 наукоградов, из которых в трех (Протвино, Черноголовка, Кольцово) проживает менее 50 тыс. человек.

Статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) также связан со специализацией города в стратегически важных отраслях, таких как атомная энергетика и военно-промышленный комплекс. Специфика городов этого типа накладывает ограничения на доступ к полному перечню статистической информации.

Таким образом, существующие типологии малых городов России обладают узким пространственным охватом, фокусируясь на отдельных федеральных округах/районах страны. Анализ функционального наполнения, учет динамики численности населения, а также применение подходов автоматизированной кластеризации показателей могут быть использованы для составления типологии, охватывающей все малые города России.

Совместно разработанная нами типология малых городов России основана на ряде принципов, обусловленных целью нашей работы. Малые города, относящиеся к моногородам, наукоградам или ЗАТО, не выделялись в отдельные типы, так как уже имеют меры поддержки, закрепленные на государственном уровне в соответствующих актах. В основе информацион-

ной базы лежат данные открытых источников, что позволяет обеспечить *воспроизводимость* типологии. Этот принцип необходим для возможности мониторинга динамики развития малых городов в перспективе нескольких лет. Использование данных федеральных статистических ведомств позволяет сделать типологию *пространственно универсальной*, то есть обладающей широким пространственным охватом. В основу типологии положен критерий экономической специализации, однако принцип *комплексности* типологии предполагает использование показателей, характеризующих экономическую специализацию и демографическую ситуацию.

Важно рассматривать разработанную типологию как дифференцирование первого уровня в целях формирования более взвешенной и адресной государственной политики в отношении малых городов. Этот подход носит прикладной характер, обеспечивает определение укрупненных критических групп и основные риски, связанные со спецификой группы, которые требуют первоочередных действий. Внутри каждой типологии есть потенциал более детального деления, отражающего экономическую специализацию, географическое положение, связь города с окружающей территорией, принадлежность к геостратегическим территориям, транспортным и промышленным коридорам и проч.

Соответствующие этапы могут быть в том числе реализованы благодаря разработке инструментов, позволяющих отслеживать динамику данных в открытом доступе, отражающих более узкие характеристики городов.

Кроме того, на следующих этапах следует рассматривать возможность расширения критериев определения малых городов России, а именно выделения малых городов II категории с численностью населения от 50 тыс. до 100 тыс. человек.

Типологизация малых городов России была проведена с помощью алгоритма кластерного анализа, позволяющего обрабатывать большие массивы данных.

За основу была взята методика кластеризации по k-средних, используемая Фондом «Институт экономики города» и подробно описанная в работе «Типология городов России по показателям индексов качества жизни и качества среды» [Типология городов..., 2022]. Кластеризация методом k-средних представляет собой итеративный алгоритм разбиения множества объектов на заданное число k кластеров. Критерием качества разбиения является минимизация суммарного квадратичного отклонения элементов кластеров от их центров масс. На вход алгоритм требует подать число кластеров и затем присваивает каждому городу, согласно выделенным критериям, свой кластер. Для определения оптимального числа кластеров был использован «метод локтя», согласно которому для нашего набора данных оптимальным числом кластеров является 7, что и было взято за основу.

В качестве показателей для кластеризации были выбраны:

- численность населения на 2020 год;
- тренд изменения численности населения за межпереписной период (переменная принимала значение 1 при росте численности населения между 2010 и 2020 годами и значение 0 – при снижении численности населения в соответствующий период) [Оценка численности..., 2010, 2020];
- доля занятых в наиболее важной хозяйственной сфере от общей численности занятых в муниципальном образовании;
- основной тип занятости населения по разделам ОКВЭД (Общероссийского классификатора видов экономической деятельности) на 2020 год (соответствующий показатель – среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого

предпринимательства) [Среднесписочная численность..., 2020];

- доля занятых в разделе ОКВЭД I от общей численности занятых в муниципальном образовании, число ОКН (объектов культурного наследия) на 1000 человек [Сведения..., n.d.].

Показатель принадлежности города к городской агломерации был взят из работы, опубликованной Институтом экономики города, и использован в качестве дополнения к характеристике городов в кластерах [Пузанов и др., 2023]. Сопоставления между муниципальными образованиями между 2010 и 2020 годами проводились с использованием кодов Общероссийского классификатора территорий муниципальных образований (ОКТМО) [ОКТМО..., n.d.]. Использованные показатели приведены в табл. 3.

При разработке типологии малых городов в данном исследовании было принято несколько допущений, связанных со спецификой используемых данных. Данные по численности занятых в организациях, доминирующим разделам ОКВЭД, проценту занятых в наиболее важной сфере от общей численности занятых в организациях, проценту занятых в разделе I ОКВЭД от общей численности занятых в организациях взяты по соответствующим муниципальным образованиям верхнего уровня в связи с отсутствием данных по муниципальным образованиям нижнего уровня. В качестве допущения было принято, что в муниципальных округах и муниципальных районах города выступают центрами концентрации занятости, что предполагает преобладание соответствующего раздела ОКВЭД на всей территории муниципального образования.

Процент занятых в туристической сфере учитывается исключительно как процент занятых в разделе I ОКВЭД «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» от общей численности занятых в организациях в связи с отсутствием доступных данных по занятым в прочих организациях, связанных с туристической деятельностью. Показатель количества ОКН на 1000 человек учитывает все объекты культурного наследия, в том числе памятники, мемориалы Великой Отечественной войны и прочие объекты.

Алгоритм кластерного анализа позволил выделить 7 типов малых городов (табл. 4). Неравномерность числа городов, входящих в кластеры, объясняется спецификой методики автоматизированной кластеризации показателей.

Тематика	Показатель	Дата	Источник
Демография	Численность населения, чел.	2020 г.	Росстат
	Тренд изменения численности населения (убывающий/возрастающий)	2010–2020 гг.	Росстат; расчетный показатель
Занятость	Доля занятых в доминирующей сфере от общей численности занятых в муниципальном образовании, %	2020 г.	Росстат, БДМО; расчетный показатель
	Основной тип занятости населения по разделам ОКВЭД	2020 г.	Росстат, БДМО
Туристическая специализация	Доля занятых в разделе ОКВЭД I от общей численности занятых в муниципальном образовании, %	2020 г.	Росстат, БДМО; расчетный показатель
	Число ОКН на 1000 человек	2020 г.	Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации

Таблица 3. Показатели, использованные при разработке типологии малых городов России

Примечание.

Таблица составлена на основе данных исследования [Михайленко, 2025b]. В расчетах показателей занятости использовался показатель среднесписочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства).

Полученные типы имеют следующие характеристики:

1. Возрастающие города

Имеют прирост численности населения за период с 2010 по 2020 год, который, как правило, связан с расположением части городов в агломерациях Москвы, Санкт-Петербурга и региональных центров, а также с наличием промышленных предприятий, обеспечивающих занятость населения.

2. Центры обслуживания разного размера

2а. Центры обслуживания (крупные)

Средняя численность населения – около 28 тыс. человек. Основная сфера занятости связана с бюджетными отраслями: образованием, государственным управлением и здравоохранением. Часть городов имеют промышленную специализацию со статусом моноспециализированного муниципального образования. В кластер попали города, отнесенные к межмуниципальным центрам по типологизации малых городов, проведенной Институтом роста П. А. Столыпина (Тара, Великий Устюг, Куйбышев). Численность населения сокращается.

2б. Центры обслуживания (малые)

Имеют среднюю численность населения до 10 тыс. человек. Основная сфера занятости связана с бюджетными отраслями:

образованием, государственным управлением и здравоохранением. Численность населения сокращается.

3. Монофункциональные промышленные города разного размера

3а. Монофункциональные промышленные города (крупные)

Средняя численность населения – около 36 тыс. человек. Преобладающая специализация – обрабатывающая промышленность. Часть городов относится к списку моноспециализированных. Другие города, не имеющие такого статуса, специализируются в сфере топливно-энергетического комплекса (Конаково, Десногорск), транспорта и логистики (Усть-Кут), металлургии (Кандалакша, Кулебаки) и прочих отраслей обрабатывающей промышленности. Отличительная черта типа – наличие крупного предприятия, делающего город важным промышленным или транспортным узлом в национальном масштабе. В большинстве городов численность населения сокращается.

3б. Монофункциональные промышленные города (малые)

Обладают меньшей численностью населения (около 13 тыс. человек), чем города третьего типа. В основном имеют специализацию в обрабатывающей промышленности. Часть городов имеют статус моногорода (например, моногорода Урала, входящие в Злато-

Название типа	Доля занятых в доминирующей сфере, %	Средняя численность населения, 2020 г., тыс. чел.	Основной тип занятости населения	Тренд населения	Число ОКН на 1000 жителей	Доля занятых в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания	Примеры городов	Число городов, попавших в кластер	
Возрастающие города	27,6	22,0	Разная (все разделы)	Возрастающий	Мало	Низкий	Адыгейск, Гусев, Магас	152	
Центры обслуживания разного размера	Крупные центры обслуживания	21,0	28,1	Образование	Убывающий	Средне	Отсутствует	Черняховск, Тулун, Великий Устюг	100
	Малые центры обслуживания	25,7	9,3	Образование	Убывающий	Средне	Отсутствует	Вилюйск, Невельск, Верхоянск	207
Монофункциональные промышленные города разного размера	Крупные монофункциональные промышленные города	30,7	36,2	Обрабатывающая промышленность	Убывающий (есть выброс)	Мало	Низкий	Лянтор, Сатка, Киржач	121
	Малые монофункциональные промышленные города	29,1	13,8	Обрабатывающая промышленность	Убывающий	Средне	Низкий	Дудинка, Нерехта, Петушки	199
Туристические города (курорты)	28,9	14,1	Здравоохранение (образование, госсектор) Образование (госсектор, здравоохранение, научная деятельность)	Разный	Много	Высокий	Алупка, Судак, Валдай	7	
Исторические города	27,8	5,5		Убывающий	Очень много	Отсутствует	Суздаль, Плётс, Кологрив	7	

Таблица 4. Типы малых городов России и их характеристики

Примечание.

Таблица составлена на основе данных исследования [Михайленко, 2025b]

устско-Миасскую и Нижнетагильскую агломерации). В городах этого типа, расположенных в Европейской части России, помимо промышленных предприятий, есть объекты культурного наследия (Тотьма, Нерехта, Осташков), однако туристическая сфера не является отраслью основной специализации. Численность населения сокращается.

4. Туристические города (курорты)

Выделяются по высокой доле занятости населения в туристической отрасли (более

5%) и высокому числу ОКН на 1000 человек. Основная отрасль занятости — здравоохранение, что соответствует нахождению в городах медицинских учреждений санаторно-курортного профиля. К городам этого типа относятся Усолье, Валдай, а также города Крыма (Алупка, Алушта, Судак).

5. Исторические города

Имеют в среднем небольшую численность населения (до 5 тыс. человек) и высокую концентрацию объектов культурного наследия. Ключевая особенность типа — зна-

чительное превышение количества ОКН на 1000 человек по сравнению с другими городами (среднее значение – 23,5 объектов на 1000 человек). К городам этого типа относятся Суздаль, Чердынь, Макарьев, Сретенск, Плёт, Кологрив, Верхотурье. Не все города, попавшие в тип, реализуют свой потенциал развития туристической отрасли, что проявляется в фактическом отсутствии занятости в гостиничном секторе. Также это может быть связано с неформальным характером мест размещения туристов. Численность населения сокращается. К городам, близким к этому типу, можно также отнести Солигалич, Юрьево, Опочку и Чухлому, которые относятся к центрам обслуживания (малым) и имеют высокое число ОКН (более 10 объектов на 1000 человек). Вместе с тем этого значения недостаточно для того, чтобы при автоматической кластеризации упомянутые города были отнесены к данному типу.

Полученная типология малых городов России была сопоставлена с типами малых городов, которые выделяются странами БРИКС направленной государственной политикой в целях решения ряда урбанистических проблем, схожих с глобальным и российским контекстом: миграционный отток трудоспособного населения, концентрация человеческого и экономического капитала в крупных городских агломерациях, перенаселенность мегаполисов, деградация периферийных территорий, демографические риски и риски утраты культурного разнообразия и исторической памяти (табл. 5).

В большинстве стран БРИКС на уровне общегосударственной политики территориального развития отсутствуют тенденции перекоса в сторону концентрации усилий в мегаполисах и агломерациях ввиду риска формирования потенциально неустойчивой и негибкой модели развития.

Не все типы малых городов стран БРИКС имеют непосредственные аналоги с типами малых городов России. Это обусловлено различием методики составления типологии: типы малых городов стран БРИКС были выделены в соответствии с существующими стратегиями развития, тогда как для малых городов России была проведена автоматизированная кластеризация статистических показателей.

Наиболее близкими типами к историческим городам в странах БРИКС являются исторические и туристические города в России. Главным критерием соответствия выступает наличие объектов культурного наследия, которые делают города attrak-

тивной туристической дестинацией. Туристические города (курорты) могут не обладать историческими или культурными памятниками, но выступать центрами рекреации, для которых будут актуальны меры поддержки, связанные с развитием как туристической, так и общегородской инфраструктуры.

В контексте стран БРИКС города-посредники выделяются как узлы децентрализации экономической активности на региональном уровне. Этот тип актуален для стран с большой площадью, имеющих выраженные диспропорции в размещении населения, которые выбрали для себя стратегию выравнивания территориально-социально-экономического развития в условиях неравномерного процесса урбанизации, схожего с российским контекстом: Бразилии и Китая. В Бразилии городами-посредниками выступают малые и средние города за пределами крупных городских агломераций, которые имеют особенно важное значение в слабозаселенных районах, таких как Амазония, за счет большого радиуса предоставления услуг жителям окружающих территорий. В Китае города этого типа рассматриваются в рамках программ, направленных на стимулирование развития ключевых территорий в разных частях страны. В типологии российских малых городов наиболее близким аналогом можно считать малые города типа «крупные центры обслуживания», за исключением городов, входящих в агломерации более крупного города.

Тип малых городов – центров обслуживания сельского населения также не имеет прямого аналога в разработанной типологии малых городов России. Наиболее близким типом можно считать центры обслуживания (малые) (за исключением малых городов, расположенных в агломерациях), которые выступают локальными центрами, предоставляющими городские услуги и места приложения труда для жителей окружающих сельских территорий.

Промышленным городам с умной специализацией, выделяемым в политиках развития малых городов стран БРИКС, наиболее близко соответствуют монофункциональные промышленные города (малые). Города этих типов имеют специализацию в обрабатывающей промышленности, а также транспорте и логистике, что позволяет адаптировать в них меры поддержки, направленные на развитие передовых отраслей и разви-

Тип малого города в странах БРИКС	Тип малого города в России	Критерий соответствия
Исторические города	Исторические города, туристические города (курорты)	Наличие объектов культурного наследия, специализация в сфере туризма
Региональные города-посредники – центры деконцентрации экономической активности на региональном уровне	Потенциальный аналог: центры обслуживания (крупные) (за исключением малых городов в агломерации)	Нет прямого соответствия: малые города, выступающие центрами субрегионального уровня, частично с промышленной специализацией
Центры обслуживания сельских территорий (включая сельско-городские кластеры в Индии)	Потенциальный аналог: центры обслуживания (малые) (за исключением малых городов в агломерации)	Нет прямого соответствия: города малой людности, выступающие центрами локального уровня, частично с промышленной специализацией
Промышленные города с умной специализацией	Монофункциональные промышленные города разного размера	Преобладание обрабатывающей промышленности в занятости
Пригороды	В типологии российских малых городов не выделялись как отдельный тип, но использовались как вспомогательная категория для характеристики других типов. Определялись как города, входящие в городские агломерации, предложенные Институтом экономики города	Расположение в агломерации более крупного города

Таблица 5. Сопоставление типов малых городов стран БРИКС и России

Примечание.

Таблица составлена на основе данных исследования [Михайленко, 2025b]

тие городской среды по модели умного города.

Тип пригородов в политиках развития малых городов стран БРИКС был отмечен только в Индии, где в период с 2009 по 2018 год действовала Схема развития городской инфраструктуры городов-спутников. Эта мера была включена в Национальную миссию по обновлению городов имени Джавахарлала Неру и была направлена на развитие восьми городов-спутников, расположенных в агломерациях семи мегаполисов. Цель действия схемы заключалась в создании и модернизации инфраструктуры (транспортной, коммунальной), поддержке местных органов власти и создании новых субцентров экономической активности за пределами центрального города в условиях урбанизации и неконтролируемого разрастания крупнейших городских агломераций. За период действия схемы из 17 проектов было реализовано лишь около 40%, что привело к завершению программы [UIDSST, 2009]. В Бразилии не выделяются специфические меры поддержки для малых городов-спутников: действуют программы по строительству социального жилья и развитию городской инфраструктуры, что актуально для стран с растущим уровнем урбанизации.

Также в стратегиях развития малых городов стран БРИКС не выделяются меры поддержки для городов с растущей численностью населения. В условиях общей тенденции к сокращению населения в малых городах России считается оправдан-

ным выделение этого типа в целях принятия решений по формированию взвешенной государственной политики.

Порядка 20% малых городов демонстрируют устойчивый рост населения. В малых городах с растущим населением, которые преимущественно являются частью агломераций Москвы, Санкт-Петербурга и региональных центров, а также характеризуются наличием промышленных предприятий, обеспечивающих занятость, может отсутствовать потребность в отдельных мерах государственной поддержки в равной степени с городами остальных типов, с убывающим населением.

Монофункциональные промышленные малые города, которые характеризуются устойчивым сокращением населения, составляют 40% от общего количества малых городов. Примечательно, что малые города, основная сфера занятости в которых связана с бюджетными отраслями – образованием, государственным управлением и здравоохранением, – составляют всего чуть больше трети, а именно 39%.

Остальную часть можно отнести к туристическим и историческим малым городам, численность населения которых падает.

Таким образом, разработанная для всех малых городов России типология основана на сочетании экономической специализации и демографической динамики малых городов и опирается на методы кластерного анализа, что обеспечивает ее воспроизводимость для дальнейших исследований и возможность межрегиональных сопоставлений. Сопоставление с типоло-

гиями малых городов стран БРИКС выявило как общие элементы (исторические города, промышленные центры), так и различия, обусловленные национальными стратегиями и институциональными рамками. Это подчеркивает необходимость адаптации международного опыта к российским условиям при формировании политики пространственного развития и поддержки малых городов.

Благодарности

Выражаем благодарность факультету городского и регионального развития федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» за предоставленную возможность проведения исследований.

Источники

- Балдандоржиев, Ж.Б. (2011). Малые города: типология и классификация в контексте культурного наследия (на примере малых городов Восточного Забайкалья). *Гуманитарный вектор. Серия: История, политология, 27(3)*, 112–119.
- Пузанов, А.С., Попов, Р.А., Полиди, Т.Д., и Гершович, А.Я. (Ред.). (2023). *Городские агломерации в современной России: проблемы и перспективы развития*. Фонд «Институт экономики города».
- Гуменюк, Л.Г. (2021). *Типология малых городов регионов Западного побережья России. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки, (2)*, 35–47.
- Замятина, Н.Ю., и Гончаров, Р.В. (2020). Арктическая урбанизация: феномен и сравнительный анализ. *Вестник Московского университета. Серия 5. География, (4)*, 69–82.
- Индекс качества городской среды. (б. д.). Индекс качества городской среды. Режим доступа: <https://индекс-городов.рф/#/> (дата обращения: 12.09.2025).
- Михайленко, Е.К., и др. (2025a). *Исследование и систематизация лучших зарубежных практик социально-экономического развития малых городов стран БРИКС и их применимость для российского опыта (1 этап): отчет о НИР*. НИУ ВШЭ.
- Михайленко, Е.К., и др. (2025b). *Исследование применимости лучших зарубежных практик социально-экономического развития малых городов стран БРИКС для развития российских малых городов: отчет НИР*. НИУ ВШЭ.
- Моногорода ставят на переучет. (б. д.). *Коммерсантъ*. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7832868> (дата обращения: 12.09.2025).
- ОКТМО — Общероссийский классификатор территорий муниципальных образований. (б. д.). Режим доступа: <https://classifikatois.ru/oktmo/> (дата обращения: 12.09.2025).
- Оценка численности населения на 1 января текущего года, 2010, 2020. (б. д.). *Федеральная служба государственной статистики*. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 12.09.2025).
- Замятина, Н.Ю., и Никитин, Б.В. (2021). *Разработка типологии городов России для мастер-планирования: Институт регионального консалтинга: Рабочие тетради. Выпуск 3*. Екатеринбург: Издательские решения.
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». (2025). *Собрание законодательства РФ, (2)*, ст. 74.
- ЦНИИП градостроительства. (1979). *Руководство по проектированию малых городов в системах расселения*. Москва: Стройиздат.
- Сведения из Единого государственного реестра объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. (б. д.). Режим доступа: <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (дата обращения: 12.09.2025).
- Секушина, И.А. (2019). Теоретические подходы к классификации малых и средних городов России. *Научный вестник Южного института менеджмента, (2)*, 84–93.
- Секушина, И.А., и Ускова, Т.В. (2020). Типология малых и средних городов по экономическому профилю и положению в системе расселения. *Север и рынок: формирование экономического порядка, (1)*, 4–18.
- Смирнов, И.П. (2023). Пространственная структура малых городов: подходы к типологии (по материалам Центральной России). *Вестник Московского университета. Серия 5. География, (2)*, 22–35.
- Смирнягин, Л.В. (2012). Безграничное районирование и плавающие признаки как средство познания географической реальности. В.А. Шупер (Ред.), *Девятые Сократические чтения* (с. 191–200). Ин-т географии РАН.
- Среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства), 2020. (б. д.). *Федеральная служба государственной статистики*. Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm> (дата обращения: 12.09.2025).
- Типологизация малых городов и выявление ключевых проблем малых городов в соответствии с типологизацией. (2024). *Институт экономики роста им. Столыпина П.А.* Режим доступа: https://stolypin.institute/storage/app/media/241010_issledovanie.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
- Типология городов России по показателям индексов качества жизни и качества среды. (2022). Фонд «Институт экономики города».
- Федеральный закон от 07.04.1999 № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации». (1999). *Собрание законодательства РФ, (15)*, ст. 1750.
- DDRMI — Distrito de Desenvolvimento Regional de Manacapuru e Iranduba. (б. д.). Режим доступа: <https://prda.sudam.gov.br/resumo->

projeto.php?idProjeto=45 (дата обращения: 20.05.2025).

GUIDELINES for HRIDAY: Heritage City Development & Augmentation Yojana. (6. д.). Режим доступа: <https://mohua.gov.in/upload/uploadfiles/files/GuidelinesHRIDAY.pdf> (дата обращения: 20.05.2025).

PAC – Cidades Históricas. (6. д.). *Instituto do Patrimônio Histórico e Artístico Nacional (Iphan)*. Режим доступа: <https://www.gov.br/iphane/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas/programas/novo-pac-cidades-historicas> (дата обращения: 20.05.2025).

Pilotos IoT & Cidades Inteligentes. (6. д.). *Inatel*. Режим доступа: <https://inatel.br/iot-cidades/> (дата обращения: 20.05.2025).

PCI – Programa Cidades Intermediadoras para o Desenvolvimento Regional. (6. д.). *Ministério do Desenvolvimento Regional*. Режим доступа: <https://www.gov.br/mdr/pt-br/assuntos/desenvolvimento-regional/cidades-intermediadoras> (дата обращения: 20.05.2025).

UIDSSMT Guidelines. (6. д.). Режим доступа: https://ud.hp.gov.in/sites/default/files/documents/UIDSSMT_GUIDELINES.pdf (дата обращения: 20.05.2025).

UIDSSST – Urban Infrastructure Development Scheme for Satellite Towns, 2009. (6. д.). Режим доступа: <https://www.impriindia.com/insights/urban-infrastructure-development-2009> (дата обращения: 12.09.2025).

SMALL TOWN TYPOLOGY IN BRICS: APPROACHES FOR RUSSIA

Sofiya A. Poznanskaya, Head of the Small Cities Research Center, Ivanovo State University (IvSU), Shuya Branch; CEO, Autonomous Non-Profit Organization “Center for Territorial Development”; Advisor to the Governor of the Ivanovo Region; Ivanovo, Russia.
E-mail: goroda.malye@yandex.ru

Varvara A. Molodtsova, Senior Lecturer, Junior Researcher, Faculty of Urban and Regional Development, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics (HSE); Moscow, Russia.
E-mail: vmolodtsova@hse.ru

Denis N. Mokrensky, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Faculty of Urban and Regional Development, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics (HSE); Moscow, Russia.
E-mail: dmokrenskii@hse.ru

Kseniya V. Artsybasheva, Research Intern, Centre for Arctic and Northern Urban Studies, Vysokovsky Graduate School of Urbanism, National Research University Higher School of Economics (HSE); Moscow, Russia.
E-mail: kvartsybasheva@edu.hse.ru

Mariia O. Ashurkova, Master’s Degree in Urban Analytics, The University of Hong Kong; Hong Kong.
E-mail: ashurkova_mo@mail.ru

This article summarizes and systematizes the best international practices in the socio-economic development of small towns in BRICS countries and their applicability to the development of small towns in Russia. A typology of small towns in BRICS countries is presented, with a particular focus on four countries: China, Brazil, India, and South Africa. Small town typologies developed in Russia are analyzed. Based on this, a typology of small towns in Russia is proposed, taking into account the experience of the four BRICS countries reviewed, as well as existing typologies: growing cities, service centers of various sizes, mono-functional industrial cities of various sizes, tourist cities, and historical cities.

Keywords: small town; typology of small towns; BRICS countries; Russia; socio-economic development

Citation: Poznanskaya, S.A., Molodtsova, V.A., Mokrensky, D.N., Artsybasheva, K.V., & Ashurkova M.O. (2026). Small town typology in BRICS: Approaches for Russia. *Urban Studies and Practices*, 11(1), 30–44. <https://doi.org/10.17323/usp111202630-44>

References

Baldandorzhiev, Zh. B. (2011). Malye goroda: tipologiya i klassifikatsiya v kontekste

- kul'turnogo naslediya (na primere malykh gorodov Vostochnogo Zabaykal'ya) [Small towns: Typology and classification in the context of cultural heritage (on the example of small towns in Eastern Transbaikalia)]. Gumanitarnyy vektor. *Seriya: Istoriya, politologiya* [Humanitarian vector. Series: History, political science], 27(3), 112-119. (in Russian).
- DDRFMI – Distrito de Desenvolvimento Regional de Manacapuru e Iranduba [DDRFMI – Regional Development District of Manacapuru and Iranduba]. (n.d.). Retrieved May 20, 2025, from <https://prda.sudam.gov.br/resumo-projeto.php?idProjeto=45> (in Portuguese).
- Federal'nyy zakon ot 07.04.1999 № 70-FZ «O statute naukograda Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of 07.04.1999 No. 70-FZ "On the status of science city of the Russian Federation"]. (1999). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (15), Art. 1750. (in Russian).
- Gumenyuk, L.G. (2021). Tipologiya malykh gorodov regionov Zapadnogo porubezh'ya Rossii [Typology of small towns in the regions of the Western borderland of Russia]. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Estestvennye i meditsinskie nauki* [Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Natural and medical sciences], (2), 35-47. (in Russian).
- GUIDELINES for HRIDAY: Heritage City Development & Augmentation Yojana. (n.d.). Retrieved May 20, 2025, from <https://mohua.gov.in/upload/uploadfiles/files/GuidelinesHRIDAY.pdf>
- Indeks kachestva gorodskoy sredy [Urban environment quality index]. (n.d.). Retrieved September 12, 2025, from <https://индекс-городов.рф/#/> (in Russian).
- Mikhaylenko, E.K., et al. (2025a). *Issledovanie i sistematizatsiya luchshikh zarubezhnykh praktik sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya malykh gorodov stran BRIKS i ikh primenimost' dlya rossiyskogo opyta (1 etap): otchet o NIR* [Research and systematization of the best foreign practices of socio-economic development of small towns in BRICS countries and their applicability for Russian experience (Stage 1): Research report]. NIU VShE. (in Russian).
- Mikhaylenko, E.K., et al. (2025b). *Issledovanie primenimosti luchshikh zarubezhnykh praktik sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya malykh gorodov stran BRIKS dlya razvitiya rossiyskikh malykh gorodov: otchet NIR* [Research on the applicability of the best foreign practices of socio-economic development of small towns in BRICS countries for the development of Russian small towns: Research report]. NIU VShE. (in Russian).
- Monogoroda stavyat na perechet [Monotowns are being recounted]. (n.d.). *Kommersant*. Retrieved September 12, 2025, from <https://www.kommersant.ru/doc/7832868> (in Russian).
- OKTMO – Obshcherossiyskiy klassifikator territoriy munitsipal'nykh obrazovaniy [All-Russian classifier of territories of municipal formations]. (n.d.). Retrieved September 12, 2025, from <https://klassifikators.ru/oktmo/> (in Russian).
- Otsenka chislennosti naseleniya na 1 yanvarya tekushchego goda, 2010, 2020 [Population estimate as of January 1 of the current year, 2010, 2020]. (n.d.). *Federal State Statistics Service*. Retrieved September 12, 2025, from <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (in Russian).
- PAC – Cidades Históricas [PAC – Historic Cities]. (n.d.). *Instituto do Patrimônio Histórico e Artístico Nacional (Iphan)*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.gov.br/iphan/pt-br/aceso-a-informacao/acoes-programas/programas/novo-pac/pac-cidades-historicas> (in Portuguese).
- PCI – Programa Cidades Intermediadoras para o Desenvolvimento Regional [PCI – Intermediary Cities Program for Regional Development]. (n.d.). *Ministério do Desenvolvimento Regional*. Retrieved May 20, 2025, from <https://www.gov.br/mdr/pt-br/assuntos/desenvolvimento-regional/cidades-intermediadoras> (in Portuguese).
- Pilotos IoT & Cidades Inteligentes [IoT & Smart Cities Pilots]. (n.d.). Inatel. Retrieved May 20, 2025, from <https://inatel.br/iot-cidades/> (in Portuguese).
- Puzanov, A.S., Popov, R.A., Polidi, T.D., & Gershovich, A. Ya. (Eds.). (2023). *Gorodskie aglomeratsii v sovremennoy Rossii: problemy i perspektivy razvitiya* [Urban agglomerations in modern Russia: Problems and development prospects]. Fond «Institut ekonomiki goroda». (in Russian).
- Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 28.12.2024 № 4146-r «Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation of 28.12.2024 No. 4146-r "On approval of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the period up to 2030 with a forecast up to 2036"]. (2025). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], (2), Art. 74. (in Russian).
- Sekushina, I.A. (2019). *Teoreticheskie podkhody k klassifikatsii malykh i srednikh gorodov Rossii* [Theoretical approaches to the classification of small and medium-sized cities in Russia]. *Nauchnyy vestnik Yuzhnogo instituta menedzhmenta* [Scientific bulletin of the Southern Institute of Management], (2), 84-93. (in Russian).
- Sekushina, I.A., & Uskova, T.V. (2020). Tipologiya malykh i srednikh gorodov po ekonomicheskomu profilu i polozheniyu v sisteme rasseleniya [Typology of small and medium-sized cities by economic profile and position in the settlement system]. *Sever i ryнок: formirovaniye ekonomicheskogo poryadka* [North and market: Formation of economic order], (1), 4-18. (in Russian).
- Smirnov, I.P. (2023). *Prostranstvennaya struktura malykh gorodov: podkhody k tipologii (po materialam Tsentral'noy Rossii)* [Spatial structure of small towns: Approaches to typology (based on materials from Central Russia)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], (2), 22-35. (in Russian).
- Smirnyagin, L.V. (2012). *Bezgranichnoe rayonirovaniye i plavayushchie priznaki kak sredstvo poznaniya geograficheskoy real'nosti* [Boundless zoning and floating features as a means of understanding geographical reality]. In V.A. Shuper (Ed.), *Devyatye Sokraticheskie chteniya* [Ninth Socratic readings] (pp. 191-200). In-t geografii RAN. (in Russian).
- Srednespisochnaya chislennost' rabotnikov organizatsiy (bez sub"ektov malogo predprinimatel'st-

- va), 2020 [Average number of employees in organizations (excluding small businesses), 2020]. (n.d.). *Federal State Statistics Service*. Retrieved September 12, 2025, from <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MUNST.htm> (in Russian).
- Svedeniya iz Edinogo gosudarstvennogo reestra ob'ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii* [Information from the Unified State Register of Cultural Heritage Sites (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation]. (n.d.). Retrieved September 12, 2025, from <https://opendata.mkrf.ru/opendata/7705851331-egrkn/> (in Russian).
- Tipologizatsiya mal'kh gorodov i vyyavlenie klyuchevykh problem mal'kh gorodov v sootvetstviy s tipologizatsiyey [Typology of small towns and identification of key problems of small towns in accordance with the typology]. (2024). *Institut ekonomiki rosta im. Stolypina P.A.* Retrieved September 12, 2025, from https://stolypin.institute/storage/app/media/241010_issledovanie.pdf (in Russian).
- Tipologiya gorodov Rossii po pokazatelyam indeksov kachestva zhizni i kachestva sredy* [Typology of Russian cities according to indicators of quality of life and quality of environment indices]. (2022). Fond «Institut ekonomiki goroda». (in Russian).
- TsNIIP gradostroitel'stva. (1979). *Rukovodstvo po proektirovaniyu mal'kh gorodov v sistemakh rassele-niya* [Guidelines for the design of small towns in settlement systems]. Moscow: Stroyizdat. (in Russian).
- UIDSSMT Guidelines*. (n.d.). Retrieved May 20, 2025, from https://ud.hp.gov.in/sites/default/files/documents/UIDSSMT_GUIDELINES.pdf
- UIDSST – Urban Infrastructure Development Scheme for Satellite Towns, 2009*. (n.d.). Retrieved September 12, 2025, from <https://www.impriindia.com/insights/urban-infrastructure-development-2009>.
- Zamyatina, N. Yu., & Goncharov, R.V. (2020). Arkticheskaya urbanizatsiya: fenomen i sravnitel'nyy analiz [Arctic urbanization: Phenomenon and comparative analysis]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], (4), 69–82. (in Russian).
- Zamyatina, N. Yu., & Nikitin, B.V. (2021). *Razrabotka tipologii gorodov Rossii dlya master-planirovaniya: Institut regional'nogo konsaltinga: Rabochie tetradi. Vypusk 3* [Development of a typology of Russian cities for master planning: Institute of Regional Consulting: Working notebooks. Issue 3]. Ekaterinburg: Izdatel'skie resheniya. (in Russian).

Сохранение культурного наследия в малых городах стран БРИКС на примере Бразилии

Михаил Тимофеев

В современных геополитических реалиях в России усиливается интерес к опыту стран, входящих вместе с ней в международную организацию БРИКС. В настоящее время она объединяет десять государств – Бразилию, Россию, Индию, Китайскую Народную Республику (КНР), Южно-Африканскую республику (ЮАР), Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Исламскую республику Иран, Египет, Эфиопию и Индонезию.

В настоящей статье мы обратимся к анализу работы с материальным культурно-историческим наследием малых городов в странах БРИКС, предварительно выбрав релевантные для Российской Федерации примеры.

Поскольку не во всех странах БРИКС существуют нормативы определения статуса небольших городов, а также отсутствуют особые правила регулирования на уровне государственной политики, то нам была важна релевантность для сопоставления существующих в странах БРИКС практик для России. Мы отклонили для рассмотрения КНР из-за несопоставимых количественных критериев выделения малых городов, так как в этой стране с 2014 года на государственном уровне к малым городам относят города с численностью до полумиллиона жителей, выделяя, правда, при этом города с численностью населения менее 200 тыс. человек как города II типа [The State Council..., n.d.]. Этот показатель существенно превышает принятый в России и зафиксированный на уровне 50 тыс. жителей. В Индии исследователи ориентируются на классификацию, считающую малыми города с численностью населения менее 100 тыс. человек [Guin, 2019; Tripathi, 2021]. В Бразилии и Иране этот показатель идентичен российскому. В остальных странах четкого выделения такого рода населенных пунктов не существует.

Михаил Юрьевич Тимофеев, доктор философских наук, профессор, кафедра философии Ивановского государственного университета (ИвГУ); руководитель, научно-образовательный центр «Городские и региональные исследования», Ивановский государственный университет (ИвГУ); руководитель направления научных исследований и социокультурных проектов, АНО «Центр территориального развития»; Иваново, Российская Федерация. E-mail: timofeev.01@gmail.com

В статье рассматриваются существующие в странах БРИКС практики сохранения расположенных в малых исторических городах объектов культурного наследия. В ряде стран этот сегмент в работе с национальным наследием не является актуальным по разным причинам. В Бразилии, Индии и Китае эта проблема имеет примеры решения на государственном уровне. Для рассмотрения выбран кейс Бразилии, где политика работы с наследием малых городов имеет длительную историю и в последние годы реализуется в рамках крупных национальных проектов. В этой стране с 2013 года проводится масштабная работа по поддержанию материального исторического наследия и местных сообществ через развитие туризма. Приоритетной является охрана памятников колониального периода. Государственная политика по их сохранению началась в стране в 1930-е годы. В 1970-е Бразилия вступила с ЮНЕСКО, а в 1980-е был создан Институт сохранения наследия и художественной культуры (IPHAN). Также была разработана программа ускоренного развития исторических городов, в которую было включено значительное число малых городов из разных штатов. В 2023 году начался второй этап этой программы. Одной из важных особенностей реализации программ в малых городах Бразилии является их обсуждение местными сообществами, проходящее на уровне муниципалитетов. Для России, где малые города играют важную роль в организации сельских районов и пригородных зон, опыт стран Бразилии может быть полезен для разработки собственных программ их поддержки.

Ключевые слова: малые города; БРИКС; Бразилия; культурное наследие; политика памяти

Цитирование: Тимофеев М. Ю. (2026). Сохранение культурного насле-

Почти все страны БРИКС обладают более чем тысячелетней историей, представленной в том числе в виде материальных объектов, часть которых находится под охраной ЮНЕСКО. При уровне урбанизации 23,2 % в Эфиопии насчитывается 200 городов численностью населения более 10 тыс. человек. При этом отсутствует корреляция с их историческим значением. Противоположная ситуация в ОАЭ, где 88% населения сосредоточено в 6 мегаполисах и 13 городах с населением до 100 тыс. жителей. Однако концентрация объектов культурного наследия (ОКН) в малых городах минимальна – в Эль-Фуджайре (93 673 жителей) среди исторических достопримечательностей выделяется полуразрушенный форт 1670 года постройки, а еще в двух малых городах сохранились объекты XVIII века – в центре города Эд-Дайд остатки крепости, а в Хатте – две военные башни. В Иране исторически значимые памятники сконцентрированы в крупных городах страны и за пределами урбанизированной территории. В ЮАР отсутствует представление о феномене малого города и не существует политики по отношению к историческому наследию городов. В Индонезии, являющейся четвертой страной в мире по численности населения, из почти 100 городов лишь 11 имеют численность менее 100 тыс. жителей, и один из них – менее 50 тыс. Мы не смогли выявить значимые политики в отношении сохранения исторических памятников древних поселений. Знаменитые храмовые комплексы Боробудур и Прамбанан находятся вне городов, а достопримечательности колониального периода представлены в большей степени в городах-миллионниках Джакарте и Семаранге. Значимым исключением является город Савахлунто (67 760 человек) на Суматре, включенный в 2019 году в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО как старейший город Юго-Восточной Азии, где была организована добыча каменного угля [Govt..., n.d.].

Несмотря на наличие исторических городов в разных странах БРИКС, только в Бразилии и Индии они вошли в специальные государственные программы сохранения исторического наследия. В 2015 году в Индии сроком на 4 года была инициирована программа HRIDAY (Heritage City Development & Augmentation Yojana). Меры поддержки включают сохранение и реконструкцию объектов исторического наследия, развитие коммунальной инфраструктуры, создание и управление эффективным государственно-частным партнерством, обеспечение безопасности городов с помощью современных средств наблюдения и безопасности, таких как системы видеонаблюдения, повышение транспортной и пешеходной доступности объектов исторического наследия, а также цифровизация и использование ГИС для картографирования исторических мест и создания туристических карт и маршрутов. В эту программу вошли 12 городов, однако среди них только 3 малых [Guidelines for HRIDAY..., n.d.]. Поэтому мы остановимся подробно на работе с наследием малых городов в Бразилии.

Зарождение в Бразилии учреждений, занятых сохранением культурного наследия, началось в 1937 году основанием Национальной службы исторического и художественного наследия (SPHAN), которая развернула свою деятельность на всей территории страны. Организация выражала политические надежды того времени, включавшие конструирование нации с помощью образа, который бы отражал бразильские культурные традиции. В этой работе невозможно было обойтись без ориентации как на духовное, так и материальное наследие. Это привело к тому, что SPHAN выбрала колониальную архитектуру как наиболее репрезентативную для бразильской культуры [Floresta Leal, Borges de Moraes, 2019]. На протяжении своей истории SPHAN претерпевал несколько реструктуризаций и с 1985 года стал Институтом сохранения наследия и художественной культуры (Instituto do Patrimônio Histórico e Artístico Nacional – IPHAN), функционирующий до настоящего времени [Massucate, 2008].

дия в малых городах стран БРИКС на примере Бразилии. *Городские исследования и практики*, 11(1), 45–52. <https://doi.org/10.17323/usp111202645-52>

самодостаточных проектов в долгосрочной перспективе. Поэтому ответственность за проведение исследований для финансирования проектов легла на муниципалитеты.

После 14 лет реализации программы «Монумент» в 2009 году на национальном уровне по инициативе IPHAN началась разработка основ новой политики сохранения культурного наследия, первым шагом которой стали «Планы действий для исторических городов». «Планы действий» предполагали горизонтальные отношения между IPHAN и муниципалитетами, расширение диалога и интеграцию культурного наследия в городское и территориальное планирование в целях стимулирования децентрализации [Megumi, Uemura, Sutti, Diogo, 2011].

Одним из первых шагов по внедрению этой программы стало бы обращение к 188 муниципалитетам в мае 2009 года о совместной работе по созданию перечня, в который должны были войти «объекты и городские комплексы, включенные в список федерального уровня; объекты, зарегистрированные как нематериальное наследие, и объекты и городские комплексы, находящиеся в процессе включения в список федерального уровня» [IPHAN – PAC]. В 2009 году в столице Бразилии прошли обучающие семинары для мэров и представителей муниципалитетов. В том же месяце министерство культуры совместно с IPHAN опубликовало брошюру с дорожной картой разработки «Планов». Координация разработки «Планов действий» была возложена на государственных служащих из IPHAN, которые должны были назначить техническую группу для непосредственного участия в их разработке, обеспечивая поддержку в обучении, распространении информации и участии общественности с целью стимулирования всестороннего обсуждения планов. Государственные и муниципальные органы власти должны были назначать координатора и техническую группу для участия в проекте, предлагая новый способ операционализации управления наследием. Идея заключалась в создании общей структуры управления, включающей власть и общество, подчеркивающей связь между культурным наследием и развитием местных производственных цепочек, для обеспечения социально-экономической устойчивости [Megumi, Uemura, Sutti, Diogo, 2011].

Во второй половине 2009 года, по данным IPHAN и министерства планирования, 140 муниципалитетов в 22 штатах завершили разработку своих «Планов действий», в результате чего было предложено 4386 мероприятий с бюджетом около 8 млрд реалов [Floresta Leal, Borges de Moraes, 2019]. Отбор городов для участия в программе ускоренного развития исторических городов (далее – PAC-CH) осуществлял IPHAN. Оценки реализации программы включают следующие показатели:

- социально-экономические: создание рабочих мест, укрепление и стимулирование развития локальной и региональной экономики;

- туризм: сохранение культурного наследия, привлечение туристов и укрепление культурной самобытности местных сообществ;
- городское развитие: развитие общественных пространств, содействие интеграции объектов исторического наследия и городской среды, проведение культурных мероприятий.

Предполагалось, что крупнейшая программа по возрождению исторических городов, когда-либо реализованная в Бразилии, охватит 173 города, расположенных во всех штатах, с инвестициями в размере 890 млн реалов к 2012 году, из которых 140 млн будут инвестированы в 2009 году. Как сообщалось на сайте IPHAN 20 октября 2009 года, инвестиции в рамках PAC-CH/2009 будут определяться на основе «Планов действий» и первоначально будут охватывать 32 города в 16 штатах. Начиная с 2010 года PAC-CH/2009 предполагалось расширить на другие регионы [Floresta Leal, Borges de Moraes, 2019].

21 октября 2009 года президент Бразилии Лула да Силва выступил на церемонии запуска Программы ускоренного развития исторических городов в городе Ору-Прету. В ее рамках на сохранение национального исторического наследия в штате Минас-Жерайс, как предполагалось, будет выделено 890 млн реалов – беспрецедентная сумма для этого региона. Благодаря этой программе исторические города, включенные в программу, смогли бы реализовать проекты городской реконструкции и развития инфраструктуры, а также реставрировать памятники и общественные здания. Также были запланированы национальные и международные инициативы по продвижению исторических мест, общественных пространств, памятников и социально-культурных символов страны, а также специализированные курсы для экскурсоводов и создание двуязычного сайта о городах [Castriota, Araújo, Cardozo, Sousa, 2010].

После длительного периода молчания, в феврале 2013 года, IPHAN объявила о публичном приеме заявок для рассмотрения на PAC-CH/2013, ограничив его 44 муниципалитетами. Для поддержки городов, где есть объекты, находящиеся под защитой IPHAN, в рамках программы PAC-CH было выделено около 1,6 млрд реалов на 425 проектов реставрации зданий и общественных пространств в 44 городах 20 штатов Бразилии, из которых 18 имели численность населения менее 50 тыс. человек.

Как отмечают С. Флореста Леаль и Ф. Боржес де Мораес, анализ документа «Руководящие принципы подачи заявок», направленного на установление процедур и критериев подачи и отбора заявок на PAC-CH/2013, говорит о том, что в процессе отбора приоритет отдавался городам, объявленным объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО, городам с крупнейшими городскими комплексами, находящимися под угрозой исчезновения их архитектурного наследия, и городам с городскими комплексами,

являющимися памятниками архитектуры в процессе освоения национальной территории. Анализ их территориального распределения показывает, что значительное большинство из них было ограничено историческими центрами, традиционно более устойчивыми и имеющими большую известность, включая преимущественно города колониального происхождения и первоначального освоения территории Бразилии. Их территориальное распределение позволяет утверждать, что Программа не учитывала интересы менее благополучных муниципалитетов, где туризм развит недостаточно, но которые также хранят важные следы национальной истории и культуры [Floresta Leal, Borges de Moraes, 2019].

Однако в целом можно утверждать, что план по формированию национального имиджа и идентичности, подготовленный SPHAN, был успешным, если учесть в качестве примера то внимание, которое уделялось колониальной архитектуре в программах по сохранению исторического наследия. Ранее в случае РСН наблюдался перекоп, связанный с тем, что в приоритете были города на северо-востоке страны с высоким туристическим потенциалом, где реализовались меры по сохранению памятников в отрыве от их городского контекста.

Как отмечают исследователи, создание общенациональной программы с беспрецедентными инвестициями уже само по себе являлось достижением. Однако, учитывая позицию, занятую PAC-SH/2013, связанную с получением немедленных выгод от реализации проектов, IPHAN становится весьма затруднительным осуществлять более демократические действия и двигаться к менее централизованному управлению [Floresta Leal, Borges de Moraes, 2019]. Отмечается также, что в программе PAC-SH/2013 преобладали меры, направленные на сохранение объектов, представляющих начальный этап колонизации территории страны, и отдавалось предпочтение городам, объявленным объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО. Меры Национального института исторического и художественного наследия по сохранению и защите культурного наследия IPHAN в середине 2023 года получили поддержку благодаря запуску инвестиционной линии, открытой федеральным правительством через новую Программу ускоренного развития (Novo PAC). Власти страны выделили 771 млн реалов до 2026 года на финансирование 249 проектов по сохранению культурного наследия по всей Бразилии – реставрационные работы, проекты по сохранению и реконструкции объектов исторического наследия и общественных пространств в более чем 80 муниципалитетах 25 штатов [Material do IPHAN..., n.d.].

Цель этих двух линий программы – реставрация объектов культурного наследия и исторических мест, а также обеспечение их использования местными сообществами, что также способствует повышению ценности нематериального наследия. Новый проект выделяется своим региональным разнооб-

разием. Из 817 заявок, полученных в рамках программы, были одобрены 584: 224 на северо-востоке, 168 – на юго-востоке, 80 – на юге, 68 – на севере и 44 – в центрально-западном регионе, что способствовало созданию экономических возможностей и развитию туризма по всей стране [Iphan conta..., n.d.]. С момента запуска программы в августе 2023 года 96 проектов из 144 находятся в стадии реализации (66%), 90 проектов из 105 – на стадии заключения контрактов (85%). В целом 74% запланированных проектов уже реализуется, при этом выделено около 600 млн реалов из общего бюджета в 771 млн реалов до 2026 года. Кроме того, 12 проектов уже завершены, что непосредственно способствует сохранению, разъяснению ценности и возрождению исторического и культурного наследия Бразилии [Novo PAC..., n.d.].

Несмотря на расширение охвата за счет северных штатов, на фоне других как по количеству малых исторических городов, так и объемов финансирования в рамках программы выделяется штат Минас-Жерайс [Magalhães, 2024]. В нем реализуется более 40 проектов, охватываемых Novo PAC, при этом на сохранение культурного наследия штата выделено около 236 млн реалов. Проекты включают реставрацию церквей, музеев, площадей, культурных объектов, а также инициативы по комплексной реконструкции городов. «Эти инициативы не только защищают материальные ценности, но и укрепляют связи с местной историей, стимулируют креативную экономику и обеспечивают сохранение мест памяти в повседневной жизни сообществ», – заявил глава IPHAN Леандро Грасс [Iphan libera..., n.d.].

В Бразилии, как и в России, большее число ОКН находится в средних и крупных городах. Малые города в этих странах на уровне госпрограмм участвуют в общих программах для всех типов городов. В Бразилии на уровне штатов и муниципалитетов обсуждаются проекты путем вовлечения местных культурных институций и бизнеса в процессы отбора, управления и приспособления ОКН к новым функциям. Возобновляемые программы реализуются в Бразилии с 2013 года и постепенно охватывают новые территории на севере страны. Первоначально приоритет при выборе отдавался памятникам колониальной эпохи, но уже во второй фазе развития проекта ускоренного развития исторических городов спектр объектов материальной культуры, нуждающийся в сохранении, расширился.

Источники

Bonduki, N. (2010). *Intervenções urbanas na recuperação de centros históricos. Brasília: IPHAN, Programa Monumenta*. Режим доступа: http://portal.iphan.gov.br/uploads/publicacao/ColArq3_Intervencoes_Urbanas_na_Recuperacao_de_Centros_Historicos_m.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

- Castriota, L.B., Araújo, G.M., Cardozo, K., & Sousa, V.P. (2010). PAC Cidades Históricas: oportunidade para a conservação integrada. *Lócus*, 16(2), 25.
- Cidades históricas; inventário e pesquisa: Projeto Piloto Tiradentes*. (2005). Rio de Janeiro: IPHAN.
- Corrêa, S. (2016). O Programa de Cidades Históricas: por uma política integrada de preservação do patrimônio cultural urbano. *Anais do Museu Paulista: História e Cultura Material*, 24(1), 15-58. Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1590/1982-02672016v24n0101> (дата обращения: 10.09.2025).
- Floresta Leal, S., & Borges de Moraes, F. (2019). O PAC-cidades históricas: avaliação de uma política pública federal de preservação a partir da trajetória das políticas públicas brasileiras nesse campo. *Conserva*, (24), 25-36. Режим доступа: https://www.cncr.gob.cl/sites/www.cncr.gob.cl/files/2023-11/C24-pac_ciudades.pdf (дата обращения: 10.09.2025).
- Giannecchini, A.C. (2014). *O IPHAN e o Programa Monumental. Lições para a gestão do patrimônio cultural*. Brasília, Brasil. Режим доступа: <https://bit.ly/2DjNteP> (дата обращения: 17.09.2025).
- Govt Urged to Stop Mining Activities in Sawahlunto*. (n.d.). Режим доступа: <https://en.tempo.co/read/1222084/govt-urged-to-stop-mining-activities-in-sawahlunto>.
- Guidelines for HRIDAY: Heritage City Development & Augmentation Yojana*. (n.d.). Режим доступа: <https://mooha.gov.in/upload/uploadfiles/files/GuidelinesHRIDAY.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).
- Guin, D. (2019). Contemporary perspectives of small towns in India: A review. *Habitat International*, 86, 19-27.
- IPHAN – PAC Cidades Históricas*. (n.d.). Режим доступа: <http://portal.iphan.gov.br/uploads/ckfinder/arquivos/Cidades%20Hist%C3%B3ricas%20-%20Noticias%201%202009.pdf> (дата обращения: 15.08.2025).
- Iphan conta com reforço do Novo PAC e entrega seis bens restaurados em 2023*. (n.d.). Режим доступа: <https://agenciagov.ebc.com.br/noticias/202402/iphan-ganha-reforco-para-obras-com-novo-pac-e-entrega-seis-bens-restaurados-em-2023> (дата обращения: 17.09.2025).
- Iphan libera mais de R\$ 20 milhões em investimentos no âmbito do Novo PAC para cidades históricas de Minas*. (n.d.). Режим доступа: <https://www.gov.br/iphan/pt-br/assuntos/noticias/iphan-libera-mais-de-r-20-milhoes-em-investimentos-no-ambito-do-novo-pac-para-cidades-historicas-de-minas-1> (дата обращения: 17.09.2025).
- Lista do Patrimônio Mundial no Brasil*. (n.d.). Режим доступа: https://pt.wikipedia.org/wiki/Lista_do_Patrim%C3%B3nio_Mundial_no_Brasil (дата обращения: 10.09.2025).
- Magalhães, C.M. (2024). *Cidades históricas de Minas Gerais*. Режим доступа: https://www.academia.edu/125800673/Cidades_hist%C3%B3ricas_de_Minhas_Gerais (дата обращения: 10.09.2025).
- Massucate, Y. (2008). O papel do IPHAN na construção da Brasilidade. *Virtú-ICH*, (7). Режим доступа: <https://bit.ly/32L60TD> (дата обращения: 17.09.2025).
- Material do IPHAN traz informações sobre recursos do Novo PAC para o Patrimônio Cultural*. (n.d.). Режим доступа: <https://www.ocbpm.org.br/2025/09/14/material-do-iphan-traz-informacoes-sobre-recursos-do-novo-pac-para-o-patrimonio-cultural/> (дата обращения: 17.09.2025).
- Megumi, G., Uemura, M., Sutti, W., & Diogo, E. (2011). Planejamento integrado para as cidades históricas. *Anais do XIV ENANPUR*, 14(1), 2-20. Режим доступа: <https://bit.ly/3jzSPvG> (дата обращения: 17.09.2025).
- Novo PAC Seleções contempla 20 projetos de restauração em cidades patrimônio mundial*. (n.d.). Режим доступа: <https://www.ocbpm.org.br/2024/03/18/novo-pac-selecoes-contempla-20-projetos-de-restauracao-em-cidades-patrimonio-mundial/> (дата обращения: 20.09.2025).
- Ouro Preto (MG)*. (n.d.). Режим доступа: <http://portal.iphan.gov.br/pagina/detalhes/373/> (дата обращения: 20.09.2025).
- PAC – Cidades Históricas*. (n.d.). Режим доступа: <https://www.gov.br/iphan/pt-br/aceso-a-informacao/acoes-e-programas/programas/novo-pac/pac-cidades-historicas> (дата обращения: 15.08.2025).
- Saia, L. (1970). *Compromisso de Brasília. Revista de História*, (84), 453. <https://doi.org/10.11606/issn.2316-9141.rh.1970.129569>.
- The State Council of the People's Republic of China*. (n.d.). Режим доступа: https://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2014/11/25/content_281475015213546.html (дата обращения: 17.09.2025).
- Tiradentes, o tesouro escondido da arte barroca*. (n.d.). Режим доступа: <https://toperambulando.com.br/tiradentes-o-tesouro-escondido-da-arte-barroca/> (дата обращения: 17.09.2025).
- Tripathi, S. (2021). Towards sustainable urban system through the development of small towns in India. *Regional Science Policy & Practice*, 13(3), 777-798.

THE PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE IN SMALL TOWNS OF BRICS COUNTRIES: THE CASE OF BRAZIL

Mikhail Yu. Timofeev, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Ivanovo State University (IvSU); Head, Research and Education Centre «Urban and Regional Studies», Ivanovo State University (IvSU); Head of Research and Socio-Cultural Projects, ANO «Centre for Territorial Development»; Ivanovo, Russian Federation.
E-mail: timofeev.01@gmail.com

This article examines practices for preserving cultural heritage sites located in small historical towns in BRICS member states. In a number of countries, this aspect of national heritage management is not a priority. In Brazil, India, and China there are examples of addressing this issue at the state level. The case of Brazil, where policies for working with the heritage of small towns have a long history and have been implemented in recent years as part of large national projects, was chosen for consideration. Since 2013, Brazil has been undertaking large-scale work to maintain its material historical heritage and support local communities through the development of tourism. The preservation of colonial-era monuments is a priority. State policy for their preservation was introduced in the 1930s. In the 1970s, Brazil joined UNESCO, and in the 1980s, the Institute for Conservation of Heritage and Artistic Culture (IPHAN) was established. A program for the accelerated development of historic towns was also developed. This program included a significant number of small towns from different states. The second phase of this program began in 2023. An important feature of the program is discussed by local communities at the municipal level. For Russia, where small towns play an important role in organizing rural areas and suburban zones, the experience of Brazil may be useful for developing its own support programs.

Keywords: small cities; BRICS; Brazil; cultural heritage; memory policy

Citation: Timofeev, M. Yu. (2026). The preservation of cultural heritage in small towns of BRICS countries: The case of Brazil. *Urban Studies and Practices*, 11(1), 45–52. <https://doi.org/10.17323/usp111202645-52>

References

- Bonduki, N. (2010). *Intervenções urbanas na recuperação de centros históricos* [Urban interventions in the recovery of historic centers]. Brasília: IPHAN, Programa Monumenta. Retrieved September 10, 2025, from http://portal.iphan.gov.br/uploads/publicacao/ColArq3_Intervencoes_Urbanas_na_Recuperacao_de_Centros_Historicos_m.pdf (in Portuguese).
- Castriota, L.B., Araújo, G.M., Cardozo, K., & Sousa, V.P. (2010). PAC Cidades Históricas: oportunidade para a conservação integrada [PAC Historic Cities: An opportunity for integrated conservation]. *Lócus*, 16(2), 25. (in Portuguese).
- Cidades históricas; inventário e pesquisa: Projeto Piloto Tiradentes* [Historic cities; inventory and research: Tiradentes Pilot Project]. (2005). Rio de Janeiro: IPHAN. (in Portuguese).
- Corrêa, S. (2016). O Programa de Cidades Históricas: por uma política integrada de preservação do patrimônio cultural urbano [The Historic Cities Program: Towards an integrated policy for the preservation of urban cultural heritage]. *Anais do Museu Paulista: História e Cultura Material* [Annals of the Paulista Museum: History and Material Culture], 24(1), 15–58. Retrieved September 10, 2025, from <http://dx.doi.org/10.1590/1982-02672016v24n0101> (in Portuguese).
- Floresta Leal, S., & Borges de Moraes, F. (2019). O PAC-cidades históricas: avaliação de uma política pública federal de preservação a partir da trajetória das políticas públicas brasileiras nesse campo [PAC-Historic Cities: Evaluation of a federal public policy for preservation based on the trajectory of Brazilian public policies in this field]. *Conserva*, (24), 25–36. Retrieved September 10, 2025, from https://www.cncr.gob.cl/sites/www.cncr.gob.cl/files/2023-11/C24-pac_ciudades.pdf (in Portuguese).
- Giannecchini, A.C. (2014). *O IPHAN e o Programa Monumenta. Lições para a gestão do patrimônio cultural* [IPHAN and the Monumenta Program. Lessons for cultural heritage management]. Brasília, Brasil. Retrieved September 17, 2025, from <https://bit.ly/2DjNTeP> (in Portuguese).
- Govt urged to stop mining activities in Sawahlunto*. (n.d.). Retrieved from <https://en.tempo.co/read/1222084/govt-urged-to-stop-mining-activities-in-sawahlunto>.
- Guidelines for HRIDAY: Heritage City Development & Augmentation Yojana. (n.d.). Retrieved September 1, 2025, from <https://mohua.gov.in/upload/uploadfiles/files/GuidelinesHRIDAY.pdf>.
- Guin, D. (2019). Contemporary perspectives of small towns in India: A review. *Habitat International*, 86, 19–27.
- IPHAN – PAC Cidades Históricas* [IPHAN – PAC Historic Cities]. (n.d.). Retrieved August 15, 2025, from <http://portal.iphan.gov.br/uploads/ckfinder/arquivos/Cidades%20Hist%C3%B3ricas%20-%20Noticias%201%202009.pdf> (in Portuguese).
- Iphan conta com reforço do Novo PAC e entrega seis bens restaurados em 2023* [Iphan receives reinforcement from the New PAC and delivers six restored properties in 2023]. (n.d.). Retrieved September 17, 2025, from <https://agenciagov.ebc.com.br/noticias/202402/iphan-ganha-reforco-para-obras-com-novo-pac-e-entrega-seis-bens-restaurados-em-2023> (in Portuguese).
- Iphan libera mais de \$ 20 milhões em investimentos no âmbito do Novo PAC para cidades históricas de Minas* [Iphan releases more than R\$ 20 million in investments under the New PAC for historic cities in Minas]. (n.d.). Retrieved September 17, 2025, from <https://www.gov.br/iphan/pt-br/assuntos/noticias/iphan-libera-mais-de-r-20-milhoes-em-investimentos-no-ambito-do-novo-pac-para-cidades-historicas-de-minas-1> (in Portuguese).
- Lista do Patrimônio Mundial no Brasil [List of World Heritage Sites in Brazil]. (n.d.). Retrieved September 10, 2025, from https://pt.wikipedia.org/wiki/Lista_do_Patrim%C3%B3nio_Mundial_no_Brasil (in Portuguese).
- Magalhães, C.M. (2024). Cidades históricas de Minas Gerais [Historic cities of Minas Gerais]. Retrieved September 10, 2025, from https://www.academia.edu/125800673/Cidades_hist%C3%B3ricas_de_Minhas_Gerais (in Portuguese).
- Massucate, Y. (2008). O papel do IPHAN na construção da Brasilidade [The role of IPHAN in the construction of Brazilianness]. *Virtú-ICH*, (7). Retrieved September 17, 2025, from <https://bit.ly/32L60TD> (in Portuguese).
- Material do IPHAN traz informações sobre recursos do Novo PAC para o*

- Patrimônio Cultural* [IPHAN material provides information on New PAC resources for Cultural Heritage]. (n.d.). Retrieved September 17, 2025, from <https://www.ocbpm.org.br/2025/09/14/material-do-iph-an-traz-informacoes-sobre-recursos-do-novo-pac-para-o-patrimonio-cultural/> (in Portuguese).
- Megumi, G., Uemura, M., Sutti, W., & Diogo, E. (2011). Planejamento integrado para as cidades históricas [Integrated planning for historic cities]. *Anais do XIV ENANPUR* [Proceedings of the XIV ENANPUR], 14(1), 2–20. Retrieved September 17, 2025, from <https://bit.ly/3jzSPvG> (in Portuguese).
- Novo PAC Seleções contempla 20 projetos de restauração em cidades patrimônio mundial* [New PAC Selections includes 20 restoration projects in world heritage cities]. (n.d.). Retrieved September 20, 2025, from <https://www.ocbpm.org.br/2024/03/18/novo-pac-selecoes-contempla-20-projetos-de-restauracao-em-cidades-patrimonio-mundial/> (in Portuguese).
- Ouro Preto (MG). (n.d.). Retrieved September 20, 2025, from <http://portal.iphan.gov.br/pagina/detalhes/373/> (in Portuguese).
- PAC – Cidades Históricas [PAC – Historic Cities]. (n.d.). Retrieved August 15, 2025, from <https://www.gov.br/iph-an/pt-br/acesso-a-informacao/acoes-e-programas/programas/novo-pac/pac-cidades-historicas> (in Portuguese).
- Saia, L. (1970). *Compromisso de Brasília* [Commitment of Brasília]. *Revista de História* [History Review], (84), 453. <https://doi.org/10.11606/issn.2316-9141.rh.1970.129569> (in Portuguese).
- The State Council of the People's Republic of China*. (n.d.). Retrieved September 17, 2025, from https://english.www.gov.cn/policies/latest_releases/2014/11/25/content_281475015213546.html.
- Tiradentes, o tesouro escondido da arte barroca* [Tiradentes, the hidden treasure of baroque art]. (n.d.). Retrieved September 17, 2025, from <https://toperambulando.com.br/tiradentes-o-tesouro-escondido-da-arte-barroca/> (in Portuguese).
- Tripathi, S. (2021). Towards sustainable urban system through the development of small towns in India. *Regional Science Policy & Practice*, 13(3), 777–798.

Приговоренные и выжившие. Смерть и жизнь российских наукоградов

Игорь Задорин,
Ксения Николаева

Способность к передовым научным разработкам и технологическим новациям является в настоящее время важнейшим фактором развития и конкурентоспособности стран и государств. Одним из освоенных во всем мире социально-экономических механизмов эффективной генерации научно-технологических новаций является концентрация научных кадров и опытных производств в специальных малых урбанизированных образованиях/поселениях – интелполисах, технополисах, наукоградах.

Россия имеет, пожалуй, самый богатый опыт создания такого рода городских образований (включая ЗАТО) в советский период своей истории. Но и в последние десятилетия в стране вновь стали появляться аналогичные по своей миссии поселения нового времени – Сколково, Иннополис, Сириус, – на которые возлагаются большие надежды как на центры развития прикладной науки и высокотехнологических разработок. Вместе с тем многие построенные в советское время наукограды переживают упадок и кризис невостребованности, а новые города еще не стали признанными центрами научно-инновационного производства и зачастую подвергаются критике. Ряд авторов высказывают мысль, что концентрация научно-технического потенциала в специально создаваемых городах неэффективна и возрождение идеи таких интелполисов («городов интеллекта») не имеет смысла. При этом дискуссии о перспективах наукоградов сопровождаются аргументами на основе различных исследований, включая анализ экономической статистики, социологических данных и экспертных оценок зарубежного опыта.

Настоящая статья подготовлена с использованием результатов комплексного социологического исследования «Управленческие воздействия, социальные эффекты и перспективы развития малых городов-наукоградов»¹, проведенного Центром изучения малых городов

1. Объектом исследования выступили малые города-наукограды РФ, в том числе 8 городов, имеющих официальный статус наукоградов, – Бийск, Дубна, Кольцово, Коро-

Задорин Игорь Вениаминович, научный руководитель, Исследовательская группа ЦИРКОН; Москва, Российская Федерация.
E-mail: zadorin@zircon.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5597-5441>

Николаева Ксения Алексеевна, руководитель социокультурных проектов, бюро территориальных исследований «Благоника»; Москва, Российская Федерация.
E-mail: k.nikolaeva@blagonika.ru

Одним из освоенных во всем мире социально-экономических механизмов эффективной генерации научно-технологических новаций является концентрация научных кадров и опытных производств в специальных малых урбанизированных поселениях – интелполисах, технополисах, наукоградах. Россия имеет богатый опыт создания такого рода городских образований в советский период своей истории. Но и в последние десятилетия в стране вновь стали появляться аналогичные по своей миссии поселения нового времени – Сколково, Иннополис, Сириус, – на которые возлагаются большие надежды по подъему прикладной науки и высокотехнологических разработок.

Вместе с тем многие построенные в советское время наукограды переживают упадок и кризис невостребованности, а новые города еще не стали признанными центрами научно-инновационного производства и зачастую подвергаются критике. Ряд авторов высказывают мысль, что концентрация научно-технического потенциала в специально создаваемых городах неэффективна и возрождение идеи таких интелполисов лишено смысла. Дискуссии по поводу будущего наукоградов сопровождаются аргументами на основе различных исследований, включая анализ экономической статистики, социологических данных и экспертных оценок зарубежного опыта. В статье рассматриваются и обобщаются итоги исследований последних лет, посвященных наукоградам и специализированным поселениям с высоким научно-технологическим потенциалом, а также опыт создания и развития такого рода поселений в России и других странах.

Ключевые слова: наукоград; технополис; интелполис; малый город; территориальное развитие

Цитирование: Задорин, И., и Николаева, К. (2026). Приговоренные и выжившие. Смерть и жизнь российских наукоградов. *Городские исследования и практики*, 11(1), 53–66. <https://doi.org/10.17323/usp111202653-66>

Ивановского государственного университета и Исследовательской группой ЦИРКОН летом 2025 года. Далее в статье приводятся некоторые обобщающие выводы, сделанные по итогам исследования, а также на основе других экспертных дискуссий и бесед, организованных авторами. При этом авторы не проводят экономический анализ функционирования наукоградов и в минимальной степени касаются правовых вопросов их существования, сосредоточиваясь в большей степени на социологической оптике рассмотрения темы и восприятию наукоградов представителями различных заинтересованных сторон. В принципе, данную статью можно считать обобщением текущего социологического дискурса о наукоградах.

Важно отметить, что существует различие между правовым статусом наукограда как официально признанной в России формы территориальной организации науки и наукоградом в широком понимании – как территории с высоким научно-технологическим потенциалом (ВНТП). Авторы исследования в настоящей статье придерживаются «промежуточного» толкования термина «наукоград» как городской территории, на которой локализовано производство знания (как сугубо научного, так и прикладного, технологического в формате разного рода научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок – НИОКР) и для которой такое производство является профильным (градообразующим). В этом смысле к наукоградом, имеющим соответствующий официальный статус (12 населенных пунктов Российской Федерации), авторы добавляют еще ряд городских образований, в том числе имеющих статус ЗАТО или обособленного района крупного города – академгородки.

Научная специализация места как основа развития и... приговор

Уникальный феномен территориальной организации науки (научного производства), получивший название наукоградов, безусловно, отражает особую роль науки (научно-технического прогресса) в экономике и производственной культуре страны, а также особое отношение государства (власти) к науке и ученым, наиболее распространенное во второй половине XX века. Значимые научные и технологические успехи, связанные с развитием ракетно-космической отрасли, атомной промышленности и других направлений науки и техники, до сих пор вызывающие у россиян чувство гордости, создали атмосферу повышенного (и заслу-

женного) уважения к профессии ученого и соответствующей научно-инженерной деятельности. Эти уважение и ожидания дальнейших интеллектуальных прорывов, обеспечивающих рост экономики и обороноспособности страны, естественно, стимулировали государство предоставлять для научной деятельности и важнейших опытно-конструкторских разработок особые социальные условия, выразившиеся в том числе в выделении для этого специальных обособленных территорий. Такие территории (как уже существующие города, так и новые внегородские пространства – «в лесу»), ставшие впоследствии наукоградом, академгородками и специализированными ЗАТО, представляют собой форму специализации места на основе концентрации кадрового научного потенциала. Идея подобной концентрации и локализации производства научного знания прошла длительный путь эволюции, отражающий трансформацию подходов к управлению научно-техническим прогрессом, имеет различные зарубежные аналоги и может быть рассмотрена как форма экономической специализации территорий.

Специализация территорий в широком смысле представляет собой один из важных факторов экономического развития городов и регионов. Майкл Сторпер в работе «Ключи от города. Как устроено развитие» рассматривает специализацию места как результат взаимодействия экономических, институциональных и социальных факторов, которые определяют, какие виды деятельности размещаются в тех или иных местах. Это понятие включает концентрацию в определенном месте родственных профессий, развитие локальных рынков труда и навыков, формирование специфических институциональных структур и создание сетей взаимодействия между участниками рынка.

Модель развития территории, основанная на специализации места, конечно, не лишена рисков. Прежде всего речь идет о ее устойчивости: например, при сокращении рабочих мест градообразующего производственного сектора под угрозой оказываются и сектора, обслуживающие местный рынок (как это произошло в Детройте) [Сторпер, 2018].

К кластерным теориям, к которым и относится концепция «специализации места», можно добавить ряд других подходов, упоминаемых обычно при рассмотрении вопросов, связанных с развитием наукоградов и территорий с ВНТП, – неоклассические теории на основе производственной функции, теории кумулятивного роста (концепция «полюсов

лём, Мичуринск, Обнинск, Серпухов (включающий Протвино и Пущино) и Черноголовка, а также Иннополис, не имеющий статуса наукограда, но представляющий собой территорию с ярко выраженной научно-технологической специализацией. Предметом исследования являлись управленческие решения и их влияние на показатели развития этих территорий. Цель исследования заключалась в выявлении и анализе социальных, экономических и культурных эффектов различных типовых управленческих решений (воздействий), определении влияния этих решений на качество жизни населения, научно-технологический потенциал и устойчивое развитие данных территорий. В рамках исследования был проведен кабинетный анализ, а также индивидуальные интервью с экспертами, групповые экспертные сессии и фокус-групповые дискуссии с активными горожанами отобранных наукоградов.

роста» Франсуа Перру, Пьер Потье; модель «вулкан» Херберта Гирша), новые теории регионального роста с учетом возрастающей отдачи от масштаба, теории территориальной организации и другие [Фиксель и Назаров, 2010].

Зарубежная практика создания городских территорий с научно-технологической специализацией (технополисов, футурополисов и т.п.) исторически характеризовалась значительной диверсификацией подходов к управлению территориями. При этом для зарубежных моделей характерны подходы, основанные на принципах автономности научных центров, разнообразии источников финансирования, гибкости управленческих структур и, прежде всего, интеграции науки и бизнеса.

Европейский подход к управлению «научными территориями» часто основывается на исторически сложившейся университетской модели развития. Характерными примерами служат Оксфорд, Болонья, Гейдельберг, где университеты выступают системообразующими элементами городской среды, формируя комплексный научно-образовательный кластер, который затем каким-то образом связывается с бизнес-субъектами, развивающими передовые технологии. Университетские города Европы демонстрируют довольно успешные примеры подобной интеграции. Ярким примером служит также Лунд в Швеции.

Американская модель управления наукоградами/технополисами ориентирована на коммерциализацию научных разработок и тесную интеграцию научных учреждений (тех же университетов) с бизнес-средой. Наиболее известным примером служит район Кремниевой долины, где сформировалась экосистема, объединяющая научные исследования, предпринимательство и венчурное финансирование.

Азиатский опыт демонстрирует активную роль государства в формировании научно-технологических кластеров; модели управления характеризуются стратегическим планированием развития научных территорий, значительным государственным участием в создании инновационной инфраструктуры и целенаправленным стимулированием технологического развития приоритетных отраслей [Ан, 2012].

Все вышеуказанные зарубежные подходы наглядно показывают, что успешное и устойчивое развитие территориально локализованных научно-технологических кластеров всегда опирается на кооперацию и совместные усилия разных стейкхолдеров – научных организаций/сообществ, бизнеса и государства.

Эволюцию наукоградов (и вообще специализированных на НИОКР городов) в России (периода СССР) можно кратко описать через четыре основных периода развития, каждый из которых характеризовался особыми социально-экономическими и планировочными характеристиками [Ревзин, 2020]:

1. *Период индустриальных моногородов* (конец 1920-х годов) – формирование городов для авиационной и артиллерийской промышленности (Жуковский, Королёв, Дзержинский).
2. *Этап городов-лагерей* (конец 1930-х годов) – создание закрытых научных центров в системе НКВД («шарашки»).
3. *Этап закрытых городов* (конец 1940-х – начало 1950-х годов) – формирование изолированных научных центров в рамках атомного и ракетно-космического проектов (например, Саров, Снежинск, Железногорск, тот же Королёв), а также ограниченно открытых центров близкой специализации (Дубна).
4. *Период академических городов* (1960-е годы) – развитие центров фундаментальной науки и образования (новосибирский и красноярский Академгородки, Протвино, Черногловка).

Отечественная модель управления наукоградами исторически формировалась на основе централизованного подхода сверху-вниз и господства государственного интереса/заказа в экономической модели развития города и градообразующих предприятий (институтов). Такой подход, с одной стороны, обеспечивал реализацию масштабных проектов в чрезвычайно короткие сроки, а с другой стороны, поставил под угрозу сам факт существования научных территорий в переходный период 1990-х годов, когда верхнеуровневый субъект развития (государство) потерял к ним интерес и фактически снял с себя ответственность за существование многих городов этого типа.

Одним из следствий централизованного государственного подхода при создании территорий с научной специализацией стала их пространственная и транспортная изолированность, которая во многом была продиктована интересами безопасности и секретным статусом многих расположенных на этих территориях объектов. Эта изолированность для ряда наукоградов продолжает сохраняться и по сей день, несмотря на усиливающуюся тенденцию к агломерационным процессам. Особенно заметна она при транспортном анализе городов, изначально создававшихся в советское время с ведущей научной миссией, тогда как Мичуринск и Бийск, имевшие прежде длинную историю вне научного статуса, демонстрируют более развитые транспортные связи.

Следует сказать, что вопрос о том, должен ли наукоград быть изолированной и удаленной от мегаполисов (и насколько) территорией, продолжает быть актуальным и вызывает споры в экспертной среде. Разные эксперты, придерживающиеся разных представлений о развитии наукоградов/технополисов, считают обособленность таких территорий то преимуществом, то недостатком.

Законодательное регулирование наукоградов возникло в России в начале 1990-х годов. Оно осуществляется на федеральном уровне посредством

специального нормативно-правового акта – Федерального закона № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации», который выступает основой для формирования и развития научно-технологических территорий в России, но встречается с рядом критических замечаний со стороны экспертного сообщества [Интерфакс, 2013]. В момент его разработки закон рассматривался как попытка сохранить само существование подобных территорий. Однако многие эксперты оценивали закон о наукоградах как приговор или даже как эпитафию на их могиле. Действительно, придание городу статуса наукограда, с одной стороны, возлагало на него ответственность за сохранение высокой миссии, а с другой – обрекало без соответствующих ресурсов и должной государственной поддержки на умирание в этой роли, в то время как другие города (в том числе моногорода) могли искать и искали разные возможности обрести новый смысл существования в новых экономических условиях. Клиническую смерть во время шоковых реформ 1990-х годов пережили почти все моногорода. Однако некоторые наукограды в базовой развилке – существование на дотациях/субсидиях или поиск и обретение новых (дополнительных) экономических оснований развития – выбрали второй путь (Дубна, Обнинск, Кольцово), и их процесс реабилитации в последние десятилетия заметно отличался от развития ситуации в городах, пытавшихся (надеявшихся) сохранить прежнюю миссию (Протвино, Пущино, Троицк).

Согласно вышеуказанному закону, наукоград как правовой феномен определяется в качестве муниципального образования со статусом городского округа, характеризующегося наличием высокого научно-технического потенциала и градообразующего научно-производственного комплекса. Законодательное закрепление этого статуса должно было бы создавать предпосылки для целевого финансирования научно-производственных комплексов, развития инфраструктурного обеспечения и реализации специальных мер поддержки.

При этом ограниченность указанного правового механизма проявляется в том, что далеко не все территории, обладающие значительным научным потенциалом, могут претендовать на получение официального статуса наукограда. Есть вопросы в отношении полноты предоставляемых данным статусом преференций. Отдельного обсуждения требует проблема краткосрочности действия подобного статуса и необходимость его постоянного подтверждения, лишаящие наукограды возможности долгосрочного и стратегического планирования на его основе.

В последние десятилетия модель управления наукоградами претерпевает существенные транс-

формации, направленные на повышение гибкости управленческих механизмов и адаптации к рыночным условиям. Впрочем, возможность осуществления серьезных научно-технологических проектов без ведущей роли и ответственного участия государства остается дискуссионной и ставится многими экспертами под сомнение.

В начале 2023 года Агентство стратегических инициатив (АСИ) и Фонд «Центр стратегических разработок» (ЦСР) подготовили комплекс предложений, направленных на совершенствование механизмов поддержки территорий с высоким научно-технологическим потенциалом (ВНТП) [Дубов, 2023]. Концепция «города с ВНТП» представляет собой расширение взгляда на территории, локализирующие производство научного знания, который охватывает значительно большее число населенных пунктов. Такой подход позволил выявить новые географические точки роста и развития науки и технологий, сформировать пространственную карту научного потенциала страны, определить условия для развития наиболее перспективных научных центров с учетом разнообразия форм организации научной деятельности и специфики различных типов территорий с ВНТП.

Несмотря на ряд кризисов, с которыми столкнулись территории с научно-технологической специализацией в 1990-е годы, идея советских наукоградов, дополненная зарубежным опытом, нашла свое продолжение в создании в последние 15 лет новых территорий с высокой концентрацией научных и инженерных специалистов. Речь прежде всего идет о Сколково, Иннополисе и Сириусе, как о принципиально новых проектах, но продолжающих социальные эксперименты с научной «специализацией места». Таким образом, могло показаться, что спор о том, нужны ли стране такого рода специализированные городские образования, вроде бы решен явочным порядком. Однако некоторые эксперты, акцентируя внимание на отрицательных, с их точки зрения, сторонах концентрации научных кадров на обособленных территориях, заявляют о «закате наукоградов» как концепции научно-технологического развития страны². В этой связи важно рассмотреть в совокупности основные «болезни» наукоградов, приводимые в качестве аргументов их «заката».

Чем боеем? Типовые проблемы моногородов-наукоградов

Конечно, главной и очевидной проблемой большинства наукоградов, по мнению экспертов и активных представителей городских сообществ, является хроническое недофинансирование основной производственной (в данном случае – научной) деятельности.

2. Савченко О. В. (бывш. губернатор Калужской области): «За более чем двадцать лет государственной поддержки наукоградов ни один из них не развился в серьезный инновационный центр, а их НПК стали скукоживаться на фоне роста других секторов городской экономики. Сегодня можно с полным основанием констатировать несостоятельность наукоградской идеи» (частное сообщение, 2024).

Государственные дотации не создают платформу для развития, а лишь поддерживают существование. Бюджетные ресурсы ограничены, что затрудняет реализацию масштабных проектов по модернизации городской среды, регионы не всегда имеют возможность адекватно отвечать на специфические запросы рассматриваемых территорий, а научные институты в настоящий момент не играют существенной роли в формировании городской среды, подходящей для комфортного проживания своих сотрудников.

Отдельную проблему представляет низкий уровень (а порой и просто отсутствие) финансирования крупных научных проектов и фундаментальной науки, которое едва ли может в полной мере обеспечиваться бизнес-структурами, и, значит, актуальной остается задача формирования ясного государственного заказа и участия государства в целом. При этом очевидно, что советская экономическая модель, основанная на монопольном госзаказе, также продемонстрировала свою неустойчивость (исключение – наукограды ядерного оружейного комплекса – Саров, Снежинск), и, следовательно, необходимо искать новые форматы взаимодействия науки и бизнеса. Особенно это актуально в связи с заметно уменьшившимся авторитетом науки в обществе и порой явным антисциентизмом некоторых государственных чиновников и бизнесменов, сосредоточенных лишь на экономических эффектах, да еще в сугубо краткосрочной перспективе. Спор о том, может/должна ли наука быть экономически выгодной или это всегда затратная «забава» богатых государств (к коим Россия якобы не принадлежит), продолжается, и ряд наукоградов «академического» профиля становятся жертвой недостаточно обоснованных требований «экономической эффективности инвестиций в науку».

Недостаточная диверсификация экономики наукоградов (характерная вообще для всех моногородов, в том числе не связанных с наукой) создает риски зависимости от единственного источника финансирования. Слабо развитые механизмы коммерциализации научных разработок и привлечения частных инвестиций не позволяют в полной мере использовать потенциал «короткого шага» от идеи до конкретной технологии, превращаемой в коммерческий продукт. Сама культура отечественной науки не предполагает «зарабатывания денег» на научных изысканиях и открытиях, и, таким образом, «градообразующие» научные институты не становятся финансовым источником городского развития.

Еще одной болью наукоградов, которую часто называют жители этих интеллектуальных городов, является понижение субъектности научных учреждений и прав местного самоуправления. Многие наукограды даже в советский период отличались большей свободой и самостоятельностью в решении ряда социокультурных вопросов, что было естественно для высокообразованного и ответственного населения и для научных институтов, являвшихся

главными субъектами развития города. Сегодня такой свободы и самостоятельности действий нет, и «градообразующие» научные институты зачастую никак не могут влиять на решения, касающиеся городского развития. Частая смена местной власти и сложности согласования инициатив, исходящих со стороны различных низовых акторов (так называемой общественности), противоречия между местными и федеральными интересами, отсутствие координации между научными институтами и городской администрацией – все это создает дополнительные препятствия для развития. Несогласованность действий властей разного уровня и отсутствие общего понимания и стратегии развития города приводит к разрозненности усилий.

Одна из наиболее важных проблем наукоградов сегодня напрямую связана с их ключевой ценностью – высокообразованным населением. В городах, чья основная особенность заключалась в концентрации научных кадров, социально-профессиональная гомогенность постепенно размывается. Для сохранения научной миссии наукоградов мало обеспечить простое воспроизводство населения, так как второе и третье поколения жителей не всегда сохраняют связь с научной деятельностью. Требуется создание эффективных механизмов привлечения молодых ученых и обеспечения преемственности опыта сложившихся ранее научных школ. Ситуацию с постепенной потерей специализации через все возрастающую диверсификацию профессионального состава наукоградов еще осложняет процесс, который в некотором роде можно назвать «джентрификацией наоборот». Высокий культурный уровень и другие позитивные характеристики человеческой среды, относительно экологичный образ многих наукоградов привлекает в них многих новых жителей (в том числе мигрантов), никак не связанных с наукой, и делает проблематичным поселение в городе собственно ученых. Актуальным в свете рассматриваемой проблемы является и дефицит современного жилья при отсутствии развитой системы арендного фонда. Существующая инфраструктура далеко не всегда соответствует высоким требованиям научного сообщества к качеству жизни. Эти обстоятельства существенно затрудняют привлечение новых научных кадров.

Отдельно стоит выделить проблему интеграции в городскую жизнь семей научных сотрудников, которая требует создания развитой социальной инфраструктуры и соответствующих рабочих мест. Особенно остро стоит вопрос обеспечения качественным образованием детей и организации их досуга.

Важный, с точки зрения ряда экспертов, вопрос – сохранение идентичности наукоградов, которая, по мнению многих жителей, находится под угрозой. Очевидный конфликт замечен при рассмотрении одного из оснований территориальной идентичности – объектов городской среды,

имеющих символическую ценность. С одной стороны, для большинства рассматриваемых городов, ввиду их молодости, характерно незначительное количество объектов культурного наследия, а следовательно, и ограничительных мер, которые, безусловно, необходимы, но часто создают проблемы при попытках создать современную, комфортную и привлекательную среду. Однако отсутствие официальных статусов не лишает различные элементы наукоградов субъективной ценности, которыми их наделяют местные жители.

Города-наукограды создавались как целостные ансамбли, где практически каждый элемент имел значение. Господствующие сегодня подходы к развитию городов часто игнорируют эту особенность, что приводит к потере их уникальности. Утрата символически ценных элементов городской среды — художественных объектов (мозаики, настенные изображения и т.п.), малых архитектурных форм, характерных для советского периода 1950–1970-х годов, вызывает существенное недовольство со стороны населения, прежде всего городских активистов. Например, эта проблема остро стоит в подмосковном Протвино, где теряются знаковые арт-объекты, созданные в период становления города.

В то же время чрезмерные попытки ограничить возможность изменений («сохранение аутентичности») ставят под угрозу сам смысл существования наукоградов как инновационных центров, как городов, «где живет будущее». Ветшающая городская среда, дефицит современных функций и сервисов существенно ограничивают возможность привлечения молодых высококвалифицированных специалистов и их семей. Очевидно, что поиск баланса между сохранением и забвением — одна из ключевых задач, стоящих перед этими городами сегодня. Сохранение инновационного культурного кода наукоградов, особенно при повторяющихся тезисах о необходимости популяризации науки и возвращении «романтического» образа ученого, с одной стороны, и угроза полной «музеефикации» данных территорий, рискующих превратиться из городов науки в города, способные лишь воспроизводить рассказы об истории науки, с другой стороны, — одна из важнейших социокультурных проблем наукоградов, сформировавших свою специализацию в советский период.

Ностальгические попытки консервации наукоградской среды в настоящее время едва ли могут способствовать и развитию научного туризма, о высоком потенциале которого говорят как эксперты, так и городские активисты. Научный туризм в наукоградах находится лишь на этапе формирования первичных концепций. Основное препятствие на пути его развития — это прежде всего ограниченный доступ к научным объектам (в том числе уникальным, таким как недостроенный ускоритель в том же Протвино). Большинство исследовательских центров доступно только для организованных групп в буд-

ние дни, что существенно ограничивает туристический поток. Кроме того, существует проблема недостаточно развитой инфраструктуры для приема туристов.

Отдельную проблему представляет собой транспортная связность наукоградов с более крупными центрами. С одной стороны, часто наблюдается характерная и для многих других малых городов тенденция к агломерационным процессам, при которых жители ряда наукоградов активно используют сервисы и функции более крупных городов-соседей (как, например, новосибирский Кольцово). В некоторых случаях наукограды и вовсе поглощаются мегаполисом (Троицк). С другой стороны, ряд подобных территорий, изначально спроектированных на достаточном удалении от других населенных пунктов, до сих пор не может похвастаться развитой транспортной системой, обеспечивающей комфортную и устойчивую связь с более крупными городами, а следовательно, и такой необходимой для полноценного развития научного центра инфраструктурой, как аэропорты. Слабая связность наукоградов с региональной и федеральной транспортной сетью ограничивает мобильность научных кадров и затрудняет взаимодействие с внешними партнерами.

Уже говорилось, что изолированность (обособленность) «научной территории» не всегда является проблемой, а порой, наоборот, становится защитой от риска поглощения. Пример Троицка (а также частично Реутова, Фрязино, Королёва) явно показывает очевидную конкуренцию в борьбе за размещение высокотехнологичных производств и человеческий капитал, которую компактным наукоградам составляют богатые своим сервисным и досуговым разнообразием мегаполисы. И близость к ним порой оказывается для наукоградов фатальной ввиду невозможности сопротивляться, как правило, более сильному в экономическом и политическом плане строительному комплексу близко находящихся мегаполисов. Хотя при решении проблем транспортной доступности у наукоградов есть существенное преимущество в сравнительно более дешевом проживании по сравнению с крупными городами при аналогичных заработных платах.

«Какие ваши доказательства?», или Еще раз о ценности/достоинствах наукоградов

Все вышеуказанные проблемы наукоградов очевидны, многократно обсуждались, и в свете этих проблем многие наукограды по-прежнему вынуждены «доказывать» свою ценность и право на жизнь, в том числе предъявляя и свои достоинства. Своеобразный SWOT-анализ, проведенный в рамках указанного в начале статьи исследования, позволил выявить сильные стороны (преимущества, достоинства) наукоградов как особой модели организации научной деятельности (производства знания).

В ходе исследования как эксперты, так и активные жители наукоградов пытались ответить на приведенный выше в заголовке «шварценеггеровский» вопрос, формулируя ту ценность наукоградов, сохранение которой было бы крайне желательно для страны и которую должен учитывать любой документ стратегического планирования, связанный с этими территориями.

Главной ценностью наукоградов ожидаемо называется научный и человеческий капитал рассматриваемых территорий, который представлен высококвалифицированными специалистами и развитой системой научных институтов. Важнейшими достоинствами наукоградов являются концентрация экспертных компетенций, наличие специализированной научной инфраструктуры, возможности для междисциплинарного взаимодействия, высокий уровень образования населения. Здесь формируется особая профессиональная среда, где научные сотрудники не просто работают вместе, а могут создавать синергетический эффект от своего постоянного взаимодействия, способствующего рождению новых идей, возникающих в том числе в процессе неформального общения (пример такого «креативного реактора» – кафе в Доме ученых в Протвино).

Наукограды всегда были центрами притяжения для талантливых специалистов со всего мира, формируя мультикультурную среду обмена знаниями и опытом даже в советский период. Даже в тогдашних условиях, серьезно ограничивающих внешние коммуникации, наукограды участвовали в международных проектах. Широко известен в этом плане опыт Дубны (Объединенный институт ядерных исследований). В Протвино в рамках проекта «Мирабель» в 1960-е годы были приглашены французские физики, для которых были построены отдельные дома, получившие неофициальное название «Березки». Собственно, открытость – одно из ключевых условий как успешного развития науки в целом, так и территорий с научной специализацией в частности.

Наукограды сегодня нередко декларируют намерение обеспечить новые возможности для молодежи, многие из них сохраняют научный потенциал и пока еще способны обеспечить преемственность расположенных в них научных школ. Надо сказать, что отсутствие в российских наукоградах (в начальный период их существования) полноценных университетов/вузов всегда отмечалось как недостаток советской модели специализированных научных территорий. Однако сегодня все наукограды имеют либо филиалы (факультеты) крупных и ведущих вузов страны, либо даже собственный университет (Сколково, Иннополис, Мичуринск). Университеты и исследовательские центры работают в тесном взаимодействии, обеспечивая студентам доступ к передовым знаниям и практическому опыту. В Союзе наукоградов обсуждается идея общего Сетевого университета, создание которого может оказаться весьма соответствующим современным тен-

денциям развития высшего образования и привлечения в эту сферу ведущих ученых, активно работающих в научных институтах. Интеграция науки и образования в наукоградах создает идеальные условия для подготовки нового поколения исследователей. При этом одним из ключевых мотивирующих факторов, играющих важную роль в привлечении молодых ученых, является репутация научных школ, ассоциированных с наукоградами, возможность учиться и работать в проектах уже признанных опытных коллег.

Инновационная экономика наукоградов может создавать новые рабочие места и стимулировать развитие высокотехнологичных отраслей. Такие города могут выступать драйверами экономического роста регионов, привлекая инвестиции и создавая продукты, востребованные на мировом рынке. Передовые разработки наукоградов во многом определяют технологический ландшафт будущего. Они становятся центрами создания новых материалов, медицинских технологий, энергетических решений. Ярким примером является наукоград Кольцово, ставший одной из наиболее значимых точек развития биотехнологий в России.

Особая атмосфера наукоградов формирует уникальную культурную среду, где наука и искусство дополняют друг друга, что во многом является следствием традиций, заложенных еще в советский период, когда с гастролями в научные города приезжали наиболее известные артисты и творческие коллективы. Несмотря на упадок в 1990-е годы, наукограды продемонстрировали удивительную устойчивость в части сохранения культурных практик, хоть и в несколько трансформированном масштабе. В последние годы в некоторых наукоградах создаются условия для развития креативных индустрий, проводятся научные фестивали и культурные мероприятия. При этом примечательно, что нередко эти мероприятия представляют собой низовые инициативы местных ученых и активистов. Например, в 2025 году Пущинская астрономическая обсерватория провела научно-просветительский фестиваль «Пущинские Персеиды», который включал дневные экскурсии по радиотелескопам, лекции о радиоастрономии, мастер-класс «Лунный мир», научно-творческий вечер «Космос и мы», а также вечерние наблюдения за звездами (при ясной погоде) или просмотр научно-популярных фильмов. В 2024 году появился научно-творческий фестиваль «Наукоградостно». Фестиваль позиционируют как «межнаукоградный». За два года жизни проекта успели провести его в Пущино и Черноголовке, а также тесно посотрудничать с Протвино.

Инфраструктура наукоградов изначально включала не только передовые лаборатории и исследовательские центры, но и комплексную систему социальной поддержки научных сотрудников. От специализированных сервисов до культурных объектов для максимального раскрытия творческого потенциала жителей и их гражданской активности.

Наукограды проектировались не просто как города, но как продуманные до мелочей пространства для жизни и работы. Комфортная среда обитания в наукоградах часто формировалась через создание сбалансированной экосистемы, особое внимание уделялось развитию образовательных учреждений, медицинских центров, мест отдыха и культурного досуга. Это были территории, где целенаправленно создавались все условия для полноценной жизни научных работников и их семей. При этом достаточно высокий уровень социальной среды сохраняется и сегодня: так, индекс качества городской среды [Индекс] для Бийска, Королева, Обнинска, Серпухова, Дубны, Черноголовки, Иннополиса, по данным последних трех лет, стабильно набирает больше половины баллов от максимально возможного количества.

Наукограды в России формировались как особые территории, где научное производство, местное сообщество и городская среда создавали уникальный симбиоз. При этом каждый наукоград имел свою специализацию, только подчеркивающую уникальность и особенность каждого такого города. Поэтому в настоящее время многие наукограды, даже потеряв свою научно-производственную миссию, остаются чрезвычайно интересными и познавательными социокультурными и архитектурными феноменами. На взгляд авторов, советские наукограды представляют собой безусловное национальное достояние (ценность) и составляют культурное наследие страны в не меньшей степени, чем многие «исторические поселения».

Что и кто важнее и сильнее? Ключевые развилки, субъекты и сценарии развития наукоградов

Как в существенной степени искусственный проект, сформированный и осуществленный «сверху», российские наукограды (а с ними и концепция «научно-специализированных территорий») к началу XXI века, очевидно, завершили определенный жизненный цикл своего существования (рождение, активная молодость, зрелость, клиническая смерть в результате неожиданной катастрофы и медленное восстановление, но уже не всех). Дальнейшие сценарии их развития (или «реинкарнации») могут различаться, но при этом все они зависят от выбора вариантов пути при следующих базовых развилках — ключевых вопросах:

1. Сохраняется ли для государства (и общества) ценность фундаментальной науки с соответствующими обязательствами о выделении на ее развитие существенных средств федерального бюджета (до 3% ВВП, как иногда говорится в стратегических документах)?
2. Сохраняется ли представление об эффективности/ценности определенного подхода к развитию производства научного знания, выраженного

в концентрации и локализации научного потенциала на определенной территории (наукоградская модель)? Или более эффективным/ценным будет считаться вариант университетской модели, основанной на развитии крупных научно-исследовательских университетов внутри крупных городов и мегаполисов?

3. Если в той или иной мере признается эффективной, ценной, приемлемой наукоградская модель, то в какой мере научно-специализированная территория должна быть экономически самообеспечивающейся, экономически эффективной, насколько наука должна быть экономически выгодной и способной зарабатывать на себя, насколько плотной должна быть ее интеграция с бизнесом?
4. Если в той или иной мере признается эффективной, ценной, приемлемой наукоградская модель, то в какой мере «научно-специализированная территория» должна быть обособленной (изолированной), чтобы быть наиболее эффективной с точки зрения выполнения своей базовой функции? Насколько близко к мегаполисам должны быть расположены наукограды?
5. Если в той или иной мере признается эффективной, ценной, приемлемой наукоградская модель, то какое направление усилий в настоящее время будет более правильным: восстановление потенциала и развитие «старых» наукоградов на базе уже в той или иной мере сложившихся научных коллективов или создание (строительство) новых интелполисов (интеллектуальных центров) и формирование новых локальных научных сообществ?

Ответы на эти вопросы, находящиеся в центре экспертных и общественных дискуссий о наукоградах, определяют перспективы развития наукоградской модели производства научного знания в России в целом и перспективы отдельных конкретных наукоградов в частности.

Вместе с тем почти все указанные и многие другие вопросы о перспективах наукоградов зачастую упираются в самый главный вопрос: кто должен быть ведущим субъектом развития научных городов, кто возьмет на себя эту роль и ответственность — государство, бизнес, научные институты и научное сообщество, местное население и власть или какой-то иной субъект? И ответ на этот вопрос также определяет разные сценарии дальнейшей жизни большинства существующих сегодня научных территорий.

Скорее всего, следует признать, что в настоящее время нет такого субъекта, который в полной мере мог бы нести ответственность за развитие научного производства и развитие самих наукоградов. Обсуждая возможные управленческие решения, эксперты выделяют следующих заинтересованных участников (стейкхолдеров) и основных субъектов развития, одновременно подчеркивая неполноту их «субъектности».

Государство в лице соответствующих государственных ведомств (Минобрнауки) должно бы, «по идее», быть главным субъектом развития науки в стране, но пока не может определиться в своем стратегическом отношении к наукоградам, предполагая за наукоградами повышенную «самостоятельность» в вопросах выживания (то есть во многих случаях не берет на себя ответственность за их судьбу). Вероятность возвращения государства в прежнюю («советскую») позицию главного и активного субъекта развития наукоградов представляется близкой к нулевой, несмотря на надежды (и даже увещевания) со стороны отдельных представителей научного сообщества.

Научные сообщества по-прежнему считаются главным оплотом и субъектом развития наукоградов. Их роль не ограничивается только генерацией знаний – они создают целые производственные цепочки, порождают дочерние предприятия и развивают технологические связи. Как показывает опыт наукограда Кольцово, мощные научные центры способны формировать вокруг себя экосистему инновационных компаний, превращая теоретические разработки в практические решения. Вместе с тем научное сообщество существенно декапитализировано в символическом (репутационном) и ресурсном плане реформой Академии наук, а часть этого сообщества, переместившееся в университеты (по сути, ставшие бенефициарами реформы), не слишком заинтересована в развитии конкурирующей наукоградской модели.

Высокотехнологичный бизнес выступает важнейшим звеном в цепочке внедрения научных достижений. Он создает инновационную инфраструктуру через бизнес-инкубаторы, технопарки и специализированные центры. При этом бизнес не только инвестирует в развитие, но и становится активным участником формирования комфортной городской среды, поддерживая социальные проекты и культурные инициативы. Однако научные разработки, как правило, имеют слишком длинный для российского бизнеса инвестиционный цикл. И вообще, наукограды как проект слишком дорогие для отечественного бизнеса и имеют жизненный цикл существенно более длительный, нежели любые, даже стратегические бизнес-планы (наверное, за исключением бизнес-планов «Росатома»).

Местные органы власти обеспечивают планирование и необходимые ресурсы для развития территорий. Они чаще всего инициируют разработку мастер-планов, координируют взаимодействие всех участников процесса и создают условия для эффективного развития наукоградов. Особое внимание уделяется вопросам пространственного развития и расширения территорий для новых проектов. Вместе с тем субъектность (в том числе возможности целеполагания и аккумулирования ресурсов) местного самоуправления в настоящее время существенно ограничены (в том числе бюджетной политикой государства) и продолжает сокращаться.

Местное население формирует уникальную атмосферу наукограда и выступает носителем его идентичности. Важным аспектом является сохранение баланса между развитием научного потенциала и созданием комфортной среды проживания, предотвращающей превращение наукограда в простой спальный район. Однако местные сообщества никогда не представляли собой единые субъекты развития и могли только способствовать или препятствовать реализации планов других более мощных субъектов.

Таким образом, единственно эффективным вариантом управления развитием наукоградами видится кооперационная модель, в которой основные заинтересованные субъекты развития несут равную ответственность и действуют согласованно, вкладывая свои специфические ресурсы (административные, квалификационные, финансовые, человеческие, репутационные и т.п.).

Сейчас одним из ключевых инструментов управления развитием наукоградов может стать стратегическое планирование, в рамках которого особую значимость приобретает распространение мастер-планирования как комплексного подхода к формированию пространственного и социально-экономического развития территорий. Многими экспертами (и авторами статьи) мастер-план рассматривается как общественный договор, а мастер-планирование – как механизм согласования интересов и учета имеющихся ресурсов всех стейкхолдеров и субъектов городского развития.

Выбор ведущего субъекта развития, ведущей функции (специализации) города и формата ее реализации определяет возможные сценарии развития сегодняшних наукоградов.

Первый возможный сценарий предполагает сохранение научной миссии и специализации. Однако очевидно, что такой сценарий потребует принятия дополнительных управленческих решений в сфере финансирования науки и формирования государственного заказа, разработки новых политик и механизмов управления в сфере жилья. Последнее особенно важно при принятии решений, которые препятствовали бы дальнейшей эрозии социально-профессиональной среды наукоградов. Большое значение также имеет территориальное планирование с учетом будущих проектов создания научной инфраструктуры, которые могут потребовать значительных пространств, создание преференций и привлекательных условий для высокотехнологичного бизнеса и развитие инициатив, направленных на интеграцию образовательных функций.

Одним из вариантов решения задачи повышения экономической состоятельности научной территории, по мнению ряда экспертов, может стать опыт тиражирования успешных практик создания технопарков и особых экономических зон, которые являются важным инструментом развития наукоградов, способствуя созданию инновационной среды, коммерциализации научных разработок, привлечению

инвестиций и формированию новых рабочих мест. Успешная интеграция технопарков в структуру наукоградов может стать катализатором их инновационного развития. Опыт создания и развития технопарка в Кольцово демонстрирует эффективность модели интеграции научного потенциала наукограда с современными механизмами поддержки бизнеса, что может быть использовано при развитии аналогичных проектов в других наукоградах России.

Также возможным способом повышения участия бизнеса в развитии научного производства может стать размещение штаб-квартир технологических компаний в наукоградах. Перевод офисов крупных технологических компаний в наукограды пока проблематичен, что, прежде всего, связано с инфраструктурными ограничениями, хотя успешные примеры привлечения таких резидентов есть у Иннополиса. При этом сохраняется потенциал для привлечения средних и малых инновационных предприятий, которые могут стать катализатором развития местной экономики и создать новые рабочие места.

Одним из вариантов развития данного сценария является переход наукоградов в «ведение» крупных госкорпораций по типу городов атомной отрасли («страна „Росатом“»). Строго говоря, многие сегодняшние наукограды и города с ВНТП могут рассматриваться как города с доминирующей ролью крупной корпорации. Возможно, имеет смысл закрепить такую роль («шефство») официально (Королёв, Реутов – «Роскосмос», Жуковский – ОАК или «Ростех», Мичуринск – крупный агрохолдинг, «Тимирязевка» и т.п.).

При существующем многообразии заинтересованных сторон, чьи цели могут вступать в противоречие или просто обладать низким уровнем согласованности, вторым возможным сценарием развития наукограда является смена (может быть, частичная) специализации и дальнейшее развитие города в новой роли, без научной специализации и, соответственно, без статуса наукограда. При таком варианте объем научно-производственного комплекса будет постепенно уменьшаться по сравнению с другими направлениями, локальная экономика – диверсифицироваться, а символическая связь с наукой либо постепенно будет размыта (как это произошло с практически полной утратой символической связи в г. Одинцово, который долгое время воспринимался как «город ракетчиков»), либо продолжит свое существование в музейных и туристических форматах.

Способность к «забыванию» и «созидательному разрушению» является одним из ключевых факторов инновационного развития территорий. На этом основании многие эксперты вполне допускают реинкарнацию наукоградов в какой-то новой роли, в том числе даже в такой неожиданной, как туристический и культурный центр.

В настоящее время наблюдаются попытки развития экскурсионных программ и туристических

маршрутов, часто посвященные исследованию советского научного наследия этих городов. Организуются специальные экскурсии с участием профессиональных гидов (например, совместно с проектом «Москва глазами инженера»).

Примечательно, что местные сообщества нередко создают уникальные форматы знакомства с научной средой города, включая научно-популярные лекции и экскурсии по исследовательским центрам, разрабатывают различные форматы туристического показа. В Пущино успешно реализуется проект Science Talks, который позволяет участникам познакомиться с работой ученых.

Туристический поток может принести не только существенную экономическую выгоду, которая могла бы обеспечить дополнительные возможности для развития местной инфраструктуры и бизнеса. Кроме роста экономики, развитие научного туризма могло бы обеспечить рост престижа научных профессий. В 1960–1970-е годы, когда строились первые наукограды, особый дух энтузиазма и веры в науку активно генерировался через различные инструменты, превращая научный труд в призвание, а не просто работу. Наукограды обладают уникальным потенциалом для воспроизводства подобной романтизации науки через сохранение особой атмосферы научного творчества, демонстрацию реальных достижений, создание условий для развития молодых ученых и формирование привлекательного образа научной карьеры и самих ученых. Особый туристический потенциал – рассказы об ученых, науке и ее достижениях в местах работы этих ученых. В этой связи эффективным инструментом популяризации науки может стать активное вовлечение в процесс местного населения (в том числе ветеранов научного труда) через организацию открытых лекций, выставок, научно-популярных мероприятий и образовательных программ.

Третий вариант наукоградской судьбы предполагает усиление агломерационных процессов через превращение наукоградов в «спальные районы» более крупных городов, расположенных поблизости (сценарий поглощения). В данном случае утрачивается не только научная миссия этих территорий, но и не возникает новой специализации или развитой диверсифицированной экономики.

Наиболее пессимистичный сценарий предполагает не только постепенное уменьшение роли научно-производственных комплексов в жизни города, но и отсутствие адекватных альтернатив, постепенную деградацию среды и отток населения (сценарий – смерть города-проекта).

Не желая заканчивать данный раздел на пессимистической ноте, авторы хотели бы еще раз заявить о возможности (а при определенных условиях – желательности) появления совершенно новых наукоградов. В этой связи уместно вспомнить о некогда популярной теме «гуманитарного Сколково». Действительно, XXI век во многих аспектах общественного развития и усиления конкурентоспособности

государств вывел на авансцену гуманитарное знание и соответствующие дисциплины – экономику, социологию (социальная архитектура), психологию (в том числе социальную), антропологию, политологию (особенно в части, касающейся инновационных разработок в области государственного управления), историю, религиоведение и даже философию (достаточно вспомнить про философские обоснования отдельных геополитических концепций). Насколько известно авторам статьи, в последнее время тема появления гуманитарного наукограда вновь актуализируется и соответствующие проекты обсуждаются. При этом «научная территория» с гуманитарной специализацией может появиться и на базе (внутри) уже существующих городов, имеющих определенный потенциал (проекты Доброграда, Серпухова, Ханты-Мансийска и др.).

Кто виноват – понятно, а что делать?

Сравнительный анализ отечественных и зарубежных подходов позволяет выявить как преимущества, так и ограничения наукоградской модели, и это помогает создать основу для формирования оптимальной системы управления наукоградами в условиях современной России.

Стратегическое планирование развития наукоградов должно предполагать формирование эффективной модели развития наукоградов и реализацию следующих направлений развития, выделенных экспертами:

1. *Государственная поддержка* выражается в определении приоритетных задач через систему государственного заказа для градообразующих научных организаций и технологических компаний, что создает устойчивую основу для развития научного потенциала территорий. Очевидно также, что формирование развитой материально-технической базы, ориентированной на долгую (стратегическую) перспективу и длинный инвестиционный цикл, в настоящее время под силу только государству или связанным с ним госкорпорациям. Поэтому судьба наукоградов принципиально зависит от стратегического решения на государственном уровне (дополнительная возможность – региональный уровень «богатых» субъектов Федерации, см. Иннополис).
2. Важнейшим фактором развития наукоградов является *кооперация и согласование интересов всех стейкхолдеров*, определяющих развитие производства научного знания и технологических разработок. Успешные наукограды (как в России, так и за рубежом) характеризуются высоким уровнем взаимодействия между научным сообществом, бизнесом и властью. Кооперационная организационная культура формирует способность территории к адаптации и развитию. Управленческие механизмы должны сочетать государственный контроль с развитием местной

инициативы, обеспечивая активное участие научного сообщества в принятии решений по развитию наукоградов.

3. Решающее значение для развития наукоградов имеет вопрос *сохранения человеческого (кадрового) потенциала*. Безусловно, важно уменьшить «утечку умов». Но еще важнее интенсифицировать привлечение новых молодых и квалифицированных специалистов и создание привлекательных условий для их закрепления на территории, включая доступное жилье и возможности профессионального роста. Кадровый потенциал наукоградов требует системного укрепления через развитие системы непрерывного образования и формирование среды для междисциплинарного взаимодействия.
4. *Интеграция науки и образования* играет важную роль в развитии наукоградов и повышении их конкурентоспособности. Формирование научно-образовательных кластеров позволит объединить потенциал различных территорий и создать синергетический эффект. Весьма плодотворной может оказаться идея общего сетевого университета всей системы наукоградов страны.
5. В современных условиях особое значение приобретает *грамотное формирование городского пространства* наукоградов. Градостроительная политика должна быть направлена на комплексное развитие территорий, где гармонично сочетаются историческое наследие и современные требования к качеству жизни, учитывается возможный рост территории, необходимый для создания научной инфраструктуры.
6. При этом необходимо создавать и поддерживать *современную жилую среду*, отвечающую потребностям научного сообщества. Особого внимания заслуживает создание качественно новых общественных пространств, способствующих взаимодействию различных социальных групп и стимулирующих креативную активность. Значимым направлением является разумная интеграция научных и жилых зон. Вместе с тем жилищная политика должна препятствовать размыванию социально-профессиональной структуры города и необоснованному притоку мигрантов. Одним из возможных решений в этом направлении может стать разработка специальных политик управляющих компаний, занимающихся вопросами аренды и продажи жилья.
7. *Туристическая привлекательность* может рассматриваться как инструмент привлечения новых кадров и популяризации научной деятельности. Развитие научного туризма при сохранении доступности/открытости научных объектов способствует формированию позитивного имиджа наукоградов. Важным аспектом этого вопроса является сохранение архитектурного наследия, которое формирует уникальный облик наукоградов.

8. *Популяризация науки* может стать ключевым фактором развития наукоградов и формирования их привлекательного имиджа. Системный подход к представлению научных достижений предполагает создание современных форматов их демонстрации, доступных широкой аудитории. Развитие научно-просветительской деятельности может охватывать различные целевые группы, включая школьников, студентов и взрослое население. Особое внимание следует уделить формированию позитивного образа ученого в общественном сознании, что будет содействовать привлечению талантливой молодежи в научную сферу. Создание единой системы продвижения наукоградов будет способствовать формированию их узнаваемого бренда и привлечению дополнительных ресурсов.
9. *Развитие транспортных связей* с крупными агломерациями обеспечит более тесное взаимодействие между научными центрами и повысит мобильность научного сообщества. Вместе с тем целесообразно сохранять определенную особенность наукоградов от мегаполисов.
10. *Сетевое взаимодействие, обмен опытом и кооперация* между наукоградами позволит заимствовать успешные практики развития и адаптировать их к специфике конкретного наукограда, что в конечном итоге приведет к повышению эффективности их функционирования.

Суммируя сказанное...

Комплексный подход к развитию наукоградов требует переосмысления их роли в современной экономике.

Постсоветская трансформация развития научных территорий проявила существенный кризис модели, сформированной в условиях плановой экономики. Ослабление государственного патронажа, произошедшее в результате системного кризиса 1990-х годов, привело к дестабилизации функционирования наукоградов как специализированных территориальных образований.

Возникновение статуса наукограда в постсоветский период явилось своего рода компенсаторным механизмом, направленным на сохранение научного потенциала этих территорий. Вместе с тем в дальнейшей трансформации понятия «наукоград» можно увидеть постепенный переход от функционального (производственного, экономического) к символическому (социокультурному) измерению этого явления.

Современный этап развития наукоградов нередко характеризуется состоянием, при котором символическая атрибуция наукоградского статуса все чаще приобретает мемориальный характер, фиксирующий историческую связь территорий с научным прошлым. При этом возможности их дальнейшего инновационного развития в сложившейся ситуации

ограниченно эффективны, а выделяемый на их поддержку бюджет, разделяясь по всем наукоградам, в конечном итоге не может обеспечить создания импульсных и масштабных проектов ни в одном из них.

Наблюдается существенное изменение приоритетов развития наукоградов. Научная функция, изначально определявшая их специфику, постепенно отходит на второй план и часто вступает в противоречие с типовыми интересами городов (жилье, занятость, социальная инфраструктура и т.п.). Потребности конкретного муниципального образования и задачи региона в социально-экономическом развитии, интересы местного сообщества, где представители научных специальностей не всегда представляют большинство, нередко превалируют над задачами поддержания научного потенциала.

Исторически сложившаяся модель, основанная на концентрации в локальном пространстве научного потенциала, нуждается в модернизации с учетом новых вызовов времени. При этом сохранение уникальной идентичности наукоградов является критически важным аспектом их развития. Очевидной становится необходимость нахождения баланса между сохранением исторического наследия и внедрением современных форм организации городского пространства.

Успешная модернизация наукоградов возможна при условии комплексного подхода к развитию, учитывающего специфику каждой территории, обеспечивающего вовлечение всех заинтересованных сторон в процессы принятия решений и направленного на создание сбалансированной среды, где наука, производство и комфортная городская среда развиваются гармонично.

Государственная поддержка приоритетных направлений развития создаст необходимые условия для сохранения научного потенциала и привлечения новых поколений ученых и специалистов. Заинтересованность бизнеса (в том числе в формате венчурного капитала) в производстве и коммерциализации знания поможет превращению наукоградов в современные центры инновационного развития, позволяющие развивать экономику города. Наконец, вовлечение высокообразованного населения наукоградов в развитие города сделает многие проекты модернизации более эффективными, а городское сообщество – более устойчивым.

При таком подходе наукограды еще послужат стране и науке.

Источники

Ан, Е. (2012). Нужен ли зарубежный опыт российским интеграционным формированиям науки, образования и производства? *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*, 12, 53–62.

Дубов, Г. (2023, 23 марта). АСИ и ЦСР предложили изменить подход к развитию городов с высоким научно-технологическим потенциалом. АСИ. <https://asi.ru/news/192741/>.

Индекс качества городской среды – инструмент для оценки качества материальной городской среды и условий ее формирования. <https://xn---dtbcccdtsyrabxk.xn--p1ai/#/>.

Интерфакс (2013, 20 сентября) Новый закон о наукоградах не устраивает их представителей. *Interfax*. <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/novyy-zakon-o-naukogradah-ne-ustraivaet-ih-predstaviteley>.

Сторпер, М. (2018). *Ключи от города: как устроено развитие?* Москва: Strelka Press.

Ревзин, Г. (2020) Наукограды в России: вопросы генезиса. *Labyrinth. Теории и практики культуры*, 4, 23–42.

Фияксель, Э., Назаров, М. (2010) Создание инновационных кластеров в наукоградах. *Инновации*, 12, 48–54.

THE CONDEMNED AND THE SURVIVORS: THE LIFE AND DEATH OF RUSSIA'S SCIENCE CITIES

Igor V. Zadorin, CEO, ZIRCON Research Center; Senior Researcher, Center for Complex Social Studies, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS), Moscow, Russia.

E-mail: zadorin@zircon.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5597-5441>

Ksenia A. Nikolaeva, CEO, Blagonika Research Bureau, Moscow, Russia.

E-mail: k.nikolaeva@blagonika.ru

One of the socio-economic mechanisms for effectively generating scientific and technological innovations that has been adopted worldwide is the concentration of researchers and production facilities in special small urban settlements, such as technopoles, tech hubs, and science cities. Russia has a wealth of experience in creating such urban formations from the Soviet period and in the last decade, settlements similar in their mission have begun to reappear in the country (such as Skolkovo, Innopolis, and Sirius) on which high hopes are pinned for the rise of applied science and technological development.

However, many science cities built during the Soviet era are experiencing decline and a crisis of irrelevance, while the new cities have not yet become recognized centers of scientific and innovative production and are often subject to criticism. A number of authors have said that the concentration of scientific and technical potential in specially created cities is ineffective, and that reviving the idea makes no sense. Discussions about the future of science cities are accompanied by arguments from studies based on the analysis of economic statistics, sociological data, and expert assessments of foreign experience.

This article reviews and summarizes the results of recent studies on science cities and specialized settlements with high scientific and technological potential, as well as the experience of creating and developing such settlements in Russia and other countries.

Keywords: science city; technopolis; intel-polis; small town; spatial development

Citation: Zadorin, I., & Nikolaeva, Ks. (2026). The condemned and the survivors: The life and death of Russia's science cities. *Urban Studies and Practices*, 11(1), 53–66. <https://doi.org/10.17323/usp111202653-66>

References

An, E. (2012). Nuzhen li zarubezhnyy opyt rossiyskim integratsionnym formirovaniyam nauki, obrazovaniya i proizvodstva? [Is foreign experience necessary for Russian integration formations of science, education and production?]. *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika [Eurasian integration: Economics, law, politics]*, 12, 53–62. (in Russian).

Dubov, G. (2023, March 23). ASI i TsSR predlozhili izmenit' podkhod k razvitiyu gorodov s vysokim nauchno-tekhnologicheskim potentsialom [ASI and CSR proposed to change the approach to the development of cities with high scientific and technological potential]. ASI. Retrieved from <https://asi.ru/news/192741/> (in Russian).

Fiyaksel', E., & Nazarov, M. (2010). Sozdanie innovatsionnykh klasterov v naukogradakh [Creation of innova-

- tion clusters in science cities]. *Innovatsii [Innovations]*, 12, 48-54. (in Russian).
- Indeks kachestva gorodskoy sredy – instrument dlya otsenki kachestva material'noy gorodskoy sredy i usloviy ee formirovaniya* [Urban environment quality index – a tool for assessing the quality of the material urban environment and the conditions for its formation]. (n.d.). Retrieved from <https://xn---dtbcccdtsypabxk.xn--p1ai/#/> (in Russian).
- Interfaks. (2013, September 20). *Novyy zakon o naukoogradakh ne ustraivaet ikh predstaviteley* [The new law on science cities does not satisfy their representatives]. Interfax. Retrieved from <https://www.interfax-russia.ru/siberia/news/novyy-zakon-o-naukoogradakh-ne-ustraivaet-ih-predstaviteley> (in Russian).
- Revzin, G. (2020). *Naukogrady v Rossii: voprosy genezisa* [Science cities in Russia: Issues of genesis]. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury [Labyrinth. Theories and practices of culture]*, 4, 23-42. (in Russian).
- Storper, M. (2018). *Klyuchi ot goroda: kak ustroeno razvitie?* [Keys to the city: How does development work?]. Moscow: Strelka Press. (in Russian).

Системный анализ возможности локализации наукоградов в малых городах

Михаил Тимофеев

В контексте изучения перспектив развития малых городов представляет интерес появившаяся в советское время практика формирования городов с высоким научно-техническим потенциалом. К некоторым из них позднее стали применять понятие «наукограды», которое затем закрепилось в правоустанавливающих документах. Поскольку некоторые из них существуют до настоящего времени, имея некоторые различия между собой и с близкими по типу функционирования городами, а в последние десятилетия возникли их аналоги, именуемые, в частности, технополисами, представляется актуальным рассмотреть различные факторы, которые определяют существование наукоградов и технополисов, и высказать гипотезы относительно «идеальных» параметров такого рода городских поселений в перспективе.

Мы полагаем, что для обоснования возможности развития малых городов как городов науки следует учитывать следующие вариативные факторы:

- социально-философский фактор – следует ли рассматривать наукограды как социально-антропологический эксперимент по созданию касты ученых, изолированно живущих в полностью или частично герметичных новых городах с тепличными условиями для творческой работы;
- политико-экономический фактор – что предполагает выработку долгосрочной стратегии по созданию такого рода городских поселений или оформление особого статуса существующих малых городов для создания новых научно-производственных центров и расселения большого количества ученых и инженерно-технического персонала. Важным является вопрос, как и на каком уровне будет решаться вопрос и степени открытости и закрытости этих городов;

Тимофеев Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор, кафедра философии Ивановского государственного университета (ИвГУ); руководитель, научно-образовательный центр «Городские и региональные исследования», Ивановский государственный университет (ИвГУ); руководитель направления научных исследований и социокультурных проектов, АНО «Центр территориального развития»; Иваново, Российская Федерация.

E-mail: timofeev.01@gmail.com

В статье рассматривается комплекс факторов, влияющих на политики развития городов с высоким научно-техническим потенциалом. Обращается внимание на то, что неопределенность и подвижность критериев термина «наукоград» создает возможность достаточно широкого взгляда на проблему поиска идеальной модели через призму создания новых или приспособления существующих малых городов. Исходя из этого, анализируются важные характеристики наукограда как особого типа населенного пункта, выявляются основные факторы формирования городов науки в СССР в 1930–1980-е годы, а также практики первой четверти XXI века по созданию современных наукоградов – технополисов. Рассматриваются архитектурно-планировочные особенности такого типа городов в контексте изменения требования научного сообщества к организации городской среды для осуществления профессиональной деятельности и условий для комфортной жизни. Обосновываются преимущества и отмечаются неудобства размещения специализированных научных центров в малых городах на основании отечественных практик. Обращается внимание на то, что автономия городов науки – важный элемент, требующий решения в актуальных российских условиях. В частности, указывается на невозможность универсальных решений с целью создания идеального наукограда. Особое внимание уделяется социально-философским, политико-экономическим и социально-географическим факторам создания и развития наукоградов. Поскольку официальная политика по отношению к городам с высоким научно-технологическим потенциалом подвержена корректировке из-за изменения стратегических приоритетов в господдержке научных исследований и технологических разработок, важнейшим направлением является работа с научным сообществом как с кадровым резервом, без которого в принципе невозможно существование наукоградов.

Ключевые слова: наукоград; технополис; идеальный город; городское пространство

- экономико-географический фактор – каким образом основание или адаптация существующих городов будет связана с уже существующими наукоградами, крупными городами с вузами и НИИ, обладающими необходимыми ресурсами для обеспечения комплексной деятельности в рамках определенного направления исследований;
- интеллектуально-географический фактор¹ – каким образом будет осуществляться кадровая политика, связь с научно-образовательными центрами для содержания количественного и качественного уровня резидентов, что и как будет способствовать минимизации или отсутствию оттока кадров высокой квалификации, что будет выступать в качестве мотивов заинтересованности при выборе такого города для постоянного или временного места жительства.

В свою очередь, комплексный подход для анализа наукоградов предполагает также рассмотрение сущностных характеристик наукограда как особого типа населенного пункта; историко-культурных особенностей их создания и развития в советское время; задач, которые должны выполнять эти города в будущем; архитектурно-планировочных особенностей такого типа городов; специфики городского (научного) сообщества и его требований к организации городской среды для осуществления профессиональной деятельности и условий для комфортной жизни; возможности приспособления существующих малых городов для создания на их основе городов науки.

Ограниченность объема настоящей статьи не позволит в полной мере раскрыть все перечисленные аспекты, влияющие на развертывание в малых городах будущего креативного научного сектора, однако мы затронем все пункты в большей или меньшей степени.

И для начала – вопрос о содержании понятия «наукоград», введенного в публичный оборот в 1991 году [Лысая, 2017]. Первое, на что следует обратить внимание, – это неопределенность и подвижность критериев этого термина, использование его альтернатив для обозначения аналогов (таких, как технополис и др.), что создает возможность достаточно широкого взгляда на проблему поиска идеальной модели через призму создания новых или приспособления существующих малых городов. В монографии «Наукограды России: история формирования и развития» А. А. Агирречу закрепил именно этот термин [Агирречу, 2009]. В настоящее время в России имеется 13 населенных пунктов, имеющих, согласно ФЗ «О статусе наукограда РФ», соответствующий статус: Бийск, Дубна, Жуковский, Кольцово, Королёв, Мичуринск, Обнинск, Протвино, Пущино, Реутов, Троицк, Фрязино, Черноголовка [См.: Федеральный закон]. В 2007 году таковыми считался 71 населенный пункт. Пгт Кольцово, будучи территориально обособленным, формально включен в Новосибирск, из-за чего его называют Академгородок 2.0. Протвино и Пущино присоединено к Серпухову, а Троицк входит в состав Москвы.

Сейчас в России, по версии Агентства стратегических инициатив (АСИ), порядка 600 городов с высоким научно-технологическим потенциалом. Как правило, это небольшие населенные пункты, где живут от 5 тыс. до 100 тыс. человек. Их вклад в ВВП государства в среднем в 2 раза превышает средние показатели по России [Раевская, Ярославцева, 2022]. В 2022 году экспертное сообщество по итогу проведения образовательного интенсива «Архипелаг-2022»

Цитирование: Тимофеев, М. Ю. (2026). Системный анализ возможности локализации наукоградов в малых городах. *Городские исследования и практики*, 11(1), 67–76. <https://doi.org/10.17323/usp111202667-76>

---

1. А. А. Агирречу, по аналогии с понятием Н. Н. Баранского экономико-географического положения, ввел понятие интеллектуально-географического положения (ИГП) как отношения объекта к местам сосредоточения интеллектуальных ресурсов, под которыми понимаются научные и научно-производственные комплексы, занимающиеся разработкой фундаментальных и прикладных исследований, производством наукоемкой продукции, образовательными программами [Агирречу, 2009].

определило 18 городов-пилотов из 15 регионов для реализации совместной программы АСИ с Минобрнауки России «Новая миссия городов». В их число вошли официально имеющие статус наукоградов Дубна (74 тыс.) и Королев (226 тыс.) из Московской области; Обнинск (132 тыс.) из Калужской и пгт Кольцово (20 тыс.) рядом с Новосибирском; семь городов со статусом закрытой территории (ЗАТО) – Циолковский (7 тыс.) из Амурской области; Саров (Арзамас-16; 93 тыс.) из Нижегородской области; Озерск (Челябинск-40; 76 тыс.) и Снежинск (50 тыс.) из Челябинской области; Заречный (28 тыс.) из Пензенской; Зеленогорск (54 тыс.) и Железногорск (Красноярск-26; 80 тыс.) из Красноярского края. А также город Курчатова (39 тыс.) из Курской области; Сосновый Бор (63 тыс.) из Ленинградской; Полярные Зори (15 тыс.) из Мурманской; Валдай (14 тыс.) из Новгородской; Десногорск (24 тыс.) из Смоленской; Димитровград (Мелекесс; 108 тыс.) из Ульяновской; Глазов (85 тыс.) из Республики Удмуртия [Назаренко, 2022] (рис. 1). Следует отметить, что 5 городов располагаются в границах крупнейших агломераций. Из них городов и пгт с населением менее 50 тыс. – 8, а менее 100 тыс. – 7. При высокой концентрации в европейской части России 6 городов расположены за Уралом. В основном это города присутствия предприятий ГК «Росатом» и «Роскосмос» (в том числе ЗАТО). Премьер-министр России Михаил Мишустин в марте 2023 года поддержал развитие этих территорий [Косарева, Дубов, 2023].

Итоги исследований подтверждают, что важным фактором при принятии решения о выборе места проживания и работы ученого является как заработная плата, так и качество городской среды в целом. Поэтому одна из приоритетных задач для органов регионального и местного самоуправления – создание среды, способной конкурировать с крупными городами и областными центрами. Правительством России были поддержаны предложения АСИ о приоритетной помощи наукоградов, что, несомненно, является важным шагом в развитии этих территорий, решающих стратегические задачи в тяжелое для страны время. Вопрос совершенствования системы сохранения и прекращения статуса наукограда Российской Федерации по-прежнему актуален [См.: Тузкова, 2016].

Таким образом, можно предположить, что официальная политика по отношению к городам с высоким научно-технологическим потенциалом и впредь будет корректироваться, поскольку могут изменяться стратегические приоритеты в господдержке тех или иных направлений научных исследований и технологических разработок.

Рассматривая возможности приспособления в будущем для функций наукоградов каких-то малых городов или создания принципиально новых поселений, выполняющих эти функции, полезно ретроспективно проанализировать советские проекты разного времени, поскольку они в той или иной степени транслируются в среде, включенной в эти практики. По мнению известного архитектурного журналиста Григория Ревзина, «стандарт» города науки позднесоветского времени сформировался в некоторой степени спонтанно. Это касается как модели расселения, зонирования, планировочных решений, так и организации труда и быта ученых, изменившихся радикально в течение 1930–1980-х годов. Так первый советский наукоград – поселок Наркомвод (с 1938-го по 1947-й – Стаханово, в настоящее время Жуковский), замышлявшийся просто как рабочий поселок при производстве, благодаря двум неумышленным обстоятельствам стал своеобразным прототипом вполне универсальной модели, востребованной при создании формата наукоградов будущего. Речь идет о включении в городскую застройку фрагмента города-сада Кратово с санаториями и дачами, в одной из которых жил авиаконструктор Андрей Туполев, и леса между промзоной ЦАГИ и аэропортом Раменское [Ревзин, 2020, с. 24].

Второй этап развития закрытых научных центров в изолированных локациях связан с репрессиями конца 1930-х годов. В условиях концентрации научно-конструкторских центров в системе НКВД снимались вопросы секретности, мотивации труда ученых и научной компетенции руководства, возложенные на менеджмент наркомата внутренних дел. Как далее отмечает Ревзин, в СССР наукограды работали успешно «не потому, что внутри в них было очень хорошо, а потому, что снаружи было не очень хорошо, а ученым – прямо совсем не очень» [Ревзин, 2020, с. 39]. Именно стремление к автономному существованию в условиях перманентных кампаний по борьбе с генетикой и кибернетикой создавало условия для относительно

1. Кольцово (Новосибирская область)
2. Валдай (Новгородская область)
3. Дубна (Московская область)
4. Димитровград (Ульяновская область)
5. Обнинск (Калужская область)
6. ЗАТО Циолковский (Амурская область)
7. Полярные Зори (Мурманская область)
8. ЗАТО Железногорск (Красноярский край)
9. ЗАТО Зеленогорск (Красноярский край)
10. ЗАТО Саров (Нижегородская область)
11. ЗАТО Заречный (Пензенская область)
12. ЗАТО Озерск (Челябинская область)
13. ЗАТО Снежинск (Челябинская область)
14. Десногорск (Смоленская область)
15. Курчатов (Курская область)
16. Глазов (Республика Удмуртия)
17. Сосновый Бор (Ленинградская область)
18. Королев (Московская область)

Рис. 1. Карта размещения городов для пилотного внедрения инфраструктурно-сервисного подхода

Источник: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/07/19/126564>.

комфортного изолированного существования научных сообществ вне идеологического давления. О метаморфозах в отношении власти к ученым речь пойдет ниже. Можно предположить, что современные политические реалии не исключают ни один из сценариев отношения власти к сфере науки и высокотехнологичного производства. Во многом исходя из советского опыта, В. О. Мелихов указывает, что исторически сложившееся размещение наукоградов <...> на сегодняшний день не может считаться стратегически удачным ни в военном, ни в социальном плане [Мелихов, 2018, с. 71]. Советский стандарт вызывает вопросы и по другим параметрам, которые мы рассмотрим ниже.

В настоящее время в РФ существует семь приоритетов специализации наукоградов: 1) авиа-, ракетостроение и космические исследования; 2) электроника и радиотехника; 3) автоматизация, информационные технологии и приборостроение; 4) химия, химическая физика и новые материалы; 5) ядерный комплекс; 6) энергетика; 7) биология, биотехнология и сельскохозяйственная наука [Агирречу 2009, с. 20–21]. В значительной степени с поставленными перед стоящими перед специалистами в этих областях задачами справляется существующая система наукоградов в широком смысле этого понятия. И. А. Монахов отмечает, что большинство «статусных» наукоградов исторически рас-

положены около Москвы, что объясняется наличием финансовых, кадровых ресурсов, высоким научным потенциалом столицы [Монахов, 2016, с. 69]. Города с официальным статусом наукограда различаются между собой по ряду количественных показателей. При этом города, различающиеся по структуре и доле работников науки среди населения, анализируются по одинаковым параметрам, что влияет на их положение в рейтингах [Емелин, Володина, Рябов, 2019], позволяя при этом выявлять недоиспользование имеющихся в их распоряжении возможностей [Емелин, Мелихов, 2016]. Эти факты как прямо, так и косвенно указывают на необходимость выявления проблем и внесения изменений в управление различными процессами, влияющими на результаты [Емелин, 2023а, 2023б].

Эвристические экспериментальные проекты требуют от сложившихся годами научно-исследовательских институций создания временных творческих коллективов, которые впоследствии могут стать новыми самостоятельными структурами. Именно прогнозирование в этой сфере способствовало бы появлению крупных проектов, которые требуют создания если не новых городов, то новых локаций, обеспеченных необходимыми ресурсами. В этой связи исследователи полагают, что «малоэффективными могут оказаться даже самые на первый взгляд перспективные проекты. <...> Поэтому не следует делать

ставку лишь на проекты, подобные иннограду Сколково или Иннополису в Татарстане» [Осипов, Савиных, Макаренко, с. 94].

Еще в 2006 году известный программист и футуролог-визионер Пол Грэм, анализируя американский опыт, сделал достаточно очевидные выводы, размышляя о приоритетах людей науки – «ботаников» (nerds), как он их называл. «Самое интересное, что всё, что вам нужно, – это люди. Если бы вы смогли привлечь критическую массу «ботаников» и инвесторов, чтобы жить где-то, вы могли бы воссоздать Кремниевую долину. И обе группы очень мобильны. Они поедут туда, где жизнь хороша. Так что же делает место хорошим для них?» Отвечая на этот вопрос, он указывает, что для этого нужен один из лучших университетов в мире, находящийся «в городе, где умные люди действительно умны, но за это не нужно платить много. <...> Большинство «ботаников» предпочитают более тихие удовольствия. Им нравятся кафе вместо клубов; букинистические магазины вместо магазинов модной одежды; пешие прогулки вместо танцев; солнечный свет вместо высотных зданий» [Graham, 2006].

Автономия городов науки – еще один важный элемент, требующий решения в актуальных российских условиях, поскольку многие важные, для достижения высоких результатов работы НИИ, КБ и других организаций вопросы эффективнее решать на месте. В этой связи вполне оправданной представляется борьба академических структур за возможность обрести самостоятельность на муниципальном уровне. Как заявил председатель Сибирского отделения РАН, вице-президент РАН академик В. Н. Пармон, «субъектность Академгородка – одна из самых главных проблем для нашего развития. <...> Стратегии без субъекта не бывает, и, чтобы Академгородок к 2030 году де-факто стал научной столицей России, ему нужно получить особый автономный статус». Президент Союза развития наукоградов и экс-мэр Троицка Виктор Сиднев отметил, что «сегодня Академгородок не решает проблемы своего развития. У него нет такого права. Между тем рядом находится Кольцово, где есть свой мэр, есть Совет депутатов. Этот муниципалитет живет по закону о наукоградах. И власти обязаны развивать научно-производственный комплекс наукограда по утвержденной стратегии. Статус наукограда позволяет эффективно осуществлять решение тех

задач по достижению технологического суверенитета, ради которых он и создавался. Потому что наукоград – это единственное социальное и муниципальное образование, которое, как прописано в законе, обязано иметь стратегию социально-экономического развития, согласованную с министерством науки и высшего образования» [Колесова, с. 10].

Паритет управленческих решений федерального центра и местных органов власти, учитывающих интересы научного сообщества, – залог устойчивого развития не только наукоградов. Авторы недавнего исследования о проблемах реализации государственной научно-технической политики по поддержке наукоградов и территорий с высокой концентрацией научно-технологического потенциала полагают, что заявленные цели государственной политики и имеющиеся для их реализации финансовые инструменты, находящиеся в ведении Минобрнауки России, не соответствуют друг другу, что вызывает распыление и без того недостаточных для полноценной поддержки наукоградов финансовых ресурсов. В этой связи авторами предлагается распространить опыт использования успешно апробированных в Сколково организационных, правовых и финансовых механизмов на наукограды Российской Федерации, в том числе предоставив последним отдельный правовой, налоговый и таможенный и миграционный режимы» [Володина, Гуцынюк, Полещук, Попова, Ридигер, 2023, с. 64].

В структуре городов науки выделяют четыре основных элемента функционального назначения – зона институтов, селитебная зона, общественный центр и зона отдыха. К ним в городах с развитым научно-производственным комплексом добавляется производственная зона [Агирречу, 2009, с. 24]. Резонным следует считать вопрос об универсальности и перспективности этой модели организации пространства. В Иннополисе в основу организации пространства была заложена похожая модель, реализованная, как будет сказано ниже, не в полной мере. Означает ли это, что потребность в перспективных проектах отсутствует и что новые поколения исследователей адаптируют под себя либо эту модель, либо уже сложившееся десятилетиями пространство? В этой связи крайне важным является вопрос о приспособлении под нужды науки существующих экологически и логистически привлекательных

малых городов, например, с полностью утраченной индустриальной инфраструктурой или же изначально существовавших как санаторно-рекреационные зоны. В любом из этих вариантов будет решаться вопрос взаимодействия новых объектов инфраструктуры со сложившейся планировочной структурой, с одной стороны, и со сложившимся социокультурным укладом, с другой стороны. Оптимальным был бы запрос местного сообщества о предоставлении их территории для реализации новых функций. Создание же нового поселения с нуля по запросам будущих резидентов имеет свои преимущества. Дискуссии по данной проблеме с привлечением социологов и футурологов были бы с очевидностью полезны. Если вспомнить, всего четыре года отделяли издание в 1898 году брошюры «Будущее: мирный путь к реальным реформам» Эбенизера Говарда, оставшейся невостребованной, от ее переиздания под новым названием «Города-сады будущего», определившей споры урбанистов и дезурбанистов почти на три десятилетия вперед. Тема экологической повестки продолжает обсуждаться до настоящего времени, что актуализирует проблему малых городов как городов будущего [Романова, 2014].

Забота о ведущих специалистах в сфере науки стала приоритетной во второй половине 1940-х годов. Игорь Курчатов оставил дневниковую запись следующего содержания о своей встрече со Сталиным 25 января 1946 года: «т. Сталин <...> сказал, что наши ученые очень скромны и они иногда не замечают, что живут плохо. Наше государство сильно пострадало, но всегда можно обеспечить, чтобы несколько тысяч человек жило на славу, а несколько тысяч человек жило еще лучше, со своими дачами, чтобы человек мог отдохнуть, чтобы была машина» [Артемов, 1993, с. 128]. К позднесоветскому времени сформировалась достаточно большая прослойка советской научной элиты, обеспеченной по стандартам того времени. Часть ученых жила и работала именно в наукоградах. Под их запросы создавалась инфраструктура этих городов. Ее востребованность в настоящее время на примере Дубны, считающейся идеаль-

ным советским наукоградом, как показал в своем исследовании А. Сувалко, в значительной степени утрачена [Сувалко, 2025, с. 106–112].

Очень важным, на наш взгляд, представляется то, что формат пространственной и административной организации наукоградов, начиная со сталинского времени, отличался от обычных городов отсутствием идеологического наполнения городской среды. Как пишет Ревзин, там не было ни горкомов КПСС, ни памятников Ленину на главной площади. Главным зданием города оказывался клуб ученых, что придавало городу особую несоветскую или внесоветскую атмосферу пространства чистой науки [Ревзин, 2020, с. 23].

Если обратиться к современным идеологическим практикам, то в Иннополисе в 2023 году был заявлен план строительства мечети и православного храма. В настоящее время работы еще не начались.

Предлагая типологию наукоградов, исходя из особенностей их исторического развития, А. А. Агирречу выделяет 26 городов, чье «научное ядро» имело то или иное историческое значение². Пять из них (Бийск, Королёв, Мичуринск, Петергоф и Реутов) входят в число официально признанных таковыми [Агирречу, 2009, с. 169]. Как следует из изложенной выше статистики, большая часть наукоградов, являющихся малыми городами, относится к категории ЗАТО. Прочие города, особенно в Московской агломерации, имеют тенденцию к росту численности населения за счет не занятых в «профильном» научно-производственном комплексе и выходу за пределы, принятые для малых городов. Самый молодой в России город исследователей – Иннополис – рассчитан по плану на 90 тыс. жителей, что не укладывается в рамки его позиционирования как места развития исключительно IT-индустрии. Подобное создает развилку для выбора ориентации на другие научно-исследовательские разработки в качестве профиля для будущих жителей. В настоящее время городская политика строится на декларировании открытости – как буквально (город без шлагбаума), так и метафорически (открытость для новых идей).

2. Это Балашиха, Бийск, Гатчина, Димитровград, Зерноград, Истра, Климовск, Ковров, Комсомольск-на-Амуре, Королёв, Красноармейск, Луховицы, Лыткарино, Меленки, Миасс, Мичуринск, Нижняя Салда, Переславль-Залесский, Петергоф, Правдинск, Приморск, Реутов, Саров, Усть-Катав, Ханты-Мансийск, Химки.

Создание малого города для выполнения функций наукограда, «бутикового производства постиндустриальной эпохи», если изменить остроумное обозначение Ревзина, представляется очень специфичным проектом для решения важных узких задач по опробованной модели ЗАТО. Приспособление малых городов для этих целей предполагает ряд дополнительных требований, с очень локальной возможностью локализации (красивый экологичный город с университетом).

Выбранные нами факторы и предложенные к рассмотрению аспекты в рамках комплексного подхода для анализа наукоградов указывают на невозможность универсальных решений с целью создания идеального наукограда и на риски для приспособления для выполнения научно-технологических функций ныне существующих малых городов. Для формирования долговременной политики в сфере развития старых и новых локаций с высокой концентрацией научно-технологического потенциала следует учитывать все рассмотренные нами факторы. Это, однако, не ограничивает возможности создания крупных центров федерального значения на базе вузов в малых городах как важных точек их роста.

Источники

- Агирречу, А.А. (2009). *Наукограды России: история формирования и развития*. Москва: Изд-во МГУ.
- Артемьев, Е.Т. (1993). У истоков советского атомного проекта: Роль разведки, 1941–1946 гг. *Вопросы истории естествознания и техники*, (4), 63–71.
- Володина, Е.Д., Гуцынюк, О.Н., Полещук, О.Д., Попова, Е.А., и Ридигер, А.В. (2023). Проблемы реализации государственной научно-технической политики по поддержке наукоградов и территорий с высокой концентрацией научно-технологического потенциала. *Информация и инновации*, 18, 50–68.
- Воропаева, А.В., и Коростелева, Л.Ю. (2024). К вопросу об инфраструктуре наукоградов. *Проблемы развития территории*, 28(3), 82–96.
- Емелин, Н.М. (2023а). Критерии и показатели результативности деятельности государственных научных центров. *Известия Института инженерной физики*, (1), 97–99.
- Емелин, Н.М. (2023б). Мониторинг и совершенствование показателей деятельности наукоградов. *Информация и инновации*, 18(4), 38–46. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2023-18-4-38-46>.
- Емелин, Н.М., Володина, Е.Д., и Рябов, П.А. (2019). Мониторинг и оценка рейтинга наукоградов. *Мониторинг. Наука и технологии*, (4), 99–103.
- Емелин, Н.М., & Мелихов, В.О. (2016). Инновационная деятельность наукоградов как фактор обеспечения стабильности экономики муниципального образования. *Стратегическая стабильность*, (1), 42–48.
- Колесова, О. (2023). Стремление к обособлению. *Поиск*, (36), 10.
- Лысая, Д.А. (2017). Наукограды России: история развития от научных поселений до инновационного центра «Сколково». *Architecture and Modern Information Technologies*, (3), 178–199. Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/3kvart17/14_lisaia/index.php (дата обращения: 10.09.2025).
- Мелихов, В.О. (2018). Системный анализ условий и показателей, определяющих инновационность деятельности наукоградов. *Известия Института инженерной физики*, (1), 69–74.
- Монахов, И.А. (2016). *Методология и практика управления развитием наукоградов Российской Федерации на современном этапе*. Тверь: Тверской гос. ун-т.
- Осипов, А.Г., Савиных, В.Н., и Макаренко, Н.Н. (2019). Иннополисы и наукограды: стратегия научно-технологического прорыва и «человеческий фактор». В *Сборник материалов Международной научной конференции «Интерэкспо ГЕО-Сибирь 2019»*. Т. 5. *Геопространственные аспекты исторических и социокультурных процессов* (с. 93–97).
- Ревзин, Г.И. (2020). Наукограды в России: вопросы генезиса. *Labyrinth. Теории и практики культуры*, (4), 23–42.
- Раевская, А., и Ярославцева, О. (2022, 28 июня). АСИ выберет пилотные города для внедрения инфраструктурно-сервисного подхода в их развитии. *Агентство стратегических инициатив*. <https://asi.ru/news/189077/>.
- Назаренко, М. (2022, 19 июля). На форуме «Сильные идеи для нового времени» назвали пилотные города для внедрения инфраструктурно-сервисного подхода. *Агентство стратегических инициатив*. <https://asi.ru/news/189497/>.
- Косарева, Т., и Дубов, Г. (2023, 24 марта). Михаил Мишустин поддержал развитие городов с высоким научно-технологическим потенциалом. *Агентство стратегических инициатив*. <https://asi.ru/news/192737/>.
- Романова, А.Ю. (2014). Новые направления в концептуальном проектировании «городов будущего» в XXI веке. *Architecture and Modern Information Technologies*. Режим доступа: <https://marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/romanova/abstract.php> (дата обращения: 10.09.2025).
- Сувалко, А. (2025). *Ученые и академический класс будущего: случай наукограда Дубны*. Москва: Креативная экономика.
- Тузкова, Д.К. (2016). Совершенствование системы сохранения и прекращения статуса наукограда Российской Федерации. *Экономика и предпринимательство*, (12–4), 720–723.
- Федеральный закон от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации». Изменения и дополнения от 22 августа 2004 г., 18 октября 2007 г., 27 декабря

2009 г., 2 июля 2013 г. (2013). *Материалы о деятельности Союза, информационный бюллетень и отчеты о проводимых мероприятиях*. Режим доступа: <http://www.naukograds.ru> (дата обращения: 08.09.2025).

Graham, P. (2006). *How to be Silicon Valley*. Режим доступа: <https://www.paulgraham.com/siliconvalley.html> (дата обращения: 08.09.2025).

SYSTEMS ANALYSIS OF SCIENCE CITY LOCALIZATION IN SMALL TOWN

Mikhail Yu. Timofeev, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy, Ivanovo State University (IvSU); Head, Research and Education Centre "Urban and Regional Studies", Ivanovo State University (IvSU); Head of Research and Socio-Cultural Projects, ANO "Centre for Territorial Development"; Ivanovo, Russian Federation.
E-mail: timofeev.01@gmail.com

This article examines the factors which have an influence on the development policies of cities with high scientific and technological potential. The uncertainty and fluidity of the criteria for the term "science city" creates the possibility of a broad view of the problem of finding an ideal model in creating new or adapting existing small towns. Based on this, important characteristics of a science city as a special type of settlement are analyzed, the main factors of the creation of science cities in the USSR in the 1930s-1980s are identified. The creation of modern science cities the first quarter of the 21st century is also looked at. The requirements of the scientific community for an urban environment suitable for professional activities and, at the same time, comfortable for living have been changing. The architectural and planning features of science cities are considered in this context. The advantages and disadvantages of locating specialized research centers in small towns are highlighted, based on domestic practices. The autonomy of science cities is an important element, to which attention should be paid in the Russian context. In particular, there are no universal solutions for creating an ideal science city. There is a focus on the socio-philosophical, political, economic, and socio-geographical factors in the creation and development of science cities. Since official policy towards cities with high scientific and technological potential is subject to adjustments due to changes in strategic priorities in state support for scientific research and technological development, it is important to work with the scientific community, without whom the existence of science cities is impossible.

Keywords: science city; technopoles; ideal city; urban space

Citation: Timofeev, M.Yu. (2026). Systems analysis of science city localization in small town. *Urban Studies and Practices*, 11(1), 67-76. <https://doi.org/10.17323/usp111202667-76>

References

- Agirrechu, A.A. (2009). *Naukogrady Rossii: istoriya formirovaniya i razvitiya* [Science cities of Russia: History of formation and development]. Moscow: Izd-vo MGU. (in Russian).
- Artemov, E.T. (1993). U istokov sovetskogo atomnogo proekta: Rol' razvedki, 1941-1946 gg. [At the origins of the Soviet atom-

- ic project: The role of intelligence, 1941–1946]. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Studies in the history of science and technology], (4), 63–71. (in Russian).
- Emelin, N.M. (2023a). Kriterii i pokazateli rezul'tativnosti deyatelnosti gosudarstvennykh nauchnykh tsentrov [Criteria and indicators of the effectiveness of state scientific centers]. *Izvestiya Instituta inzhenernoy fiziki* [Proceedings of the Institute of Engineering Physics], (1), 97–99. (in Russian).
- Emelin, N.M. (2023b). Monitoring i sovershenstvovanie pokazateley deyatelnosti naukoogradov [Monitoring and improvement of performance indicators of science cities]. *Informatsiya i innovatsii* [Information and innovations], 18(4), 38–46. <https://doi.org/10.31432/1994-2443-2023-18-4-38-46> (in Russian).
- Emelin, N.M., & Melikhov, V.O. (2016). Innovatsionnaya deyatelnost' naukoogradov kak faktor obespecheniya stabil'nosti ekonomiki munitsipalnogo obrazovaniya [Innovative activity of science cities as a factor in ensuring the stability of the municipal economy]. *Strategicheskaya stabil'nost'* [Strategic stability], (1), 42–48. (in Russian).
- Emelin, N.M., Volodina, E.D., & Ryabov, P.A. (2019). Monitoring i otsenka reytinga naukoogradov [Monitoring and rating assessment of science cities]. *Monitoring. Nauka i tekhnologii* [Monitoring. Science and technologies], (4), 99–103. (in Russian).
- Federal'nyy zakon ot 7 aprelya 1999 g. № 70-FZ «O statute nauko-grada Rossiyskoy Federatsii». Izmeneniya i dopolneniya ot 22 avgusta 2004 g., 18 oktyabrya 2007 g., 27 dekabrya 2009 g., 2 iyulya 2013 g. [Federal Law of April 7, 1999 No. 70-FZ "On the status of science city of the Russian Federation". Amendments and additions dated August 22, 2004, October 18, 2007, December 27, 2009, July 2, 2013]. (2013). *Materialy o deyatelnosti Soyuza, informatsionnyy byulleten' i otchety o provodimykh meropriyatiyakh* [Materials on the activities of the Union, information bulletin and reports on events]. Retrieved September 8, 2025, from <http://www.nauko grads.ru> (in Russian).
- Graham, P. (2006). *How to be Silicon Valley*. Retrieved September 8, 2025, from <https://www.paulgraham.com/siliconvalley.html>.
- Kolesova, O. (2023). Stremlenie k obosobleniyu [The desire for isolation]. *Poisk* [Search], (36), 10. (in Russian).
- Kosareva, T., & Dubov, G. (2023, March 24). Mikhail Mishustin podderzhal razvitie gorodov s vysokim nauchno-tekhnologicheskim potentsialom [Mikhail Mishustin supported the development of cities with high scientific and technological potential]. *Agency for Strategic Initiatives*. Retrieved from <https://asi.ru/news/192737/> (in Russian).
- Lysaya, D.A. (2017). Naukoigrady Rossii: istoriya razvitiya ot nauchnykh poseleniy do innovatsionnogo tsentra «Skolkovo» [Science cities of Russia: History of development from scientific settlements to the Skolkovo Innovation Center]. *Architecture and Modern Information Technologies*, (3), 178–199. Retrieved September 10, 2025, from http://marhi.ru/AMIT/2017/3kvart17/14_lisaia/index.php (in Russian).
- Melikhov, V.O. (2018). Sistemnyy analiz usloviy i pokazateley, opredelyayushchikh innovatsionnost' deyatelnosti naukoogradov [System analysis of conditions and indicators determining the innovativeness of science cities' activities]. *Izvestiya Instituta inzhenernoy fiziki* [Proceedings of the Institute of Engineering Physics], (1), 69–74. (in Russian).
- Monakhov, I.A. (2016). *Metodologiya i praktika upravleniya razvitiem naukoogradov Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape* [Methodology and practice of managing the development of science cities of the Russian Federation at the present stage]. Tver': Tverskoy gos. un-t. (in Russian).
- Monakhov, I.A. (2016). *Metodologiya i praktika upravleniya razvitiem naukoogradov Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape* [Methodology and practice of managing the development of science cities of the Russian Federation at the present stage]. Tver': Tverskoy gos. un-t. (in Russian).
- Nazarenko, M. (2022, July 19). Na forume "Sil'nye idei dlya novogo vremeni" nazvali pilotnye goroda dlya vnedreniya infrastrukturo-servisnogo podkhoda [At the forum "Strong Ideas for the New Time" pilot cities were named for the implementation of the infrastructure-service approach]. *Agency for Strategic Initiatives*. Retrieved from <https://asi.ru/news/189497/> (in Russian).
- Osipov, A.G., Savinykh, V.N., & Makarenko, N.N. (2019). Innopolis i naukoigrady: strategiya nauchno-tekhnologicheskogo proiyya i «chelovecheskiy faktor» [Innopolises and science cities: Strategy of scientific and technological breakthrough and the "human factor"]. In *Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Interexpo GEO-Sibir' 2019»*. T. 5. Geoprostranstvennye aspekty istoricheskikh i sotsiokul'turnykh protsessov [Proceedings of the International Scientific Conference "Interexpo GEO-Siberia 2019". Vol. 5. Geospatial aspects of historical and sociocultural processes] (pp. 93–97). (in Russian).
- Raevskaya, A., & Yaroslavtseva, O. (2022, June 28). ASI vyberet pilotnye goroda dlya vnedreniya infrastrukturo-servisnogo podkhoda v ikh razvitiy [ASI will select pilot cities for the implementation of an infrastructure-service approach to their development]. *Agency for Strategic Initiatives*. Retrieved from <https://asi.ru/news/189077/> (in Russian).
- Revzin, G.I. (2020). Naukoigrady v Rossii: voprosy genezisa [Science cities in Russia: Issues of genesis]. *Labyrinth. Teorii i praktiki kul'tury* [Labyrinth. Theories and practices of culture], (4), 23–42. (in Russian).
- Romanova, A. Yu. (2014). Novye napravleniya v kontseptual'nom proektirovaniy "gorodov budushchego" v XXI veke [New directions in the conceptual design of "cities of the future" in the 21st century]. *Architecture and Modern Information Technologies*. Retrieved September 10, 2025, from <https://marhi.ru/AMIT/2014/4kvart14/romanova/abstract.php> (in Russian).
- Suvalko, A. (2025). *Uchenye i akademicheskii klass budushchego: sluchay nauko-grada Dubny* [Scientists and the academic class of the future: The case of the science city of Dubna]. Moscow: Kreativnaya ekonomika. (in Russian).
- Tuzkova, D.K. (2016). Sovershenstvovanie sistemy sokhraneniya i prekrashcheniya statusa nauko-grada Rossiyskoy Federatsii [Improvement of the system for maintaining and terminating the status of science city

- of the Russian Federation]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], (12-4), 720-723. (in Russian).
- Volodina, E.D., Gutsynyuk, O.N., Poleshchuk, O.D., Popova, E.A., & Ridiger, A.V. (2023). *Problemy realizatsii gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politiki po podderzhke naukogradov i territoriy s vysokoy kontsentratsiey nauchno-tekhnologicheskogo potentsiala* [Problems of implementing state scientific and technical policy to support science cities and territories with a high concentration of scientific and technological potential]. *Informatsiya i innovatsii* [Information and innovations], 18, 50-68. (in Russian).
- Voropaeva, A.V., & Korosteleva, L. Yu. (2024). *K voprosu ob infrastrukture naukogradov* [On the issue of infrastructure of science cit-ies]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 28(3), 82-96. (in Russian).

Роль сопутствующих индустрий в обеспечении креативного сектора экономики малых городов

София Познанская,
Виктория Боос

Одной из наиболее актуальных тенденций развития российских регионов является повышенное внимание со стороны государства и бизнеса к сектору экономики знаний, связанному с креативными индустриями (КИ). На сегодняшний день эта отрасль уже прошла начальные этапы своей институционализации. В августе 2024 года был принят Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации», которому предшествовала Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р. О признании государством важной роли креативных индустрий для российского общества свидетельствует и то, что в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» поставлена задача по увеличению доли креативных (творческих) индустрий в экономике. Также на пленарном заседании XXVIII Петербургского международного экономического форума, состоявшегося 20 июня 2025 года, президент

Познанская София Алексеевна, советник губернатора Ивановской области; генеральный директор, Автономная некоммерческая организация «Центр территориального развития», Иваново; руководитель, Центр исследований малых городов, Шуйский филиал Ивановского государственного университета (ИвГУ); Шуя, Ивановская область, Российская Федерация.
E-mail: goroda.malye@yandex.ru

Боос Виктория Олеговна, к.э.н., руководитель отдела, Лаборатория исследования креативных индустрий Российской кластерной обсерватории Института статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Россия.
E-mail: vboos@hse.ru

В настоящее время на федеральном, региональном и муниципальном уровнях значительное внимание уделяется креативным (творческим) индустриям, в особенности развитию креативной экономики в малых городах. Проведенное исследование креативного потенциала города Шуя Ивановской области можно рассматривать как новаторское. В нем использовалась современная комплексная методология измерения креативной экономики города, базирующаяся на данных бухгалтерской отчетности организаций, представленной в базе СПАРК-Интерфакс; официальной статистике по крупным и средним организациям города, размещаемой в базе данных «Показатели муниципальных образований» и открытых реестрах Роспатента. Выводы, сформулированные по итогам количественного исследования, сопоставлялись с результатами изучения исторических источников и полевого этапа работы, включавшего глубинные интервью. Исследование показало, что анализ творческого сектора экономики в малых городах требует особого методологического инструментария, позволяющего проводить взаимную верификацию различных статистических данных, финансовой отчетности и ответов респондентов. Применение такого системного подхода способствует расширению круга возможных креативных специализаций малых городов и их наиболее объективному и корректному определению. На примере Шуи показано, что производство оборудования и материалов и дизайнерской продукции для креативных индустрий может выступать устойчивой и самодостаточной креативной специализацией территории, обладающей потенциалом для развития и диверсификации. В связи с этим такие виды экономической деятельности, на сегодняшний

Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул необходимость поддержки быстро растущих отраслей креативной экономики, которые связаны с наукой, культурой, искусством и творчеством, включая такие направления, как архитектура и дизайн, кино и музыка, издательская деятельность и выпуск программного обеспечения и другие. При этом правительству Российской Федерации поручено вместе с регионами подготовить долгосрочную стратегию развития креативной экономики, а также решить вопрос о запуске федерального проекта.

Согласно уже общепринятому определению, встречающемуся с теми или иными вариациями в большинстве российских и зарубежных научных источников и нормативно-правовых актах, под креативными индустриями понимаются виды экономической деятельности, где добавленная стоимость создается за счет индивидуального творчества и результатов интеллектуальной деятельности. Чаще всего в зарубежной практике к креативным относят следующие индустрии: музыка, исполнительские искусства, кино и анимационные фильмы и сериалы, видеоигры, программное обеспечение, медиа и СМИ, книжное дело, реклама и пиар, арт-индустрия, народные художественные промыслы и ремесла, культурное наследие, отдых, развлечения, дизайн, архитектура и урбанистика и ювелирное дело. Реже к креативным относят индустрию моды и гастрономию.

Кроме непосредственно креативных индустрий исследователи выделяют также частично креативные [ESSnet-CULTURE, 2012] или сопутствующие виды деятельности, которые способствуют развитию КИ за счет производства специализированных товаров и услуг либо использования интеллектуальной собственности, созданной в КИ. Институт статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее – ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) относит к сопутствующим виды деятельности по выпуску оборудования и материалов для креативных индустрий, дизайн-интенсивные производства, где широко внедряется промышленный дизайн, профильное образование и организацию выставок и мероприятий [Гохберг, 2024].

Уже сегодня в России наблюдается значительное пространственное разнообразие креативных специализаций. Если в субъектах Российской Федерации с крупнейшими мегаполисами активно растут наиболее современные медиаиндустрии (медиа и СМИ, программное обеспечение, видеоигры), то в регионах, где агломерационные эффекты менее выражены, на исторической индустриальной базе могут успешно развиваться более традиционные производства, выпускающие дизайнерский текстиль, посуду, мебель, предметы интерьера. К ним относится, в частности, Ивановская область [Гохберг, 2024] и ряд других субъектов Центрального федерального округа, например Костромская и Калужская области, где есть промышленное наследие.

Несмотря на то что многочисленные исследования свидетельствуют о наиболее высокой концентрации креативных индустрий в глобальных городах и крупнейших агломерациях [Lazzeretti, Capone, Domenech, 2012; Sanchez-Serra, 2016], некоторые направления творческой деятельности (например, арт-индустрия и дизайн) хорошо развиваются и на низкоурбанизированных территориях [Arts in Rural Areas, 2020]. Более того, отдельные ученые отмечают, что креативные индустрии могут играть особенно значительную роль в экономике сельских населенных пунктов и малых городов, в том числе удаленных от основной полосы расселения [Silva, Marques, Galvão, 2023]. Развитый креативный сектор в малонаселенных городах способствует появлению разнообразных и полезных для физического и душевного здоровья населения форм досуга, генерирует дополнительные рабочие места и возможности для диверсификации экономики, способствует сохранению локальной идентичности и росту туристической привлекательности.

день не относящиеся к креативным индустриям в рамках российского правового поля, рекомендовано включить в периметр государственной политики на федеральном, региональном и городском уровнях.

Ключевые слова: креативные (творческие) индустрии; креативная экономика; креативный сектор; городские политики; городские специализации; малые города; Шуя; Ивановская область

Цитирование: Познанская, С. А. & Боос, В. О. (2026). Роль сопутствующих индустрий в обеспечении креативного сектора экономики малых городов. *Городские исследования и практика*, 11(1), 77–84. <https://doi.org/10.17323/usp111202677-84>

Вместе с тем поддержка креативных индустрий как инструмент территориального развития требует тщательной настройки и научно обоснованного подхода. Региональная и городская политика в сфере креативной экономики должна проводиться с учетом реальных масштабов креативного сектора и с опорой на уже сложившиеся экономические специализации территории. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования, направленные на оценку уровня креативных индустрий на уровне субъектов РФ и муниципальных образований.

Согласно рейтингу креативных регионов России по итогам 2024 года, подготовленному Российской кластерной обсерваторией ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, Ивановская область занимает 6-е место. При этом регион лидирует по таким позициям, как «доля креативных индустрий в общем объеме выручки», «доля работников креативного сектора» и «доля креативных индустрий в стоимости основных средств». Кроме того, область находится на 1-м месте по показателю «организация народных художественных промыслов и ремесел, получающих федеральную поддержку», что говорит о том, что предприятия и люди, производящие товары народных художественных промыслов (НХП), ремесленники ведут активную работу по привлечению средств федерального бюджета для развития своего дела. Наибольшее количество занятых в креативных индустриях работают в регионе по таким направлениям, как мода, архитектура и урбанистика, а также культурное наследие, отдых и развлечения [Гохберг, 2024, с. 80–81]. Многие из упомянутых направлений активно развиваются именно в малых городах региона. Они не только формируют потенциал для экономического роста малых городов, но и являются фактором сохранения их историко-культурного наследия, что особенно важно для укрепления ощущения территориальной принадлежности горожан.

Город Шуя стал одним из первых, где была создана информационно-аналитическая база для разработки соответствующих политик на региональном и муниципальном уровнях. Исследование креативного (творческого) потенциала Шуи может рассматриваться как новаторское. Причина тому — использование в нем наиболее современной комплексной методологии измерения городской креативной экономики. В основе этой методологии лежат три ключевых источника информации: данные бухгалтерской отчетности организаций, пред-

ставленные в базе СПАРК-Интерфакс; официальная статистика по крупным и средним организациям города, размещаемая в Базе данных «Показатели муниципальных образований» (далее — БД ПМО), открытые реестры Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). Выводы, полученные на основе этих источников с использованием количественных методов анализа, верифицировались результатами глубинных интервью, синхронизированных по времени с кабинетной частью исследования. Такое сочетание количественных и качественных методов, с одной стороны, позволило отклонить ряд гипотез о креативных специализациях города, а с другой — выявить статистические показатели, недостаточно репрезентативно отражающие состояние креативного сектора на уровне малого города.

Измерение креативного сектора Шуи проходило в три этапа.

Первый — экспресс-анализ городской экономики по критериям устойчивости и диверсификации. Расчет доли суммарной выручки всех организаций, зарегистрированных в Шуе, приходящейся на торговый сектор и топ-20 видов деятельности. Выявление экономических специализаций города как топ-5 торгуемых видов экономической деятельности по показателю суммарной выручки за период с 2022 по 2024 год. Этот этап был необходим потому, что меры поддержки креативных индустрий в малых городах должны разрабатываться с учетом состояния остальных отраслей экономики.

Второй — оценка масштабов креативного сектора Шуи на основе показателей числа организаций, зарегистрированных по видам экономической деятельности, относящихся к креативным и сопутствующим индустриям, и их суммарной выручки из базы данных СПАРК. Для определения периметра креативного сектора, то есть перечня кодов ОКВЭД2, относимых к креативным индустриям и сопутствующим видам деятельности, использовали методические разработки ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, а также перечень видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий, утвержденный Приказом Минэкономразвития России от 23.04.2025 № 266 «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности» (далее — Приказ

Минэкономразвития России от 23.04.2025 № 266). Были также рассчитаны индикаторы, характеризующие креативную экономику Шуи по данным официальной статистики крупных и средних организаций, публикуемые в БД МПО: среднесписочная численность и среднемесячная заработная плата работников организаций, инвестиции в основной капитал. При проведении этих расчетов в связи с низким уровнем детализации муниципальной статистики в периметр креативного сектора следует учитывать разделы видов экономической деятельности: раздел I «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», раздел J «Деятельность в области информации и связи», раздел M «Деятельность профессиональная, научная и техническая», раздел P «Образование», раздел R «Деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений».

Третий – выявление креативных специализаций города. На этом этапе исследования было принято решение отказаться от традиционных количественных методов выявления экономических специализаций (например, на основе коэффициентов локализации и концентрации) в связи с отсутствием репрезентативной статистики занятости для малого бизнеса. Выводы формулировались экспертно, на основе данных о креативных индустриях, аккумулирующих в городе больше всего выручки и рабочих мест, а также результатов глубинных интервью с представителями креативного класса.

Результаты исследования позволили прийти к ряду методологических и прикладных выводов. Несмотря на то что официальная статистика хорошо отражает явно выраженные долгосрочные тенденции городского развития, в связи с преобладанием малого бизнеса в креативном секторе города Шуя, объективно судить о его масштабах можно только по данным финансовой отчетности организаций, представленным на порталах ФНС и СПАРК-Интерфакс.

В связи со специализацией Шуи на производстве текстиля, не являющемся в полной мере креативным видом деятельности, а сопутствующим им, классификатор отраслей креативного сектора ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, учитывающий такие «пограничные» отрасли, показал более полную картину, по сравнению с перечнем креативных видов деятельности из приказа Минэкономразвития России от 23.04.2025 № 266.

Исследование позволило выявить, что основной креативной специализацией Шуи является производство материалов для КИ. Выручка этой индустрии в городе значительно опережает аналогичный показатель для населенных пунктов со схожим социально-экономическим профилем (Истра, Переславль-Залесский, Зарайск, Торжок, Палех, Юрьеvec), в то время как по другим индустриям различия не столь заметны. Несмотря на высокую концентрацию экономических ресурсов в одной индустрии, на уровне малого города это не таит в себе существенных рисков, поскольку КИ умеют хорошо адаптироваться к требованиям рынка. Среди других КИ у города Шуя есть значительный потенциал для выпуска дизайнерских предметов интерьера с использованием элементов ручного труда, модной одежды и аксессуаров, товаров для творчества и гастрономии.

Использование результатов полевого исследования является необходимым проверочным этапом для количественного анализа, позволяя отклонить гипотезы, построенные на нерепрезентативных данных, или учесть особенности, пока не проявившиеся в статистической или финансовой отчетности организаций. Так, специализация города на ремеслах, где по определению ведут деятельность только малые бизнесы и самозанятые, была установлена только при помощи полевого исследования.

Вместе с тем количественный анализ на основе данных финансовой отчетности организаций оказался единственным доступным способом объективно оценить креативный потенциал Шуи в сравнении с похожими малыми городами.

Среди крупных предприятий Шуи в анализируемом нами сегменте сопутствующих индустрий следует выделить три: акционерные общества «Шуйская гармонь», «Шуйские ситцы» и ООО «Аквариус». Ведущая свою историю с 1935 года компания по производству музыкальных инструментов «Шуйская гармонь» в настоящее время уже выпускает достаточно широкую линейку продукции – двух- и трехголосые серийные модели «Детская», «Шуйская», гармони «Чайка 204» и «Чайка 314», а также четырехголосую гармонию «Барыня». На заказ создаются гармони «Шуйская РЕТРО» и «Заказная». Есть в ассортименте предприятия три вида баянов – «Озорник», «Романс» и «Шуя» [АО «Шуйская гармонь»]. Примечательно, что у предприятия есть потенциал для увели-

чения объемов производства, поскольку после спада в 1990-е годы оно еще не вышло на полную мощность, но при этом смогло диверсифицировать ассортимент, освоив производство детской мебели для дошкольных учреждений и пошив постельного белья. Это может указывать на наличие у сопутствующих индустрий хороших способностей адаптироваться к требованиям рынка.

Компания «Шуйские ситцы», где занято более 1800 сотрудников, является одним из крупнейших текстильных предприятий Ивановской области. Она выпускает ежегодно более 60 млн метров ткани и более 6,5 млн швейных изделий. Одной из главных движущих сил повышения конкурентоспособности компании является современный тренд на коллаборации. Первым опытом творческой коллаборации стало сотрудничество с известным кинохудожником Надеждой Васильевой, которая использовала ткани «Шуйских ситцев» для создания сказочных кино костюмов. Затем произошел переход к выпуску оригинальной дизайнерской продукции. Для выставки на «Севкабеле», посвященной творчеству кинорежиссера Алексея Балабанова (Петербург, 2022 г.), был разработан рисунок по мотивам фильмов «Брат» и «Брат 2» и сшиты пижамы «В чем сила?», пользовавшиеся большим спросом.

Впоследствии возник проект «Пересмысление» и создание коллекции «Ткани со смыслом. Наследие мануфактур». Осенью 2024 года 10 исторических принтов XIX века были воссозданы в промышленных масштабах: «Шуйские ситцы» выпустили ткани с историческими рисунками из альбомов образцов набойной конторы шуйской фабрики С. М. Посылина 1885–1886 годов и московского Товарищества мануфактур «Людвиг Рабенек», созданных для Всероссийской художественной и промышленной выставки 1896 года из фондов Музея ивановского ситца, а также музея-заповедника «Александровская слобода», предоставившего кроки и образцы тканей мануфактур Барановых.

В 2025 году появился очередной проект с тканями, выпущенными Куваевской (впоследствии Большой Ивановской) мануфактурой. При подготовке творческой командой проекта «Ткани со смыслом» было рассмотрено около 17 тыс. образцов тканей из собрания Музея ивановского ситца. Принципами отбора поделилась директор по развитию компании «Шуйские ситцы» Катерина Матросова: «Мы попытались выделить из бесконечного

разнообразия прекрасных рисунков те, которые найдут отклик в сердце людей XXI века. Важно было обеспечить сочетаемость тканей и, конечно, технологичность рисунка, ведь методы печати очень сильно изменились с тех пор. Приобрели 9 рисунков, но реплик выйдет 10 видов: один из рисунков решили запустить в двух колористиках – исторической и трендовой современной; посмотрим, тренд какого века “победит” в выборе покупателей. И ориентировались на сезон: подбирали “осенние”, теплые и яркие тона» [Наследие мануфактур].

Выступая совместно с дизайнером Ксенией Демьяненко-Новиковой, доцентом кафедры дизайна костюма и текстиля им. Н. Г. Мизоновой Ивановского государственного политехнического университета, создавшей бренд верхней одежды NovikovaDSGN, и с Институтом искусств РГУ им. А. Н. Косыгина, компания «Шуйские ситцы» позиционирует себя как полноценного соавтора коллекций, участвовавших в показе в рамках Московской недели моды и на других площадках.

Таким образом, роль, которую играли «Шуйские ситцы» в этих коллаборациях, указывает на активное участие компании в творческом процессе и вовлечение собственного креативного капитала. Это дает реальные основания для того, чтобы в дальнейшем рассматривать организации сопутствующих индустрий как полноценных участников креативной экономики.

Развитию креативного сектора экономики на государственном уровне сегодня уделяется все большее внимание, они включены в национальную повестку и получают различные меры поддержки на федеральном и региональном уровнях.

Вместе с тем, чтобы в дальнейшем эти меры показывали свою эффективность, особенно на территориях за пределами крупнейших мегаполисов, например в малых городах, должна быть проработана качественная и комплексная аналитическая база, обосновывающая потребность в такой государственной политике.

В частности, в периметр креативной экономики следует включать и сопутствующие виды деятельности, которые способствуют развитию КИ. Другим важным слоем анализа должны быть качественные исследования, которые позволяют верифицировать креативные специализации города в исторической перспективе.

Источники

- АО «Шуйская гармонь». (n.d.). Режим доступа: <https://accordions37.ru> (дата обращения: 01.09.2025).
- В чем сила, брат? (n.d.). Режим доступа: <https://sitsy.ru/news/v-chyem-sila-brat/> (дата обращения: 01.09.2025).
- Гохберг, Л.М., Куценко, Е.С., Лебедева, С.А., и Боос, В.О. (2025). Методические рекомендации по формированию собирательных классификационных группировок и системы показателей креативной экономики. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1062674380.html>.
- Наследие мануфактур – 3. Вечная классика от «Ивановского кремля». (n.d.). Режим доступа: <https://sitsy.ru/news/nasledie-manufaktur-3-vechnaya-klassika-ot-ivanovskogo-kremlya/> (дата обращения: 01.09.2025).
- Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. (n.d.). Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222> (дата обращения: 01.09.2025).
- Приказ Минэкономразвития России от 23.04.2025 № 266 «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности». (2025). Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505270011> (дата обращения: 27.05.2025).
- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2021 № 2613-р. (2021). *Собрание законодательства Российской Федерации, № 40, ст. 6877.*
- Гохберг, Л.М., Боос, В.О., Боякова, К.Н., Куценко, Е.С., и др. (2025). *Рейтинг креативных регионов России: 2024.* ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.
- Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». (2024). *Собрание законодательства РФ, № 20, ст. 2584.*
- Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». (2024). *Собрание законодательства РФ, № 33, Часть II, ст. 5026.*
- Шуйская гармонь. (n.d.). Режим доступа: https://znanierussia.ru/articles/Шуйская_гармонь (дата обращения: 01.09.2025).
- Шуя и Плёс – в лидерах по бронированию гостиниц и отелей у москвичей. (n.d.). Режим доступа: <http://ivanovoobl.ru/?type=news&id=81017> (дата обращения: 13.09.2025).
- Arts in Rural Areas. (2020). *International network for contemporary performing arts.* Режим доступа: https://cultureactioneurope.org/files/2020/03/IETM_Art-in-Rural.pdf (дата обращения: 13.10.2022).
- ESSnet-CULTURE. (2012). *European Statistical System Network on Culture. Final Report* 2012. Режим доступа: https://ec.europa.eu/assets/eac/culture/library/reports/ess-net-report_en.pdf (дата обращения: 07.04.2025).
- Lazzeretti, L., Carone, F., & Domenech, R. (2012). Reasons for clustering of creative industries in Italy and Spain. *European Planning Studies, 20*, 1–20.
- Sanchez-Serra, D. (2016). *Location determinants of creative industries' firms in Spain. Investigaciones Regionales, 34*, 23–48.
- Silva, S.R., Marques, C.S. E., & Galvão, A.R. (2023). Where is the rural creative class? A systematic literature review about creative industries in low-density areas. *Journal of the Knowledge Economy, 15*, 6025–6056.

THE ROLE OF RELATED INDUSTRIES IN SUPPORTING THE CREATIVE SECTOR OF THE ECONOMY IN SMALLER CITIES

Sofiya A. Poznanskaya, Small Cities Research Center, Ivanovo State University, Shuya Branch, Shuya; Head of the Small Cities Research Center, Ivanovo State University (IvSU), Shuya Branch; Autonomous Non-Commercial Organization "Center for Territorial Development"; General Manager of the Autonomous Non-Profit Organization "Center for Territorial Development"; Advisor to the Governor of the Ivanovo Region; Ivanovo, Russia.
E-mail: goroda.malye@yandex.ru

Victoriya O. Boos, Candidate of Economic Sciences, Head of Department, Creative Industries Research Laboratory, Russian Cluster Observatory, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics (HSE); Moscow, Russia.
E-mail: vboos@hse.ru

Considerable attention is being paid at the federal, regional, and municipal levels to creative industries, and in particular to the development of the creative economy in small towns. This study of the creative potential of the city of Shuya in the Ivanovo region uses a modern comprehensive methodology for measuring the creative economy of the city, based on the accounting data of organizations presented in the SPARK-Interfax database; official statistics on the large and medium-sized organizations of the city, published in the "Indicators of Municipalities" database; and open registers of Rospatent. The conclusions based on a quantitative study were compared with the results of examining historical sources and with a fieldwork stage, which included in-depth interviews. The study showed that the analysis of the creative sector of the economy in small towns requires a special methodological toolkit to carry out mutual verification of statistical data, financial statements, and respondents' answers. The application of such a systematic approach contributes to expanding the range of possible creative specializations of small towns and to their most objective and accurate identification. Using Shuya as an example, the study shows that the production of equipment, materials, and design products for creative in-

dustries can serve as a stable and self-sufficient creative specialization for a territory, with the potential for development and diversification. In this regard, it is recommended that such types of economic activity, which are currently not classified as creative industries within the Russian legal framework, be included in the scope of state policy at the federal, regional, and municipal levels.

Keywords: creative industries; creative economy; creative sector; city policies; city specializations; smaller cities; Shuya; Ivanovo region

Citation: Poznanskaya, S. & Boos, V. (2026). The role of related industries in supporting the creative sector of the economy in smaller cities. *Urban Studies and Practices*, 11(1), 77-84. <https://doi.org/10.17323/usp111202677-84>

References

- AO «Shuyskaya garmon'» [JSC "Shuya Accordion"]. (n.d.). Retrieved September 1, 2025, from <https://accordions37.ru> (in Russian).
- Arts in Rural Areas. (2020). *International network for contemporary performing arts*. Retrieved October 13, 2022, from https://cultureactioneurope.org/files/2020/03/IETM_Art-in-Rural.pdf
- ESSnet-CULTURE. (2012). *European Statistical System Network on Culture. Final Report 2012*. Retrieved April 7, 2025, from https://ec.europa.eu/assets/eac/culture/library/reports/ess-net-report_en.pdf
- Federal'nyy zakon ot 08.08.2024 № 330-FZ «O razvitii kreativnykh (tvorcheskikh) industriy v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of 08.08.2024 No. 330-FZ "On the development of creative (artistic) industries in the Russian Federation"]. (2024). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], No. 33, Part II, Art. 5026. (in Russian).
- Gokhberg, L.M., Kutsenko, E.S., Lebedeva, S.A., & Boos, V.O. (2025). *Metodicheskie rekomendatsii po formirovaniyu sobiratel'nykh klassifikatsionnykh gruppirovok i sistemy pokazateley kreativnoy ekonomiki* [Methodological recommendations for the formation of collective classification groups and a system of indicators of the creative economy]. ISIEZ NIU VShE. Retrieved from <https://issek.hse.ru/news/1062674380.html> (in Russian).
- Gokhberg, L.M., Boos, V.O., Boyakova, K.N., Kutsenko, E.S., et al. (2025). *Reyting kreativnykh regionov Rossii: 2024* [Rating of creative regions of Russia: 2024]. ISIEZ NIU VShE. (in Russian).
- Lazzeretti, L., Capone, F., & Domenech, R. (2012). Reasons for clustering of creative industries in Italy and Spain. *European Planning Studies*, 20, 1-20.
- Nasledie manufaktur – 3. *Vechnaya klassika ot «Ivanovskogo kremlya»* [Heritage of manufactories – 3. Eternal classics from the «Ivanovo Kremlin»]. (n.d.). Retrieved September 1, 2025, from <https://sitsy.ru/news/nasledie-manufaktur-3-vechnaya-klassika-ot-ivanovskogo-kremlya/> (in Russian).
- Plenarnoe zasedanie Peterburgskogo mezhdnarodnogo ekonomicheskogo foruma [Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum]. (n.d.). Retrieved September 1, 2025, from <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/77222> (in Russian).
- Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 23.04.2025 № 266 «Ob utverzhdenii perechnya vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti v sfere kreativnykh (tvorcheskikh) industriy na osnove Obshcherossiyskogo klassifikatora vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti» [Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 23.04.2025 No. 266 "On approval of the list of types of economic activity in the field of creative (artistic) industries based on the All-Russian Classifier of Types of Economic Activity"]. (2025). Retrieved May 27, 2025, from <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505270011> (in Russian).
- Rasporiyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 20.09.2021 № 2613-r [Decree of the Government of the Russian Federation of 20.09.2021 No. 2613-r]. (2021). *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii* [Collection of Legislation of the Russian Federation], No. 40, Art. 6877. (in Russian).
- Sanchez-Serra, D. (2016). Location determinants of creative industries' firms in Spain. *Investigaciones Regionales*, 34, 23-48.
- Shuyskaya garmon' [Shuya accordion]. (n.d.). Retrieved September 1, 2025, from <https://znaniyerussia>.

ru/articles/Шуйская_гармонь (in Russian).
Shuya i Plyos – v liderakh po bro-nirovaniyam gostinits i oteley u moskvichey [Shuya and Plyos are leaders in hotel bookings among Muscovites]. (n.d.). Retrieved September 13, 2025, from <http://ivanovoobl.ru/?type=news&id=81017> (in Russian).
Silva, S.R., Marques, C.S. E., & Galvão, A.R. (2023). Where is the rural creative class? A systematic literature review about creative industries in low-density areas.

Journal of the Knowledge Economy, 15, 6025–6056.
Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 07.05.2024 № 309 «0 natsional'nykh tselyakh razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 "On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the long term up to 2036"]. (2024). *Sobranie zakonodatel'stva*

Rossiyskoy Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation], No. 20, Art. 2584. (in Russian).
V chem sila, brat? [What is the strength, brother?]. (n.d.). Retrieved September 1, 2025, from <https://sitsy.ru/news/v-chyem-sila-brat/> (in Russian).

Креативная экономика по-шуйски: почему мегаполисные стратегии не работают в малых городах¹

Александр Сувалко,
Руслан Хестанов,
Сергей Селеев

Мировые мегаполисы в течение почти двух десятков лет копили опыт внедрения политики креативных индустрий (далее – КИ) [Silva, Muzzio, Silveira, 2024]. Накопленный российский опыт свидетельствует о том, что ее эффективность в городах разного размера серьезно зависит от контекста страны и региона. Наибольшую эффективность политика КИ показывает в мегаполисах и крупных городах, которые участвуют в глобальной конкуренции. В малых и средних городах политика КИ решает иные цели, как правило, направленные на развитие туристической индустрии (особенно нишевой), укрепление локальной идентичности, улучшение качества городской среды, ревитализации малых исторических центров, поддержку ремесел и локальных культурных

1. Настоящая статья подготовлена по итогам совместного исследования АНО «Креативная экономика» и Центра исследований малых городов Ивановского государственного университета по теме «Креативная экономика в малых городах» – исследование креативного (творческого) потенциала малого города: на примере города Шуя, Ивановская область».

Сувалко Александр Сергеевич, заместитель директора института, Институт исследований культуры, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация; ведущий эксперт АНО «Креативная экономика»; Москва, Российская Федерация.
E-mail: asuvalko@hse.ru

Хестанов Руслан Заурбекович, доктор философских наук, заведующий лабораторией, Институт исследований культуры, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.
E-mail: khestanov@hse.ru

Селеев Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, ведущий эксперт, Институт исследований культуры, факультет гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ); Москва, Российская Федерация.
E-mail: sseleev@hse.ru

Статья представляет результаты комплексного исследования креативного потенциала малого города Шуи Ивановской области. Исследование базируется на междисциплинарном подходе, объединяющем методы культурсоциологического, экономического и пространственного анализа. В ходе работы были проведены кабинетные исследования, а также полевой этап, включавший глубинные интервью с представителями креативного сообщества. В статье показано, какие стратегии развития креативного потенциала применимы к малым городам, и разъясняется, почему стандартные политики, характерные для мегаполисов, здесь не работают.

Авторы подчеркивают, что эффективность политики креативных индустрий зависит от контекста: их ключевой вклад заключается не столько в прямом экономическом росте, сколько в выполнении социокультурных функций – укреплении локальной идентичности, развитии туризма, формировании сообществ и активизации культурного капитала. На примере Шуи анализируется экосистема креативных индустрий, опирающаяся на крупных представителей креативного бизнеса (Шуйские ситцы, «Аквариус» и др.), народные художественные промыслы и ремесла, гастрономические проекты, и отдельно выделяются индустрии, основанные на православных традициях, – иконопись, лаковая миниатюра, изготовление иконостасов, а также выявление особой

инициатив, а программы, сосредоточенные *исключительно* на улучшении экономических показателей (рост ВРП или занятости), часто менее эффективны из-за недостатка критической массы рынка, талантов и инфраструктуры. Следовательно, эффективность креативных индустрий должна оцениваться по-разному для разных типов городов.

Универсально эффективными для политики креативных индустрий, ориентированной на значимый экономический вклад, часто оказываются крупные региональные центры (от 1 млн до 5 млн человек) и крупнейшие мегаполисы. В средних и малых городах успех креативных индустрий – явление редкое, и зачастую именно верный выбор специализации становится решающим фактором успеха. Иначе говоря, успех политики КИ зависит от того, насколько она соответствует существующим сильным сторонам и потребностям *местного* креативного (или творческого) сообщества (которое может сильно отличаться от «стандартных» моделей). Размер города – важный, но недостаточный фактор. Эффективность сильнее всего определяется национальным и региональным контекстом: экономикой, институтами, культурой, политикой, глобальной позицией.

Сосредоточение исследований творческих индустрий на крупных городах привело к тому, что муниципалитеты малых городов зачастую некритически заимствуют считающиеся успешными модели мегаполисов, такие как кластеризация творческих бизнесов, грантовое финансирование и отдельные подходы к брендингу. Простое копирование городских креативных стратегий может привести к утрате самобытности территории, ее превращению в «тематический парк» и вызвать отторжение у местного сообщества [Bell, Jayne, 2010]. Несмотря на этот урбанистический уклон, ряд авторов пытаются доказать, что КИ являются важным драйвером экономического роста, внедрения и появления инноваций и занятости в малых городах, сельских и удаленных регионах.

Примерно с 2017 года происходит рост количества академических публикаций, учитывающих специфику целеполагания, задач и организационных форм политики КИ в малых городах и сельской местности².

Эти же исследования выделяют точки интереса и критического переосмысления опыта переноса политик КИ в малые города и малонаселенные регионы. Критически переосмысляются следующие темы:

- Чрезмерное внимание чиновников к формированию креативных кластеров в ущерб точечной поддержке отдельных творческих работников и малого бизнеса в периферийных регионах, адаптированной под нужды именно творческих предпринимателей малых городов (доступ к финансированию, маркетингу, сетям сбыта).
- Релевантность теории творческого класса Ричарда Флориды [Флорида, 2019] для малых городов, поскольку творческих работников привлекает в отдаленные от столицы регионы не «толерантность», как утверждает Флорида, а особый жизненный стиль и атмосфера небольшого города, близость к природе и традициям.
- Цифровое неравенство и изоляция мастеров и профессионалов от культурных трендов и зависимость от местных сообществ, проявляющиеся в наиболее рельефной форме в глубинке.

Согласно существующим исследованиям, суть КИ в удаленных регионах заключается в том, что они являются сложным стратегическим инструментом развития территорий, эффективность которого не гарантирована. Анализ малых турецких городов (Бодрум, Айвалык, Урла) на побережье Эгейского моря демонстрирует: несмотря на наличие потенциала (богатое культурное наследие, туризм и пр.), малые города

роли Николо-Шартомского монастыря как уникального «гибридного института», выполняющего ключевые функции поддержки креативной экономики, выходящие за пределы духовного центра, и связанные со становлением собственной сети магазинов и якорной точки притяжения для жителей и туристов. Выявлены и ключевые барьеры: кризис художественного образования, социальная разобщенность, дефицит инфраструктуры и информационной поддержки. Исследование доказывает, что поддержка КИ в малых городах требует точечных, контекстуально обусловленных инструментов.

Ключевые слова: исследование малых городов; креативный потенциал малого города; креативные индустрии; творцы

Цитирование: Сувалко А.С., Хестанов Р.З., & Селеев, С.С. (2026). Выявление креативного (творческого) потенциала малого города: случай Шуи, Ивановская область. *Городские исследования и практики*, 11(1), 85–99. <https://doi.org/10.17323/usp111202685-99>

---

2. Вот, пожалуй, первый и наиболее систематический библиометрический обзор, использующий базы данных Scopus и Web of Science, специально посвященный творческим индустриям в районах с низкой плотностью населения: [Silva et al., 2024].

не способны воспользоваться этим инструментом из-за недостаточно точного представления местных властей о возможностях и, главное, ограничениях КИ [Kerimoglu, 2024]. Развитие КИ сдерживается также ориентацией региональных и местных администраций на проверенные временем приоритеты – например, сезонный туризм. Иначе говоря, как чиновники, так и главные стейкхолдеры в малых городах нуждаются в грамотном консультировании и просветительских программах.

В российском контексте мы сталкиваемся со схожими проблемами. Если в мегаполисах и крупных городах накопился опыт развития КИ и их осмысления, то в малых городах мы наблюдаем лишь начало этого процесса. Пока нам не очень понятно, каким образом использовать инструментарий КИ для решения характерных для малых городов проблем: экономической зависимости от одной отрасли в моногородах и отсутствия диверсификации, когда другие сектора экономики не развиваются; неформальной экономики и утечки мозгов и молодежи; давления на инфраструктуру и экологию из-за бесконтрольного строительства и туризма; стареющего населения, поскольку считается, что пенсионеры не вносят вклад в продуктивную экономику.

К проблемам, которые креативные индустрии решают в малых и средних городах успешным образом, можно отнести отсутствие туристической привлекательности. Здесь важными инструментами являются создание уникальных культурных продуктов (фестивали, арт-резиденции, тематические музеи) или оживление исторического наследия. Наиболее ярким примером успеха считается г. Мышкин в Ярославской области, где был создан бренд Мышиной столицы, а также сеть частных музеев, что значительно увеличило турпоток, благодаря чему, по различным оценкам, в городе появилось более 200 новых рабочих мест. Только за 10 месяцев 2024 года больше 94 тыс. туристов посетило этот малый город при 5488 жителей [Чучалова, 2025].

Публичные арт-проекты (стрит-арт, инсталляции), медийные события (кинофестивали, концерты) меняют восприятие

города с депрессивного на положительный. Так фестиваль «Арт-Овраг», реорганизованный в «Выкса-фестиваль», превратил промышленный город Выкса Нижегородской области в центр современного искусства и промышленного туризма³, а также способствовал преобразованию городской среды⁴. Правда, более чем 15-летняя история этого фестиваля так и не переломила отрицательную демографическую тенденцию.

Проблема утечки творческой молодежи может быть смягчена через реализацию точечных проектов, таких как создание творческих публичных пространств, коворкингов, распределение грантов для стартапов и организация резиденций для художников или дизайнеров. Существующие кейсы на сегодняшний день носят разрозненный характер; более того, их слепое копирование при внедрении в другую среду невозможно без процедур, связанных с исследованиями и вовлечением местных жителей, бизнеса и власти.

Многолетние полевые исследования Института исследований культуры НИУ ВШЭ показали, что муниципалитеты, выдвигавшие в качестве приоритетного направления развитие КИ, особенно в малых и средних городах, не всегда четко понимали, на какой эффект можно рассчитывать. Например, вопреки надеждам, проблему занятости КИ могут только смягчить, но не решить. Одним из таких примеров многолетних наблюдений является г. Сатка в Челябинской области [Дергоусова и др., 2025], где с 2013 года реализуется Стратегия социокультурного развития Саткинского района [Куренной, Сувалко, 2013]. КИ часто представлены малыми предприятиями и самозанятыми. Они создают точечные, а не массовые рабочие места. Поэтому они не могут в одиночку остановить депопуляцию крупного масштаба, но могут помочь стабилизировать ситуацию в конкретных малых городах. В лучшем случае в городе с населением около 50 тыс. может быть создано от 50 до 300 нишевых вакансий (дизайн, маркетинг, организация событий, ремесла), что, конечно, не заменит тысячи рабочих мест, утраченных в результате деиндустриализации или технической модернизации заводов. Зарплаты при

3. Объединенная металлургическая компания (ОМК) занимается развитием промышленного туризма с 2018 г. Проект «Завод видел» предлагает посетителям уникальную возможность познакомиться с современной металлургией и большим искусством. В Выксе, по данным ОКМ, за неполный 2025 г. завод уже посетили 2550 туристов, тогда как в 2018 г. – 776.

4. По итогам 2024 г. Выкса набрала 261 балл из 360 возможных, заняв 20-е место среди 248 малых городов России. С 2018 г. индекс качества городской среды в Выксе вырос в полтора раза [Симакина, 2025].

этом останутся ниже столичных примерно на 20–30%. Общественные мастерские, фестивали вовлекают жителей в позитивные изменения, но не компенсируют низкое качество социальных услуг или закрытие школ и больниц. Благодаря точечной программе КИ может появиться или окрепнуть новый сектор услуг – цифровой или туристический – либо как в случае Сатки реализована программа по благоустройству города и создан целый комплекс объектов социальной и культурной инфраструктуры, что немного снижает риски, связанные с занятостью, но доля креативного сектора вряд ли превысит 5–7% ВРП малого города.

КИ не помогут решить малому или среднему городу проблему демографической деградации и убыли населения (старение и отток молодежи), поскольку вовлекают очень узкую группу, не превышающую 2–3%. Кроме того, налоговые поступления со стороны малого бизнеса, а это основная форма предприятий в сфере КИ, не будут выше 1–3% бюджета. Иначе говоря, проблема зависимости бюджета от дотаций сохранится.

Поэтому для малого и среднего города ключевой вопрос не методы или стратегия развития КИ, а ожидаемый результат от самого развития этого сектора.

На сегодняшний день развитие КИ рассматривается как один из ключевых векторов экономического и социального развития российских территорий. В феврале 2025 года вступил в силу Федеральный закон №330 «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». В контексте изучения творческого потенциала малого города наиболее подходящей является разработанная в 2021 году «Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» (далее – Концепция) [Распоряжение Правительства РФ..., 2024]. Основной целью Концепции является формирование национальной креативной экономики, опирающейся на человеческий капитал и историко-культурное наследие народов Российской Фе-

дерации. В редакции документа от 26.01.2024 был внесен ряд значимых дополнений. В частности, предусматривается внедрение механизмов поддержки не только в крупных агломерациях, но и в малых городах и сельской местности, с опорой на их локальные культурные традиции и объекты материального и нематериального наследия. Кроме того, подчеркивается приоритетность создания товаров и услуг, направленных на содействие гармоничному развитию личности и повышению качества жизни российского общества. В контексте общероссийских тенденций концентрации креативного потенциала в мегаполисах исследование креативных индустрий малых городов приобретает особую актуальность и значимость, учитывая и обновленный вектор государственного интереса, отмеченный выше.

Город Шуя Ивановской области представляет собой хорошую возможность для изучения специфики развития креативного потенциала малого исторического города, обладающего богатыми традициями народных художественных промыслов и сталкивающегося с характерными для подобных территорий вызовами⁵.

Креативный потенциал города определяется как совокупность возможностей для развития творческих индустрий, включающая человеческий капитал, инфраструктуру, институциональную среду и социокультурный контекст [Боос и др., 2023]. В условиях малых городов этот потенциал имеет свои особенности, связанные с уникальным укладом, совмещающим городской и сельский образ жизни, особой близостью с природой, ведением личного подсобного хозяйства, навыками самообеспечения, слабой вовлеченностью в финансовые институты, ограниченностью ресурсов, спецификой локальных сообществ. Этот образ жизни привычен для миллионов людей и может быть привлекателен для части горожан, ищущих альтернативу крупным агломерациям [Бабаев и др., 2012, с. 167].

Выявление возможностей развития КИ – лишь предварительный этап разработки городской политики по их развитию.

5. В этом месте необходимо сделать важную оговорку, что, согласно классификации, приведенной в «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 г. № 4146-р, «малый город – город с численностью населения менее 50 тыс. человек», тогда как на территории городского округа Шуя на 1 января 2025 г., по данным Ивановстата, проживало 52 971 человек. С учетом пограничного значения этого показателя общей тенденции к снижению численности населения, особенностей учета населения и структуры занятости (наличие вахтовой занятости) авторы считают, что в общем контексте исследования Шую можно рассматривать в качестве малого города.

Чтобы приступить к этой работе, следует ответить на ряд важных вопросов. Насколько нуждаются в реализации политики КИ малые и средние города России и г. Шуя в частности? Какие проблемы малых и средних городов вообще способна решить политика креативных индустрий? Адекватный ответ поможет правильному сосредоточению на локальном креативном потенциале.

Для успешного развития креативного потенциала и обеспечения устойчивости малых городов критически важна подготовка условий, при которых жители видят динамику и перспективы развития. Гармоничное развитие требует увязки стратегий региональных и местных властей с концепциями, предложенными предпринимателями, поскольку стратегия одной-двух крупных компаний может иметь решающее значение для будущего города. Кроме того, для привлечения и удержания молодежи необходимо формировать позитивный имидж малых городов, «создавая моду» на них. В этом контексте большую роль играет эстетика и дизайн городской среды. Улучшение внешнего вида, бережное сохранение и демонстрация уникальной исторической архитектуры, деревянных домов и объектов культурного наследия могут стать мощным конкурентным преимуществом малых городов, отличающим их от крупных агломераций и способствующим привлечению человеческого капитала и инвестиций в творческие индустрии.

Исследования креативного (творческого) потенциала малых городов имеют свою специфику, связанную с определенными трудностями и ограничениями в использовании количественной методологии оценки размеров креативной экономики. Методы экономического анализа, нацеленные на определение выручки креативного сектора и количество занятых в компаниях сферы креативных индустрий, относительно релевантны для мегаполисов и более крупных административных объединений [Крюков, 2024; Акимова, Волков, Симонова, 2022], но ограниченно работают для малых и средних городов. Значительная часть акторов креативного сектора в этих населенных пунктах не институционализируют свою деятельность и работают в тени, а потому она не отражается в официальной статистике [Залевская, Морданов, 2022]. В качестве одной из распространенных форм организации теневой занятости выступает распределенная мануфактура [Кордонский, Плюснин, 2018]. Таким обра-

зом, использование полевых методов позволяет в полной мере решить задачи описания актуального состояния и потенциала сферы креативной экономики малого города.

Для проведения комплексного анализа креативного потенциала Шуи была выбрана методология, которая сочетала в себе как количественные, так и качественные методы: в рамках междисциплинарного подхода были объединены инструменты экономического, социокультурного и пространственного анализа.

На первом этапе было проведено кабинетное исследование на основе анализа официальной статистики и различных открытых данных. Сбор данных проводился по методологии, предложенной Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [Методические рекомендации..., 2025]. Изучались показатели выручки, инвестиций и доли торгуемых секторов предприятий сферы креативной экономики и организаций, обеспечивающих деятельность субъектов креативной экономики. Как уже отмечалось, традиционные экономические методы измерения креативных индустрий имеют ограниченную применимость для малых городов, где значительная часть деятельности остается в неформальном секторе. Все это подтвердилось и в случае Шуи – официальная статистика зафиксировала лишь незначительную часть реально существующего креативного потенциала и только крупных акторов сферы КИ.

Вторым методом кабинетного этапа был пространственный анализ городской среды. Исследовались сохранившиеся средообразующие объекты культурного наследия, распределение коммерческих организаций и коммерческой недвижимости, существующие достопримечательности и туристическая инфраструктура. Пространственный анализ и последующие натурные обследования позволили выявить расхождение между историческим потенциалом и современным использованием городских пространств. Оказалось, в частности, что ряд ключевых зданий, таких как Северный и Южный гостиные дворы, исключены из общественного пользования.

Полевое исследование, проведенное на втором этапе, стало наиболее значимым для получения адекватного представления о специфике местного креативного сектора, и именно оно ложится в основу полученных результатов исследования. В ходе этой работы было проведено 25 глубинных

интервью с ключевыми акторами (ремесленниками, бизнесменами, работниками сферы образования и культуры, представителями администрации), проведена фокус-группа со студентами гуманитарных специальностей Шуйского филиала Ивановского государственного университета и было проанкетировано более 50 представителей креативных индустрий. Полевые методы позволили выявить ключевых представителей сферы КИ в Шуе, определить основные направления деятельности акторов, выявить проблемы и указать на существующие возможности развития. Кроме того, удалось зафиксировать неформальную часть креативной экономики, представленную в виде распределенных мануфактур.

Несмотря на комплексный характер, данное исследование имеет ряд ограничений, которые важно учитывать при интерпретации его результатов. Хотя случай Шуи в существенной степени типичен для исторических малых городов Центральной России с их ремесленными традициями, он не может в полной мере представлять все разнообразие малых городов РФ. Специфика моногородов, приграничных территорий или городов с иной экономической специализацией может порождать иные структурные проблемы и возможности для развития креативного потенциала. Кроме того, официальная статистика, необходимая для анализа сектора КИ, особенно в малых городах, отличается нерегулярностью и содержит значительные пробелы. Поэтому количественные оценки (например, число занятых в иконописном промысле) носят оценочный характер и основаны на экстраполяции данных, полученных от информантов. Учет этих ограничений открывает пути для будущих исследований, таких как сравнительный анализ нескольких малых городов, углубленное изучение конкретных институтов (например, монастыря как экономического агента) или отслеживание трансформации креативного сектора Шуи в динамике.

В отличие от преобладающих в литературе подходов, которые либо измеряют креативный потенциал через стандартные экономические показатели (количество занятых, вклад в ВРП), либо сосредоточены на успешных кейсах точечного брендинга (Мышкин, Рыбинск, Плёс и др.), данное исследование предлагает структурированный анализ внутренней экосистемы креативных индустрий малого города. Мы переносим внимание с экономических

метрик на социокультурные функции, поскольку хотим показать, что в условиях малого города ключевой вклад КИ заключается не в непосредственном экономическом эффекте, который остается ограниченным, а в их способности укреплять локальную идентичность, формировать устойчивые сетевые связи, активировать культурный капитал и выполнять роль драйвера для смежных секторов, в первую очередь туризма. Подобное внимание позволило нам выявить и описать случаи нетривиальных институциональных форм, не укладывающихся в стандартные модели господдержки или частного предпринимательства. Как мы показываем, развитие КИ в малых городах может опираться на такие традиционные организационные формы, как, например, Николо-Шартомский монастырь, который действует и как религиозный, и как экономический, и как туристический центр. Таким образом, речь идет об изучении КИ при смещении внимания с универсальных моделей на контекстуально-обусловленный анализ внутренней структуры, институтов и противоречий малого города.

Картография креативного сектора Шуи: традиционные промыслы и современные практики

Шуя выступает весьма типичным примером развития КИ в малом российском городе со всеми их достижениями и трудностями. Здесь сочетается традиционная промышленность и современные креативные формы занятости (подробнее см. рис. 1).

Творческий потенциал города опирается на уходящую корнями в дореволюционное и раннесоветское прошлое крупную промышленность: «Шуйские ситцы», «Шуйский текстиль», «Шуйская водка»; ремесленные мануфактуры: «Шуйская гармонь», «Шуйское мыло», «Шуйская строчка», иконописный промысел, трансформировавшийся в советское время в промысел лаковой миниатюры и вернувшийся к истокам в 1990-е. Эти занятия прочно вплетены в местную культуру и образование. Их можно считать основой самобытности местного сообщества, которые могут быть приспособлены к современным формам креативной экономики.

Иконопись и церковное искусство занимают одно из центральных мест среди креативных индустрий Шуи. В городе и со-

Рис. 1. Картография креативного сектора Шуи

Источник: на основе данных авторов статьи.

седнем Палехе⁶, по оценкам наших информантов, работают не менее семи крупных артелей, которые специализируются на изготовлении икон, иконостасов, киотов, окладов и храмовых росписях, что в таком небольшом поселке, которые именуют не иначе как «поселком художников», стало возможным благодаря Палехскому художественному училищу имени М. Горького. По нашим оценкам, в данной сфере занято от 100 до 300 ремесленников. Другое известное на весь мир творческое направление в Палехе – лаковая миниатюра [Березина, 2017], которая в советское время существовала в форме художественных мастерских, распавшись в 1990-е годы на 3 самостоятельно существующих юридических лица. Такой разброс в оценках связан и с тем, что в таких насыщенных художественной подготовкой территориях отсутствует перепись людей, занятых творческим трудом.

В сфере иконописного производства сложилось две различные модели: распределенная мануфактура в Шуе (где «в подготовке одной иконы принимают участие от 10 до 15 специалистов») и корпоративно организованное производство в Палехе (предприятие «Палехский иконостас» с приблизительно 150 штатными работниками и несколькими десятками команд ремесленников, которые привлекаются

на подрядные работы). Распределенная мануфактура характеризуется децентрализацией производства – сетью мастеров, которые совместно, каждый на своем этапе, трудятся над созданием продукта [Кордонский, Плюснин, 2018]. Преобладание распределенной модели в Шуе, с одной стороны, обеспечивает гибкость и вовлечение большого числа мастеров, с другой – усложняет координацию и контроль качества. Преимущественно таким образом организованы и иконописные, и швейные промыслы.

Местные текстильные производства, как «Шуйские ситцы», испытавшие трудности в период пандемии и в связи с уходом с российского рынка крупных партнеров-ритейлеров (прежде всего, IKEA), провели диверсификацию сбыта, вышли на цифровые площадки и в поисках новых, востребованных рынком тем и идей обратились к историческим материалам, реализовав несколько совместных проектов с Ивановским музеем и российскими дизайнерами. При внешнем стереотипе «Шуйские ситцы» – это постельное белье в цветочек (розы) для бабушек», который нам проговаривали информанты, сегодня «Шуйские ситцы» производят впечатление сильного игрока на текстильном рынке, который обладает видением будущего развития в городской среде – компания планирует от-

6. Палех нами также был интегрирован в данное исследование как поселок, тесно связанный с Шуей, хоть имеющий свою специфику и особое положение на творческой карте страны; как отмечали наши информанты «там все другое», и у палешан «на все есть свое мнение». Это обусловлено особой ролью художественного училища и высокой концентрацией художников, обладающих сильной персональной позицией по разным вопросам – от будущего образования до развития поселка.

крытие корпоративного музея, развитие программы промышленного туризма, учреждение собственного фонда и выход в индустрию моды.

Ремесленничество представлено уникальным локальным промыслом Шуи – «шуйской строчкой». Строчевышевальный промысел в советский период развился до полноценного фабричного производства полного операционного цикла с несколькими сотнями работников. Сейчас промысел находится на грани исчезновения – цикл передачи навыков в этой сфере нарушен из-за непопулярности промысла и высокой трудоемкости процесса вышивки, спрос и маркетинговое продвижение практически отсутствуют.

Одним из традиционных местных промыслов было изготовление мыла. Возрождение производства шуйского мыла произошло в 2000-е. А в 2014 году был открыт частный Музей мыла. Традиционной проблемой креативных индустрий является отсутствие интереса со стороны творцов к патентной регистрации своей продукции. Здесь же произошла обратная ситуация – в настоящее время мыло выпускается под зарегистрированными брендами «Шуйское мыло» и «Мыло музея Шуйского мыла», владельцы которых судятся между собой за право выпускать и продавать «истинно шуйское» мыло. Конфликт вокруг прав на бренд «Шуйское мыло» является наглядным примером борьбы за символический капитал и право легитимного присвоения аутентичности. Эта ситуация парализует возможность консолидированного продвижения общего бренда территории и свидетельствует о необходимости выработки четких правил и посредничества со стороны муниципалитета в подобных спорах.

Вследствие исторического развития на территории художественных промыслов, в городе и окрестностях проживает большое число художников, часть из которых организуют арт-студии, проводят обучающие курсы и мастер-классы для местных жителей и туристов. Сбыт продукции осуществляется преимущественно традиционным способом – через сувенирные магазины, центральным из которых является «Оранжевый кот». Функция сувенирного магазина в малом городе оказывается гораздо шире простой точки сбыта – это и место продажи для более чем 30 ремесленников из Ивановской, Владимирской и Нижегородской областей, и выставочное пространство, и место координации работы, общения. В целом подтверждается

установка, что КИ в малом городе – это синтез предпринимательства и культурной деятельности, основанной на освоении локального ресурса. При этом сотрудники магазина отмечают, что во многом об актуальном положении народных художественных промыслов и ремесел Ивановской области, как и о других креативных индустриях, посещающие магазин туристы не знают из-за полного отсутствия современной краеведческой литературы.

В отдельную группу креативных занятий можно выделить предприятия гастрономического направления. Локальные бренды представлены «Шуйской ягодой», «Шуйской улиткой» и «Шартомским страусом», «Васильевским пряником», сыроварней Гагариных, монастырской выпечкой Николо-Шартомского монастыря.

Особого внимания заслуживает роль Николо-Шартомского монастыря, который де-факто выступает в качестве «гибридного института развития» креативной экономики, существенно расширяя границы своей канонической религиозной деятельности. Влияние монастыря на локальный креативный сектор реализуется через две ключевые взаимосвязанные функции. Первая функция – агрегатора и ритейлера. Разветвленная сеть магазинов «Шартом», представленная в Шуе, Ивановской области и Москве, служит эффективным каналом сбыта для множества малых гастропроизводителей региона. Монастырь фактически принимает на себя задачи маркетинга, логистики и розничной торговли, которые для разрозненных фермерских хозяйств зачастую остаются трудновыполнимыми. Вторая функция – «якорного аттрактора» и координатора туристических потоков. Выступая ключевой достопримечательностью, монастырь генерирует устойчивый турпоток, что, в свою очередь, создает рыночную площадку для окрестных фермерских производств. Кроме того, монастырь инициирует и координирует кооперацию, стимулируя разработку комплексных гастрономических туров, объединяющих его собственную экскурсионную программу с посещением таких проектов, как «Шуйская улитка» и «Шуйская ягода».

Успех данной модели обусловлен уникальным сочетанием факторов: высоким уровнем доверия к монастырю как к традиционному религиозному институту, наличием административных и финансовых ресурсов, а также развитой инфраструктурой, включающей земельные активы, помещения и собственную торговую сеть.

Исследование творческого потенциала Шуи и окрестностей позволяет говорить о развитии креативных индустрий, основанных на религиозном наследии и связанных одновременно с двумя сферами: народными художественными промыслами (лаковая миниатюра, иконопись) и ремеслами (изготовление иконостасов), а также гастрономией. Эти направления, особенно народные художественные промыслы и ремесла, а также прикладное творчество, охватывающее гастрономию, полностью соответствуют видам креативных индустрий, определенным в Федеральном законе №330 ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Закон, в частности, выделяет «использование историко-культурного наследия, включая народно-художественные промыслы и ремесла» как одно из ключевых направлений. Акцент на этой особенности является уникальным прежде всего тем, что он направлен на творческий труд, его воспроизводство и формирование наиболее устойчивых форм творческого бизнеса в малых городах и поселениях, демонстрируя практическую реализацию законодательно закреплённых основ креативной экономики в условиях исторического города.

Вызовы креативного потенциала Шуи: четыре ключевых направления

Интервьюирование представителей креативных индустрий города и экспертов позволило выявить четыре структурных проблемы, серьезно ограничивающих развитие креативных индустрий Шуи.

1. Кризис художественного образования и квалификации кадров

Первой и наиболее критичной проблемой является падение уровня художественной подготовки в сфере традиционных промыслов. В иконописном деле сложился острый дефицит квалифицированных «личников» — мастеров, специализирующихся на изображении ликов для икон и лаковых миниатюр. Данная проблема напрямую связана с состоянием профильного образования в Палехском художественном училище имени М. Горького.

Кризис художественного образования в Шуе и Палехе является наглядным примером системного конфликта между унаследованной институциональной формой и новой (или возрожденной) экономиче-

ской реальностью. С одной стороны, действует оставшаяся от советской эпохи модель «индустриального образования». Она ориентирована на подготовку специалистов для крупных централизованных производств (фабрик, комбинатов) с четким разделением труда и стандартизованными операциями. До середины 2010-х годов в Шуе существовал факультет искусств на базе Шуйского филиала ИвГУ, выпускавший мастеров декоративно-прикладного искусства, сегодня она сохранилась только в формате образовательной программы «Изобразительное искусство и дополнительное образование». Палехское училище им. Горького в своем текущем состоянии воплощает эту модель: конвейерная подготовка, где написание иконы отводится формальная «зачетная работа», а дипломный проект представляет собой копирование заданного изображения. С другой стороны, реальная экономика креативного сектора Шуи существует в форме распределенной мануфактуры — архаической, но эффективной для малых городов модели, основанной на сетевом взаимодействии узких специалистов-надомников. В иконописи, например, создание одного продукта включает 10–15 мастеров, каждый из которых отвечает за свой этап (личник, доличник, златописец и т.д.). Возвращение к формату распределенной мануфактуры характерно также для строчевышивального промысла, лаковой миниатюры, а также для швейного дела. А при распределенной мануфактуре подготовка специалистов реализуется через институт подмастерьев.

Владельцы или руководители мануфактур, которые перестали приезжать на выпускные в Палехе, «голосуют ногами» против неадекватной системы. Они вынуждены искать кадры через интернет-платформы вроде «Авито», фактически способствуя созданию параллельного, неформального канала подготовки, что доказывает наш вывод: традиционный институт образования перестал выполнять свою функцию в изменившейся экономической среде. Разрешение этого конфликта требует не улучшения старой модели, а ее фундаментальной перестройки в сторону интеграции с практиками «ученичества через практику». Одним из способов разрешения данной проблемы была бы коррекция образовательного подхода и, например, приглашение мастеров в профильные образовательные учреждения и закрепление за ними двух-трех подмастерьев с непрерывной практикой.

Эта проблема отражает более широкую тенденцию кадрового дефицита в малых городах – молодежь стремится к получению образования в крупных центрах и не возвращается в родные места. В результате нарушается механизм передачи традиционных навыков и происходит деградация уникальных профессиональных компетенций.

Фокус-группа со студентами программы «Изобразительное искусство и дополнительное образование» Шуйского филиала ИвГУ показала, что большинство учащихся планируют покинуть город после окончания учебы, поскольку «не видят перспектив в городе», а занятия декоративно-прикладным искусством связаны с кропотливой работой, требующей особой подготовки и дисциплины («там же тоже работа переходит в рутину, потому что тебе же не дадут писать на выбор все что ты хочешь»). Данная тенденция характерна для большинства выпускников учебных заведений малых городов России, что создает системную проблему воспроизводства человеческого капитала в креативной сфере.

Несмотря на разнообразие оценок, выпускники сходятся в одном: Палехское училище – уникальное учреждение, имеющее для поселка экзистенциальное значение. Именно оно поддерживает статус Палеха как центра, где каждый десятый житель – художник, и обеспечивает преемственность поколений мастеров. В этих условиях ключевым решением видится стратегическое партнерство училища с «Палехскими мастерскими» – успешным предприятием федерального уровня, которое сохранило творческий профиль Палеха.

Стоит отметить и то, что в сферу нашего внимания попала и крупная IT-компания – «Аквариус», специализирующаяся на производстве персональных компьютеров. Этот профиль сложно назвать креативным, так как компания занимается преимущественно сборкой техники, основные комплектующие которых доставляются из-за рубежа, однако компания также реализует проект дополнительно образовательного в сфере креативных индустрий под названием «Аэроаква. Станция юных техников». Отчасти этот проект направлен и на потенциальное трудоустройство учеников в компанию-учредителя. Несмотря на поддержку крупного бизнеса, существует острая кадровая проблема среди педагогов («почти два года безуспешно ищем инструктора по робототехнике»).

2. Социальная разобщенность креативного сообщества

Вторая ключевая проблема заключается в «тотальной разобщенности местного сообщества», отчасти вызванная высокой конкурентной средой. Отсутствие кооперации между ключевыми игроками креативной сферы проявляется в открытой вражде между мастерами, музейными работниками, художниками и представителями власти.

Среди особенностей шуйян отмечается индивидуализм: «каждый со своим мнением, все делают по-своему». Эта черта, с одной стороны, может способствовать творческому разнообразию, с другой – препятствует формированию консолидированного креативного кластера. В результате потенциал «нескольких сотен» мастеров, занятых изготовлением иконостасов только в Шуе, не может быть эффективно реализован из-за отсутствия координации и взаимодействия. Консолидирующая роль, по мнению представителей КИ, должна принадлежать местным властям, которые своими действиями могли бы сплачивать местное сообщество.

3. Дефицит инфраструктуры и пространств для креативной деятельности и внеинституциональные примеры решения этого вызова

Третьей проблемой является острая нехватка помещений и коммерческой недвижимости «с нормальным ремонтом и по адекватной цене» для размещения мастерских и ремесленных центров. Парадокс ситуации заключается в том, что ряд ключевых зданий центральной части города исключены из общественного пользования.

Потенциал для развития креативной инфраструктуры представляют три объекта: Северный и Южный гостиные дворы (принадлежит музею Бурялина), Киселевская больница и здание казначейства (муниципальная собственность, требует реставрации). Нереализованный проект Банка БРИКС по реставрации исторических объектов из-за санкций и СВО усугубил ситуацию с физической инфраструктурой для креативных индустрий.

Данная проблема отражает общую тенденцию деградации инженерной инфраструктуры и архитектурного наследия в малых городах России, где дефицит муниципального бюджета не позволяет под-

держивать в должном состоянии объекты культурного наследия.

На фоне этого инфраструктурного застоя наблюдается встречный процесс: оживление творческой среды, инициированное независимыми интеллектуальными группами. Их социально ориентированная деятельность направлена на актуализацию объектов, воплощающих ценность «старой Шуи», и фактически формирует распределенный креативный кластер. Данный процесс иллюстрируют несколько примеров. Первый пример – покупка представителем Земского клуба водонапорной башни в центре города, вокруг которой выстраивается заметная событийная активность с проведением лекций, фестивалей и др. Второй пример – появление в городе Лаборатории русского символизма в доме Бальмонта, где собирается творческая интеллигенция города и реализует свою творческую активность исключительно за счет коллективной самоорганизации при отсутствии какого-либо внешнего финансирования. Третий пример – проект «Я был здесь», ориентированный на украшение фасадов зданий мозаикой под руководством художника из Шуи Леонида Шипина⁷.

4. Информационная изолированность и дефицит поддержки

Четвертая проблема связана с институциональной средой и дефицитом информации о мерах поддержки креативного предпринимательства. Несмотря на то что офис «Мой бизнес» в Шуе признан одним из лучших в России, системное информирование и продвижение представителей КИ отсутствует на федеральном уровне.

Решением могли бы стать обучающие встречи на уровне микросообществ: встречи на базе сувенирных магазинов, киноклуба в доме Бальмонта и другие подобные инициативы. Однако отсутствие координации между различными уровнями власти и бизнес-сообществом препятствует реализации подобных инициатив. Дефицит проявляется и в отсутствии информации о местных производителях на цифровых площадках, что серьезно ограничивает их возможности по включению в туристические потоки.

Дополнительно усугубляет ситуацию тот факт, что для Шуи не разработан единый туристический бренд, а в городе от-

сутствует дизайн-код, следствием чего является разнонаправленность усилий представителей креативных индустрий, дублирование работ.

К этой же проблеме можно отнести и дефицит популярных лекций и мероприятий с участием значимых представителей КИ, на которые существует устойчивый запрос. Показательным является тот факт, что все респонденты вспоминают лекцию московского урбаниста, прочитанную несколько лет назад, которая стала катализатором создания местного отделения движения «Том Сойер Фест». Этот пример можно считать частным случаем приезда «чужака» [Куренной, 2022] в лице московеда, который смог повлиять на развитие городской среды. Данная лекция продемонстрировала значение интеллектуального лидерства для активизации местных инициатив: благодаря ей в Шуе второй год подряд местные жители занимаются сохранением исторического облика города, а местная художница реализует проект создания акварельных картин и открыток с наличниками.

Отсутствие регулярных культурных событий высокого уровня отражает более широкую проблему культурной периферийности малых городов, в которых дефицит качественного культурного контента ограничивает развитие креативной среды.

Опыт Шуи показывает, что основная проблема поддержки креативных индустрий в малых городах – отсутствие единой стратегии действий. Ресурсы для развития сосредоточены и в человеческом капитале (хотя и с известными оговорками), и в инфраструктуре, и в институциональной среде, и в социокультурном контексте, но они слабо связаны между собой. Городским властям следует консолидировать имеющиеся ресурсы в рамках единой стратегии, а не создавать отдельные «кластеры».

Для Шуи актуальной может стать стратегия «малых шагов»: проведение реконструкции и ревитализации отдельных объектов инфраструктуры, продвижение местных брендов, создание образовательных ремесленных проектов, развитие сотрудничества и кооперации представителей креативного сообщества, интеграция креативной сферы в туристическую среду. Непосредственно экономический эффект от этих мер может быть незначительным, но они в совокупности могут повысить ин-

7. См. проект «Я был здесь»: *Я был здесь*. [п. д.]. Режим доступа: <https://я-был-здесь.рф> (дата обращения: 24.08.2025).

терес туристов, сплотить местное сообщество и развить городскую идентичность.

В контексте поддержки креативных индустрий в малых городах России следует:

- гибко адаптировать образовательные программы под местные запросы;
- снижать информационный дефицит за счет работы с малыми сообществами в сфере креативных индустрий и создавать небольшие гранты для самозанятых и малого бизнеса;
- способствовать развитию сообществ и профессиональных объединений.

Исследование креативных индустрий, проведенное в Шуе, демонстрирует двойственность положения малых городов с точки зрения развития креативных индустрий. С одной стороны, здесь существует значительный культурный и социальный капитал, укорененный в традициях и ремесленных практиках. С другой стороны, налицо и типичные ограничивающие факторы: разрыв между образованием и реальными кадровыми потребностями сферы КИ, кадровый, инфраструктурный и информационный дефицит, разобщенность местного сообщества, несоразмерность существующих форм поддержки практикам и потребностям КИ в малых городах.

Анализ показал, что креативные индустрии в малом городе выполняют прежде всего социокультурные функции: укрепляют локальную идентичность, формируют сообщества, оживляют городскую среду, являются драйверами развития туризма. Их вклад в экономику весьма ограничен, однако именно социальный эффект является их стратегическим значением для малых городов.

Поддержка КИ в малых городах требует отхода от масштабных моделей, применимых к мегаполисам, и перехода к точечным, контекстуально обусловленным инструментам: микрогрантам, образовательным инициативам, цифровой интеграции, развитию событийного туризма и включению в него представителей местной креативной экономики. Реализация этого потенциала требует скоординированных усилий местных активистов, бизнеса и администрации при поддержке региональных и федеральных институтов развития.

Шуя представляет собой пример города, где креативные индустрии не решают проблемы макроэкономического уровня, но могут выполнять ключевую роль в стабилизации социальной среды, развитии

культурного капитала и формировании привлекательного образа территории, способствующего привлечению туристов. В этом контексте политика поддержки КИ должна рассматриваться не как инструмент экономического роста в узком смысле, а как стратегический механизм воспроизводства культурных и социальных ресурсов малого города.

Проведенное исследование демонстрирует, что в условиях малых городов классические теории креативного класса Р. Флориды оказываются малоприменимы. Ключевым фактором развития становится не толерантность и концентрация молодых креативных кадров, а способность к активации традиционного культурного капитала и преодолению институциональных и социальных барьеров, унаследованных от советской и постсоветской экономики.

Источники

- Акимова, О.Е., Волков, С.К., и Симонов, А.Б. (2022). Креативные индустрии в России: тенденции развития и потенциал роста. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (1), 96–114. <https://doi.org/10.38050/01300105202215>.
- Бабаев, Б.Д., Крупин, А.И., и Чекмарев, В.В. (2012). Малые города: концептуальный взгляд. *Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова*, (3), 165–168.
- Березина Е.С. (2017). «Пристально всматриваясь в рисунок шкатулочной крышки»: лаковая миниатюра как источник изучения советской визуальной культуры. *Диалог со временем*, Вып. 58, 242–260.
- Боос, В.О., Власова, В.В., Демьянова, А.В., Куценко, Е.С., и Гершман, М.А. (2023). Креативные индустрии в современной России: роль человеческого потенциала. В Л.Н. Овчарова, В.А. Аникин, & П.С. Сорокин (Ред.), *Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований* (Гл. 2.2, с. 230–254). Москва: ВЦИОМ.
- Гохберг, Л.М., Куценко, Е.С., Лебедева, С.А., и Боос, В.О. (2025). *Методические рекомендации по формированию собирательных классификационных группировок и системы показателей креативной экономики*. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/1062674380.html> (дата обращения: 06.08.2024).
- Дергоусова, А., Голенко, А., и Пронченко, И. (2025). *Разорвать и шить*. Режим доступа: <https://artguide.com/posts/2859> (дата обращения: 24.08.2025).
- Залевская, М.А., и Морданов, М.А. (2022). Состояние и перспективы развития креативных индустрий: опыт Югры. *ЭТАП*, (1), 77–91. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-1-77-91>.
- Кордонский, С.Г., и Плюсин, Ю.М. (2018). Архаические экономические институты: распре-

- ленные мануфактуры в малых городах России. *Мир России*, 27(4), 6–30. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-6-30>.
- Крюков, И. А. (2024). Оценка вклада креативных индустрий в социально-экономическое развитие регионов СЗФО. *Проблемы развития территории*, 28(4), 83–101. <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.4.132.6>.
- Куренной, В. А. (2022). Роль Чужака. Почему на следие так мало интересует местных жителей? *Охраняется государством*, (1), 46–53.
- Куренной, В. А., и Сувалко, А. С. (2013). *Стратегия социокультурного развития Саткинского муниципального района* [б.и.].
- Министерство экономического развития Российской Федерации. (2022). *Стратегия развития креативных индустрий в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Приказом Минэкономразвития России от 04.02.2022 № 57*.
- Распоряжение Правительства РФ от 26 января 2024 г. № 145-р «О внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ». (2024). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408340629/> (дата обращения: 24.08.2025).
- Симакина, М. (2025). *Выкса вошла в топ-20 малых городов России по уровню качества городской среды*. Режим доступа: <https://pravda-nn.ru/news/vykxa-voshla-v-top-20-malyh-gorodov-rossii-po-urovnyu-kachestva-gorodskoj-sredy/> (дата обращения: 24.08.2025).
- Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года: утв. Распоряжением Правительства Рос. Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р: (ред. от 28.09.2023)*. (2023). Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (дата обращения: 06.08.2024).
- Флорида, Р. (2019). *Креативный класс: люди, которые меняют будущее*. Москва: Классика-XXI.
- Чучалова, Ю. (2025). *Город Мышкин набирает все большую популярность среди туристов*. Режим доступа: <https://eco-tourism.expert/ru/news/gorod-myshkin-nabiraet-vsye-bolshuyu-populyarnost-sredi-turistov> (дата обращения: 24.08.2025).
- Bell, D., & Jayne, M. (2010). The creative countryside: Policy and practice in the UK rural cultural economy. *Journal of Rural Studies*, 26(3), 209–218.
- Kerimoglu, E. (2024). Is creativity-based urban development possible in Turkey? An evaluation of small cities on the Aegean Coast. *Sustainability*, 16(5).
- Silva, S.R., Marques, C.S. E., & Galvão, A.R. (2024). Where is the rural creative class? A systematic literature review about creative industries in low density areas. *Journal of the Knowledge Economy*, 15, 6026–6056.

THE CREATIVE ECONOMY SHUYA-STYLE: WHY MEGAPOLIS STRATEGIES DO NOT WORK IN SMALL TOWNS

Alexander S. Suvalko, Deputy Director, Institute for Cultural Research, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia; Senior Expert at the Autonomous Non-Profit Organization «Creative Economy»; Moscow, Russian Federation.
E-mail: asuvalko@hse.ru

Ruslan Z. Khestanov, Doctor of Philosophy, Head of Laboratory, Institute for Cultural Research, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia.
E-mail: khestanov@hse.ru

Sergey S. Seleev, Candidate of Historical Sciences, Leading Expert, Institute for Cultural Research, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia.
E-mail: sseleev@hse.ru

This article presents the results of a comprehensive study of the creative potential of the small town of Shuya, Ivanovo region. The research is based on an interdisciplinary approach, combining methods of cultural sociology, and economic and spatial analysis. The work includes desk research and fieldwork involving in-depth interviews with representatives of the creative community. The article demonstrates which strategies for developing creative potential are applicable to small towns and explains why standard policies characteristic of megacities are ineffective in these contexts.

The effectiveness of creative industry policies depends on the context: their key contribution lies not so much in direct economic growth, but in performing socio-cultural functions such as strengthening local identity, developing tourism, forming communities, and activating cultural capital. Using Shuya as a case study, the ecosystem of creative industries is analyzed, encompassing major representatives of creative businesses (such as Shuyskie Chintzes, Aquariums), folk craft and trade, gastronomic projects, and special attention is given to industries based on Orthodox traditions: icon painting, lacquer miniatures, iconostasis production, as well as identifying the special role of the Nikolo-Shartomsky Monastery as a unique hybrid institution that performs key functions in supporting the creative economy, extending beyond its role as a spiritual center. These functions are linked to the establishment of its own network of shops and its position as a point of attraction for residents and tourists. Key barriers are also identified: the crisis in art education, social fragmentation, lack of infrastructure, and insufficient informational support. The study proves that supporting creative industries in small towns re-

quires targeted, context-specific instruments.

Keywords: small town studies; creative potential of a small town; creative industries; creators

Citation: Suvalko, A.S., Khestanov, R.Z., & Seleev, S.S. (2026). Creative economy Shuya-style: Why megapolis strategies don't work in small towns. *Urban Studies and Practices*, 11(1), 85–99. <https://doi.org/10.17323/usp111202685-99>

References

- Akimova, O.E., Volkov, S.K., & Simonov, A.B. (2022). Kreativnye industrii v Rossii: tendentsii razvitiya i potentsial rosta [Creative industries in Russia: Development trends and growth potential]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika* [Moscow University Economics Bulletin. Series 6. Economics], (1), 96–114. <https://doi.org/10.38050/01300105202215> (in Russian).
- Babaev, B.D., Krupin, A.I., & Chekmarev, V.V. (2012). Malye goroda: kontseptual'nyy vzglyad [Small towns: A conceptual view]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Nekrasov Kostroma State University], (3), 165–168. (in Russian).
- Bell, D., & Jayne, M. (2010). The creative countryside: Policy and practice in the UK rural cultural economy. *Journal of Rural Studies*, 26(3), 209–218.
- Berezina E.S. (2017). «Pristal'no vsmatrivayas' v risunok shkatulochnoj kryshki»: lakovaya miniatyura kak istochnik izucheniya sovetskoj vizual'noj kul'tury [«Looking closely at the lid of the box » lacquer miniatures as a source for a study of Soviet visual culture]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with time], Vyp. 58 [Vol.], 242–260. (in Russian).
- Boos, V.O., Vlasova, V.V., Dem'yanova, A.V., Kutsenko, E.S., & Gershman, M.A. (2023). Kreativnye industrii v sovremennoy Rossii: rol' chelovecheskogo potentsiala [Creative industries in modern Russia: The role of human potential]. In L.N. Ovcharova, V.A. Anikin, & P.S. Sorokin (Eds.), *Chelovecheskiy potentsial: sovremennye traktovki i rezul'taty issledovaniy* [Human potential: Modern interpretations and research results] (Ch. 2.2, pp. 230–254). VTsIOM. (in Russian).
- Chuchalova, Yu. (2025). *Gorod Myshkin nabiraet vse bol'shuyu populyarnost' sredi turistov* [The city of Myshkin is gaining increasing popularity among tourists]. Retrieved August 24, 2025, from <https://eco-tourism.expert/ru/news/gorod-myshkin-nabiraet-vsye-bolshuyu-populyarnost-sredi-turistov> (in Russian).
- Dergousova, A., Golenko, A., & Pronchenko, I. (2025). *Razorvat' i sshit'* [Tear apart and sew together]. Retrieved August 24, 2025, from <https://artguide.com/posts/2859> (in Russian).
- Florida, R. (2019). Kreativnyy klass: lyudi, kotorye menyayut budushchee [The creative class: People who are changing the future]. *Klassika-XXI*. (in Russian).
- Gokhberg, L.M., Kutsenko, E.S., Lebedeva, S.A., & Boos, V.O. (2025). *Metodicheskie rekomendatsii po formirovaniyu sobiratel'nykh klassifikatsionnykh grup pirovok i sistemy pokazateley kreativnoy ekonomiki* [Methodological recommendations for the formation of collective classification groups and a system of indicators of the creative economy]. ISIEZ NIU VShE. Retrieved August 6, 2024, from <https://issek.hse.ru/news/1062674380.html> (in Russian).
- Kerimoglu, E. (2024). Is creativity-based urban development possible in Turkey? An evaluation of small cities on the Aegean Coast. *Sustainability*, 16(5).
- Kordonskiy, S.G., & Plyuskin, Yu. M. (2018). Archaicheskie ekonomicheskie instituty: raspredelennyye manufakturnyye v malykh gorodakh Rossii [Archaic economic institutions: Distributed manufactories in small Russian towns]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], 27(4), 6–30. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-6-30> (in Russian).
- Kryukov, I.A. (2024). Otsenka vkladov kreativnykh industriy v sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regionov SZFO [Assessment of the contribution of creative industries to the socio-economic development of the Northwestern Federal District regions]. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of territory's development], 28(4), 83–101. <https://doi.org/10.15838/ptd.2024.4.132.6> (in Russian).
- Kurennoy, V.A. (2022). Rol' Chuzhaka. Pochemu nasledie tak malo interesuet mestnykh zhiteley? [The role of the outsider. Why is heritage of so little interest to local residents?]. *Okhranyaetsya gosudarstvom* [Protected by the state], (1), 46–53. (in Russian).
- Kurennoy, V.A., & Suvalko, A.S. (2013). *Strategiya sotsiokul'turnogo razvitiya Satkinskogo munitsipal'nogo rayona* [Strategy for socio-cultural development of Satka municipal district]. (in Russian).
- Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii. (2022). *Strategiya razvitiya kreativnykh industriy v Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda: utv. prikazom Minekonomrazvitiya Rossii ot 04.02.2022 № 57* [Strategy for the development of creative industries in the Russian Federation for the period up to 2030: Approved by order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 04.02.2022 No. 57]. (in Russian).
- Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 26 yanvarya 2024 g. № 145-r «0 uneseni izmeneniy v nekotorye akty Pravitel'stva RF» [Decree of the Government of the Russian Federation of January 26, 2024 No. 145-r "On amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation"]. (2024). Retrieved August 24, 2025, from <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408340629/> (in Russian).
- Silva, S.R., Marques, C.S. E., & Galvão, A.R. (2024). Where is the rural creative class? A systematic literature review about creative industries in low density areas. *Journal of the Knowledge Economy*, 15, 6026–6056.
- Simakina, M. (2025). *Vyksha voshla v top-20 malykh gorodov Rossii po urovnyu kachestva gorodskoy sredy* [Vyksa entered the top 20 small cities in Russia in terms of the quality of the urban environment]. Retrieved August 24, 2025, from <https://pravda-nn.ru/news/vyksha-voshla-v-top-20-malyh-gorodov-rossii-po-urovnyu-kachestva-gorodskoy-sredy/> (in Russian).
- Strategiya prostranstvennogo razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Ros. Federatsii ot 13 fevr. 2019 g. № 207-r: (red. ot 28.09.2023)* [Spatial development strategy of the Russian Federation for the period up to 2030: Approved by decree of the Government of the Russian Federation dated February 13, 2019 No. 207-r: (as amended on 28.09.2023)]. (2023). Retrieved

August 6, 2024, from https://www.economy.gov.ru/material/file/3b8e3a39329ce7949978d271195fdb6d/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rf_na_period_do_2030_goda_s_prognozom_do_2036_goda.pdf (in Russian).

Zalevskaya, M.A., & Mordanov, M.A. (2022). Sostoyanie i perspektivy razvitiya kreativnykh industriy: opyt Yugry [State and prospects of creative industries development: The experience of Yugra]. *ETAP [STAGE]*, (1), 77–91. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-1-77-91> (in Russian).

[org/10.24412/2071-6435-2022-1-77-91](https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-1-77-91) (in Russian).

Большие проблемы малых городов: рецензия на книгу «Малые города: актуализация наследия»¹

Константин Бугров

Быстрова Т. Ю. *Малые индустриальные города:
актуализация наследия*. Екатеринбург: Tatlin, 2022. 208 с.

Работа Татьяны Юрьевны Быстровой посвящена проблемам устойчивого развития малых городов. Впрочем, не просто малых городов (мало ли их, таких городов!), а именно малых индустриальных городов Урала, большинство из которых представляют собой результат эволюции заводских поселков, возникших в XVIII столетии. Особенность региона заключается в очень ранней и своеобразной индустриализации, приведшей к появлению целой сети поселений, в которых господствующую роль играло горно-металлургическое производство, этикие моногорода до моногородов. Отсюда и актуальность работы: города-то малые, но проблемы у них большие. Деиндустриализация для этих поселений оказалась особенно болезненной, а потому особенно насущной явилась и потребность в освоении и внедрении того арсенала креативных индустрий, с помощью которого другие промышленные центры мира справлялись с угрозой депрессии. Хотя креативная экономика, описанная самыми разными авторами – от Чарльза Лэндри

¹ Исследование выполнено за счет средств субсидии на финансовое обеспечение выполнения гос. задания ИИиА УрО РАН; тема «Природно-материальные и социокультурные пространства в историческом контексте: механизмы формирования и трансформации», рег. номер 124032100048-9.

Бугров Константин Дмитриевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН; Екатеринбург, Российская Федерация.
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Цитирование: Бугров, К. Д. (2026). *Большие проблемы малых городов: рецензия на книгу «Малые города: актуализация наследия»*, 11(1), 100–104. <https://doi.org/10.17323/usp1112026100-104>

до Ричарда Флориды – вещь универсальная, пути к этому источнику устойчивости у конкретных городов и регионов разные, и гораздо чаще в поле зрения ученых попадают пути мегаполисов, чем так называемых *городов второго эшелона*.

Впрочем, обо всем по порядку. Первый раздел рецензируемой книги озаглавлен «Анализ состояния и специфических черт архитектурного наследия малых индустриальных городов Урала». Одним из ключевых понятий в этом разделе является *устойчивость*, так как именно ее Быстрова считает «качественным отличием градостроительного наследия малых индустриальных городов Урала». Особый интерес представляет идея об эстетической устойчивости, которую Быстрова развивает с опорой на идеи шотландского градостроителя начала XX столетия Патрика Геддеса. Геддес, будучи биологом по образованию, подходил к проблеме наследия с органицистских позиций, выдвинув концепцию «консервативного вмешательства» (*conservative surgery*), предполагающего чуткость к физическому, социальному и символическому ландшафту [Haworth, 2000]. Говоря о выразительности облика города-завода, в которой производственный комплекс играл роль смыслового ядра, Быстрова использует наработки уральских исследователей истории архитектуры – Николая Семеновича Алферова, Рэны Михайловны Лотаревой, Ольги Александровны Шипицыной, – рассматривавших заводские ансамбли XVIII – начала XIX века как яркие памятники архитектуры классицизма.

Следующий раздел – «Мировой опыт актуализации и реабилитации индустриальных городов и территорий» – посвящен успешным кейсам реновации, реализованным в разных странах на протяжении последних 50 лет. Реновации ли? Быстрова предлагает говорить о *реабилитации*: «При обилии терминов, характеризующих деятельность по приведению промышленной территории в более качественное состояние, – реновация, рекультивация, редевелопмент, рефункционализация, ренатурация, санация, ландшафтное освоение, – понятие «реабилитация» является обобщающим» (с. 115). Вполне логичным является обращение к опыту германского Эмшер-парка (ландшафтного комплекса, созданного на основе старых заводов и шахт округа Дуйсбурга в Рурском угольном бассейне). Опыт этот резюмирован следующим образом (с. 128–129): приоритет культурной и социальной составляющих в проектах, последовательное планирование полицентричной функциональной структуры, достижение долгосрочных результатов через череду краткосрочных проектов (поддерживающих интерес инвесторов), мышление масштабами региона, принцип целостности (трактовка индустриального как части ландшафта), вдумчивый анализ характеристик аутентичности места и интеллектуальная честность («принятие индустриального прошлого в его данности без

отрицания, но и без ностальгии»). В прикладном отношении это означает смену функции без смены формы, эстетику целостности и отказ от декоративизма («некоммерциализированная эстетика, лишенная внешней броскости»). Не менее интересен разобранный Быстровой случай бразильского Кампинаса. Помимо бразильского и немецкого случаев рассматриваются в главе и примеры американского Сиэтла и испанской Барселоны, хотя эти примеры несколько менее интересны: все же ни Барселону, ни Сиэтл не отнесешь к малым городам. Как бы то ни было, эта глава рецензируемой работы позволяет исследователю индустриальных малых городов в полной мере вооружиться идейно.

Идейное вооружение, впрочем, не является единственным фактором успеха. Нужно еще выявить потенциал, которым обладает территория. Этот анализ Быстрова предпринимает в завершающей части своей работы, озаглавленной «Деятельность по реабилитации и актуализации историко-архитектурного наследия малых индустриальных городов Урала». Автор детально рассматривает проблему *деградации* наследия с опорой на идеи специалиста по реставрации Михаила Эммануиловича Крогиуса, выделившего следующие стадии физического разрушения здания: на начальной стадии разрушений не видно, затем следует разрушение отделки, массовое разрушение и заключительная стадия, исключающая возможность восстановления здания, после чего здание становится руиной. Сообразно нарастанию деградации здание утрачивает свои функции – с момента, когда начинают формироваться очаги разрушения, сооружение начинает терять и свои функции, пока наконец на заключительной стадии не утрачивает их все, помимо минимальной эстетико-художественной, превращается в руину – «бесхозный деградировавший архитектурный объект, практически не поддающийся под текущие действия по реабилитации, но имеющий определенный эстетический и семантический потенциал в качестве элемента новых архитектурных объектов или пространств» (с. 149). Впрочем, последовательное руинирование уничтожает и эту функцию: «Мы бы подчеркнули возможность существования абсолютно неэстетичной руины именно в случае ее полной заброшенности и полного выпадения из городской ткани» (с. 148).

Под деградацией историко-архитектурного объекта в рецензируемом исследовании подразумевается «утрата его функции и смысла для людей и территории, на которой находится этот объект, вызванная недооценкой его социально-экономического и культурного потенциала» (с. 146). Иными словами, «деградация связана с отношением людей к объекту» (с. 147). Ведь иногда даже руинированное здание, которым любят жители, не будет деградировавшим (здесь автор ссылается на интересное исследование Полины Дмитриевны

Буш об интеграции руин в современный архитектурный контекст). Антитезой деградации выступает уже упомянутая реабилитация, которая предполагает обретение новой функции взамен деградировавшей.

Завершается книга главами, содержащими конкретные рекомендации относительно организации социологических исследований, а также методические указания по проектированию реабилитации историко-культурных объектов малых городов – они предполагают семь этапов, от комплексного анализа до собственно старта ревитализации. Быстрова подчеркивает: «Объекты наследия есть практически везде, но как показать их уникальность, заинтересовать местных жителей или туристов, за счет чего? Обеспечить доходность могут объекты, отвечающие реальным потребностям жителей... Необходимо предлагать проекты с «опережением» состояния архитектурно-градостроительной среды малых городов. В них должны быть учтены требования времени и социума в отношении доступной, безопасной, комфортной среды» (с. 174).

Представляется, что работу Быстровой можно разделить на две части: первый раздел посвящен историческим экскурсам, а второй и третий ориентированы на выработку практических рекомендаций. Некоторые из положений первого раздела словно бы приглашают вступить в полемику. Можно ли согласиться с тем, что малые заводские поселения, возникшие в эру вододействующих механизмов, обладали специфической устойчивостью? С одной стороны, жизнестойкость этой «горнозаводской цивилизации» впечатляет: невзирая на конкуренцию со стороны растущего южного металлургического ареала в конце XIX века, уральские заводы, отягощенные наследием принудительного труда и устаревшей техники, продолжали цепляться за жизнь и делали это достаточно успешно. С другой стороны, хорошо известен острый затяжной кризис, в который уральская горная индустрия погрузилась на рубеже XIX–XX столетий; если иные заводские поселения продолжили развиваться и расти, то другие, напротив, погрузились в небытие, утратив промышленный характер. Этим поселениям угрожали исчерпание рудных залежей или нехватка древесного угля; их судьба во многом зависела от того, как пролегал по региону железные дороги. И среди старинных заводов были как те, что показывали удивительную устойчивость (например, Нижний Тагил), так и те, что пришли в полный упадок (например, Кын). Безусловно, можно говорить о едином градостроительном паттерне, хорошо известном любому, кто хоть немного исследовал уральскую историю, – город на заводском пруду, с заводом в центре, делящийся рекой на две части... Такая структура действительно была устойчива, но существовала она лишь в поселениях, возникших в эру гидротехники. Здесь нужно отметить в работе некоторую непоследовательность. Быстрова отмечает: «Мы используем

как синонимы термины “города-заводы Урала”, “малые горнозаводские поселения”, “индустриальные поселения”, “старопромышленный город”. Под ними понимаются возникшие в XVIII–XIX вв. поселения городского типа, чья градостроительная структура, архитектурные решения и образ жизни людей подчинены интересам металлургического производства и тяжелой промышленности» (с. 21). Но ведь в фокусе внимания автора оказываются и города, не имевшие никакого отношения к горнозаводскому делу (Ирбит), а также тот круг городов, которые возникли при последующих волнах индустриализации, чья структура отличалась от городов-заводов XVIII столетия. К примеру, Чусовой, Серов, Аша – это новые заводские поселения конца XIX – начала XX столетия, а Красноуральск или Качканар – советские города при горно-металлургических предприятиях. И здесь можно, пожалуй, выявить свои структуры устойчивости, но иного типа, чем у старых заводских поселений.

Более перспективной, чем концепция архитектурно-экологической устойчивости, выглядит идея анализа устойчивости эстетической. Представляется, что ее можно было бы развить с использованием ряда исследований, выполненных историками архитектуры на материале XX столетия, – например, интересной диссертации Юрия Анатольевича Владимирского «Развитие архитектуры интерьеров кузнечных цехов на уральских заводах», защищенной в 1974 году и не утратившей актуальности... В любом случае тем, кто занимается проблемами развития городов, стоит по рецепту Быстровой почитать Геддеса.

Аргументированно продемонстрировать преемственность от древнейших металлургов до заводских поселений XVIII столетия в работе, на мой взгляд, не получилось. Можно ли вообще считать экологическую устойчивость специфической чертой уральских заводских поселений? Вряд ли: перечисленные в книге черты свойственны были любым аграризованным поселениям доиндустриальной поры и вытекали из очевидных технологических ограничений. При этом как раз таки пример, позволяющий рассмотреть специфически горнозаводской подход к экологической устойчивости, выработанный в XIX столетии, – система горных округов, детально изученная историком Евгением Георгиевичем Неклюдовым [Неклюдов, 2015], – в работе не использован. В книге отмечено, что к концу XIX столетия «многое из найденного было забыто», а «хищнический подход к богатствам региона быстро дал о себе знать кризисом и негативными последствиями» (с. 71). Но представляется, что дело тут вовсе не в забывчивости заводладельцев и не в хищнических наклонностях. С конца XIX века технологические средства стали позволять увеличивать производство, и уральские заводские поселения начали сталкиваться с экологическими проблемами, альтернативой которым была экономическая гибель в межрегиональной конкуренции. Тема аго-

низирующей уральской горнозаводской экономики (при том что сегодня историки спорят относительно того, насколько глубоким был этот кризис) нашла яркое отражение в литературе рубежа столетий и вызвала к жизни попытки реанимировать эту экономику. Одной из таких попыток стала концепция уникальности наследия городов-заводов, сформулированная в трудах историков архитектуры – Алферова и его учеников. Они предложили программу сохранения горнозаводского наследия «Каменный пояс» [Алферов, 1960; Лотарева, 1993], которую можно трактовать как своеобразную стратегию по превращению старых заводов в центры креативных индустрий [Лахтионова, 2023]. Альтернативой этой программе была идея изменения хозяйственного профиля старых предприятий, разрабатывавшаяся специалистами промышленных институтов [Сергеев, 1983]. В рамках такого подхода ликвидировались устаревшие доменные и сталеплавильные цеха, не способные конкурировать с новыми комбинатами, старые предприятия переводились на выпуск того или иного металлического полуфабриката – Кушвинский завод, например, начал делать прокатные валки, а Михайловский – алюминиевую фольгу. Проблема депрессивных индустриальных городов в полной мере осознавалась уже в середине XX века, для ее решения предлагались различные стратегии и подходы [Баканов, 2017]. Можно констатировать: у изучения проблем устойчивости малых заводских городов Урала имеется собственная история.

Конечно, следует согласиться с выводом Быстровой о том, что «исторически сложившееся ядро малых горнозаводских городов Урала представляет собой готовый шаблон для модернизационных процессов» (с. 72). На мой взгляд, однако, шаблон этот обретает потенциал не в силу своих предполагаемых имманентных эколого-ландшафтных свойств, а в силу устойчивой интеллектуальной традиции описания горнозаводских городов как своеобразной ценности¹ – традиции, черпающей истоки даже не в творчестве Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка, а в описаниях заводов, выполненных под руководством Георга Вильгельма де Геннина и в рассуждениях Василия Никитича Татищева о специфической роли Урала как «горнозаводской провинции» [Киселев, 2019].

Наиболее сильной стороной книги являются практические рекомендации и компаративные обобщения, включенные во второй и третий разделы. Красной нитью в тексте проходит акцент на функциональную сторону сохранения наследия. Быстрова подчеркивает: «Происходит существенный парадигмальный поворот в оценке экономического потенциала историко-культурного наследия. Коротко его можно охарактеризовать

как движение от охраны и консервации памятников к актуализации наследия, его пониманию как основного ресурса развития людей, городов, культуры в целом как фактора устойчивого экономического развития. <...> Это двойственный процесс, включающий в себя в равной мере и необходимое повышение эффективности использования исторических объектов в различных целях, и усиление их эксплуатации» (с. 9). Привлекателен и декларированный в рецензируемой работе отказ от «разделения на “высокое” и “низкое”, “шедевры” и “мейнстрим”, “чистый” стиль и его провинциальные вариации» (с. 19). Быстрова убедительно показывает, что ревитализация индустриального наследия вовсе не является утомительным обременением ради прихоти любителей старины, что она движима насущными интересами градостроительного развития, являясь ключевым фактором роста нового, креативного сектора в малых городах. В конце концов, «сегодня наследие напрямую связывается с общими проблемами развития города, формированием городских территорий» (с. 136).

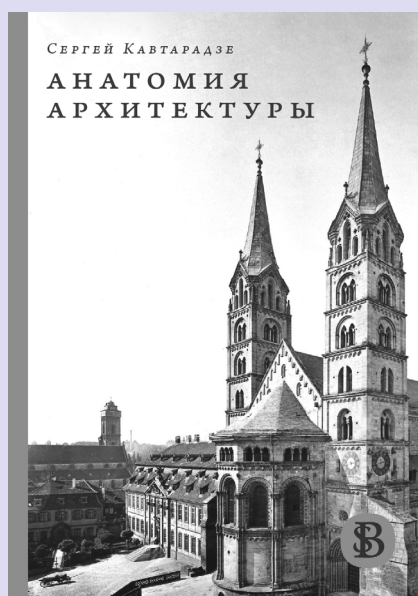
Пути намечены, подходы ясны и методики понятны – вдумчивый анализ и последовательное планирование позволяют решать проблемы малых промышленных городов, какими бы большими эти проблемы ни были. С этой книгой в руках можно, пожалуй, смело идти к инвестору или ответственному за развитие города чиновнику. Неудивительно, что автор ее успешно сочетает исследовательскую работу с прикладной деятельностью, занимаясь вопросами брендинга, нейминга, разработкой разнообразных подходов к практическому внедрению креативной экономики. Достаточно вспомнить участие Быстровой в проекте «НИТИ x НИТИ», ориентированном на трансформацию бывшей Арамильской суконной фабрики (Арамиль – это пригород Екатеринбурга) в арт-пространство, место проведения креативных фестивалей. Остается пожелать работе найти вдумчивых и добросовестных читателей, и не только в кругах исследовательского сообщества, но и за его пределами – в тех кругах, которые и отвечают за практическое распоряжение наследием малых городов.

Источник

- Алферов, Н. С. (1960). *Зодчие старого Урала: первая половина XIX века*. Свердловск: Свердловское книжное издательство.
- Баканов, С. А. (2017). Демографическая деградация городов в старопромышленных районах Урала. *Quaestio Rossica*, (1), 74–85.
- Буш, П. Д. (2017). *Интеграция руинированных объектов исторического наследия в современный архитектурный контекст* [Кандидатская диссертация]. Москва.

1. Автор упоминает, говоря о верованиях древнейших обитателей Урала, Хозяюку Медной горы и Золотого Полоза (с. 55), однако эти фантастические существа всецело являются продуктом таланта Павла Петровича Бажова и не имеют отношения к фольклору русского населения Урала, уже не говоря о древнейших верованиях дописьменных эпох, о которых нам, увы, чрезвычайно мало известно.

- Киселев, М.А. (2019). В.Н. Татищев и становление картографирования Урала в начале 1720-х годов. В *Двенадцатые Татищевские чтения: всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 19–20 ноября 2019 года): материалы* (с. 14–20). Екатеринбург.
- Лахтионова, Е.С. (2023). Участие промышленных предприятий в деятельности по сохранению памятников индустриального наследия в Свердловской области в 1970–1980-е гг. *Экономическая история*, 19(3), 229–245.
- Лотарева, Р.М. (1993). *Города-заводы России. XVIII – первая половина XIX века*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; Уральский архитектурно-художественный институт
- Неклюдов, Е.Г. (2015). Горнозаводские округа на Урале: формирование и состав в XVIII – начале XX в. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки*, (2), 119–133.
- Сергеев, М.А., & Плахотин, И.С. (1983). *Чтобы рос стальной поток. Урал. Пути интенсификации*. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство.
- Нaworth, R. (2000). Patrick Geddes' concept of conservative surgery. *Architectural Heritage*, 11(1).

Сергей Кавтарадзе
АНАТОМИЯ АРХИТЕКТУРЫ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2025

Количество страниц: 496

ISBN 978-5-7598-2550-0

ISBN электронной версии 978-5-7598-4063-3

Книга призвана научить читателя понимать архитектуру прежде всего как вид искусства. В семи главах, которые, в соответствии с давней традицией архитектурных трактатов, автор назвал «книгами», рассказано об основных конструктивных решениях, о том, что творческая воля архитектора направлена не только на стены и перекрытия, но и на пространства между ними, о том, как отражаются в зодчестве представления об устройстве внешнего мира и о лабиринтах внутренних миров. Наконец, издание поможет познакомиться с основными этапами всеобщей истории архитектуры, с тем, какой стиль за каким следует и почему. Важная часть издания – иллюстративная составляющая. Это более 380 иллюстраций – фотографий, гравюр, картин, на которых представлены шедевры Микеланджело, Ле Корбюзье, Алексея Щусева, Константина Мельникова и других выдающихся зодчих.

Александр Рыжков
ГОРОД И ПЕРЕВОЗЧИКИ. ИСТОРИЯ ТРАНСПОРТНЫХ РЕФОРМ

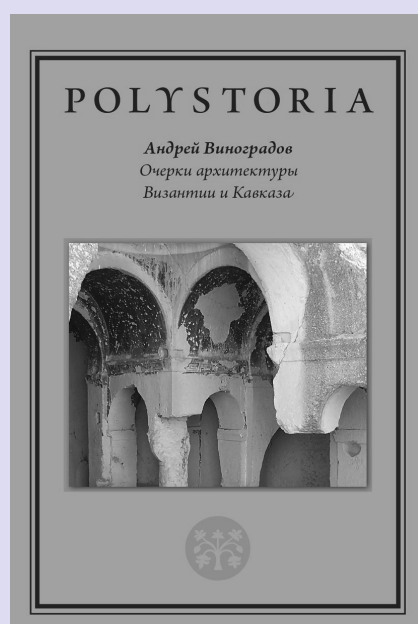
Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 464

ISBN 978-5-7598-2932-4

ISBN электронной версии 978-5-7598-4040-4

Книга раскрывает тему взаимодействия государства и бизнеса в сфере городского пассажирского транспорта. На примере знаковых организационных реформ прошлого, которые то усиливали роль государства, то открывали отрасль для рыночных сил, рассказывается, как сформировались современные представления о регулировании пассажирских перевозок. Подробно рассматриваются различные кейсы: от XVII до XXI века, от Лондона и Стокгольма до Сантьяго и Найроби, от решений барона Османа и Маргарет Тэтчер до инициатив членов московского правительства. Книга построена на обширной базе литературных источников и профессиональном опыте. Она будет интересна специалистам и студентам в сферах городского транспорта, урбанистики и государственного и муниципального управления.

Андрей Виноградов
ОЧЕРКИ АРХИТЕКТУРЫ ВИЗАНТИИ И КАВКАЗА

Издательский дом Высшей школы экономики, 2023

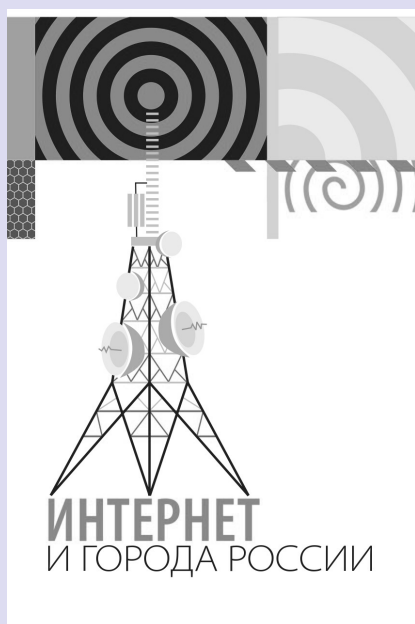
Количество страниц: 488

ISBN 978-5-7598-2372-8

ISBN электронной версии 978-5-7598-2408-4

В книге исследованы актуальные и недостаточно изученные проблемы средневековой архитектуры Византии и Кавказа. Первый раздел посвящен Византии. В нем рассматриваются сложные темы происхождения и ранней эволюции типа вписанного креста, генезис типа купольного зала, возникновение крестово-купольного триконха и др. Впервые дается обзор надвратных храмов, апсидиолы и полукруглой ниши. Большое внимание уделяется взаимоотношениям архитектуры Константинополя и провинций средневизантийского Востока, а также его региональным традициям.

Второй раздел книги посвящен архитектуре средневекового Кавказа. В нем рассматриваются парадигмы и передатировки в истории кавказской архитектуры и история купольной базилики. Дается обзор формирования послееарабской архитектуры в картвельских, абхазских и армянских землях. Освещаются и частные вопросы кавказской архитектуры: кирпичное зодчество Васпуракана, постройки Давида Куропалата, храмы Варзахана и др.

ИНТЕРНЕТ И ГОРОДА РОССИИ

Под ред. Полины Колозарики, Ольги Довбыш

Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 200

ISBN 978-5-7598-2669-9

ISBN электронной версии: 978-5-7598-4044-2

Написанная с целью критического осмысления интернета как одновременно технологии и социокультурного пространства, эта книга рассказывает об истории развития интернета в российских городах. Авторы, побывавшие в исследовательских экспедициях в нескольких крупных и малых городах, обсуждают значение интернета для локальной культуры, бизнеса, управления, анализируют изменения локальных медиа в цифровой среде и роль интернета для поддержания местной истории и идентичности. Также в книге представлен метод качественного полевого изучения многосоставного феномена локального интернета, предложены методологические подходы и приемы, которые могут быть использованы в будущих исследованиях.

Стребков Д.О., Шевчук А.В.
ЧТО МЫ ЗНАЕМ О ФРИЛАНСЕРАХ? СОЦИОЛОГИЯ СВОБОДНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2022

Количество страниц: 528

ISBN 978-5-7598-2722-1

ISBN электронной версии 978-5-7598-2804-4

В монографии рассматривается новое явление на российском рынке труда – самостоятельная занятость независимых профессионалов (фрилансеров), работающих удалённо с помощью Интернета. Сколько фрилансеров в России? Как они живут и работают? Каковы трудовые ценности и мотивация фрилансеров? В чём состоят возможности и риски свободной занятости? Каковы дальнейшие перспективы развития фриланса в России? Авторы дают ответы на эти и другие вопросы, опираясь на уникальные эмпирические данные – четыре волны масштабного мониторингового исследования «Перепись фрилансеров», охватывающего период с 2009 по 2019 год. За последнее десятилетие зафиксированы значимые изменения в социально-демографическом и профессиональном составе фрилансеров, а также формальных и неформальных принципах функционирования рынка удалённой работы, демонстрирующие активное освоение инновационной трудовой практики все более широкими слоями российских работников и высвечивающие острые проблемы на этом пути.

Ю.М. Плюснин
ПРОМЫСЛЫ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ НАСЕЛЕНИЯ

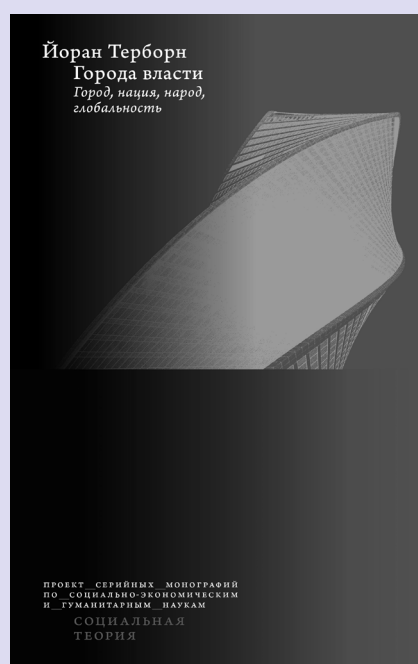
Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 264

ISBN 978-5-7598-2931-7

ISBN электронной версии 978-5-7598-4058-9

Эмпирическое социологическое исследование неформальных хозяйственно-экономических практик (промыслов) провинциальных российских домохозяйств охватывает около четверти регионов страны. Выявлены и описаны виды промысловых практик и основные ресурсы, привлекаемые для осуществления экономической деятельности населения. Специальное внимание уделено древним (архаичским) промыслам и их сопоставлению с современными промыслами, базирующимися на разных источниках ресурсов. Соотношение разных видов промыслов определено как основное условие устойчивости местных обществ. Описаны тенденции как селитебной специализации промыслов, так и промысловой специализации отдельных общин и населенных пунктов в составе местных обществ. Разработана типология промыслов.

Йоран Терборн
ГОРОДА ВЛАСТИ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2021

Количество страниц: 472

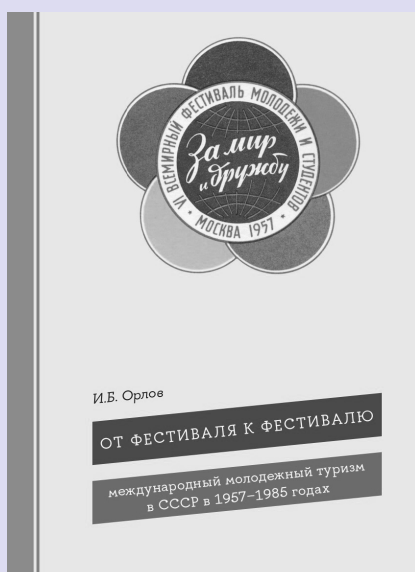
ISBN 978-5-7598-2521-0

ISBN электронной версии 978-5-7598-2293-6

В этом блестящем и оригинальном исследовании политики и значений городских ландшафтов ведущий социолог Йоран Терборн проводит тур по важнейшим столицам мира, показывая, как они оформлялись национальной, народной и глобальной силами. Он анализирует глобальные моменты формирования городов, исторический глобализированный национализм и города современного глобального капитализма образов с их всевозможными небоскребами, закрытыми сообществами и показной новизной.

Разбирая темы, варьирующие от эволюции модернистской архитектуры до возвращения городских революций, и сочетая рассмотрение политики, социологии, городского планирования, архитектуры и городской иконографии, Терборн ставит под сомнение устоявшиеся представления об источниках, проявлениях и объеме власти городов. Он отстаивает идею, что между городом и государством сохраняются сильные связи именно в тот момент, когда кажется, что они отделились друг от друга, и сегодняшняя глобализация городов в значительной степени подгоняется глобальными устремлениями политиков, а также национального и местного капитала.

Благодаря богатству урбанистических наблюдений, собранных на всех обитаемых континентах, уникальному систематическому подходу, охватывающему как Вашингтон или революционный Париж, так и блистающую столицу Казахстана Астану, а также острому и многостороннему анализу «Города власти» заставляют нас переосмыслить наше городское будущее, а также исторически сложившееся настоящее.

И.Б. Орлов
ОТ ФЕСТИВАЛЯ К ФЕСТИВАЛЮ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ МОЛОДЕЖ-
НЫЙ ТУРИЗМ В СССР В 1957-1985 ГОДАХ

Издательский дом Высшей школы экономики, 2024

Количество страниц: 239

ISBN 978-5-7598-4124-1

ISBN электронной версии 978-5-7598-4214-9

В монографии на основе документов центральных и региональных архивов, материалов периодической печати и комплекса научной литературы реконструируется история Бюро международного молодежного туризма «Спутник» 1957–1991 гг. На страницах книги оживают люди, отстраивающие систему молодежного туризма в СССР, а также молодые советские путешественники, открывающие для себя окружающий мир, и прежде всего за пределами советской ойкумены. Издание охватывает целый ряд вопросов: это проблемы институционализации, создания материально-технической и финансовой базы международного молодежного туризма; география и объемы въездного и выездного туризма; техники гостеприимства и объекты показа; открытие советской молодежью зарубежья и взгляд молодых иностранцев на советскую действительность; теневые аспекты молодежного туризма.